

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

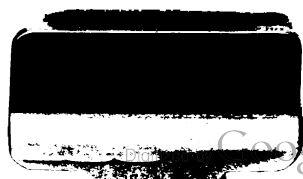
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

И. Д. 2/20.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

4809

Платонъ Кулаковскій.

*Кулаковскій Платонъ
Андрѣевичъ*

ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ

ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

ВЪ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

МОСКВА.

Типографія бывш. О. Б. Миллера, Машковъ пер., д. Миллера.
1882.

0.5.5

X

55/60

PG

1217

K18

A96

192

О Г Л А В Л Е Н І Е

Предисловіе	Стр. VII
-----------------------	-------------

Глава I. Обзоръ новой Сербской литературы до Вука Караджича.

Первыя сербскія книги въ XVIII вѣкѣ. Перепечатка русскаго букваря въ Рышникѣ. Изданія Жефаровича. Орешинъ и его изданія. Павелъ Юлинацъ. Іоаннъ Ранчъ и его сочиненія. Славяно-сербская школа писателей. Гавріиль Стефановичъ; языкъ его сочиненій. Доснѣей Обрадовичъ: его жизнь и сочиненія. Вліяніе ихъ на послѣдующихъ писателей. Первыя попытки драматическихъ произведеній въ сербской литературѣ. Янковичъ и его комедіи. Общая характеристика сербской литературы и ея языка до Вука Караджича

1

Глава II. Вукъ Караджичъ и его литературная дѣятельность.

1. Происхожденіе и воспитаніе Вука Караджича. Его жизнь въ Сербіи и переѣздъ въ Вѣну. Знакомство съ Копитаромъ. Вліяніе Копитара на Вука Караджича. Изданіе Пѣснарицъ и Писменицъ. Работы надъ словаремъ и связи Вука Караджича съ Лукианомъ Мушицкимъ 37
2. Поездка Вука Караджича въ Россію. Его женитьба. Посѣщеніе Сербіи, и начало связей съ княземъ Милошемъ. Поездка Караджича въ Германію. Интересъ въ

Германіи къ сербскому языку и народной поэзиі. Изданіе сербскихъ сказокъ. Мелкія статьи Караджича и его критика романа Видаковича: Любомиръ въ Элизіумѣ. Первый переводъ Новаго Завѣта на Сербскій языкъ и его судьба. Переводы грамматикъ и пѣсенъ сербскихъ на иностранные языки. Новое изданіе Караджича сербскихъ пѣсенъ въ Лейпцигѣ. Возрастающія значеніе и слава Вука Караджича. Русская пенсія Вуку Караджичу

77

3. Календарі-альманахи Вука Караджича: Даница. Общій ихъ характеръ. Статьи въ Даницахъ историческаго и географическаго содержанія. Біографія Эмануэля. Жизнеописаніе князя Милоша на русскомъ и сербскомъ языкахъ. Характеръ этихъ книгъ. Знакомство Вука Караджича съ Ранке. Сочиненіе послѣдняго о сербской революціи и статья о волненіяхъ въ Босніи. Заслуги и участіе Вука Караджича въ этихъ трудахъ Ранке. Караджичъ—членъ комиссіи для составленія законовъ въ Сербіи. Письмо его къ князю Милошу. Матеріальное положеніе Вука Караджича. Поездка въ Петербургъ и Черногорію. Сочиненія: Montenegro und die Montenegriner. Правительствующій Совѣтъ Сербскій

89

4. Изданіе Караджича болгарскихъ словъ и пѣсенъ и его замѣчанія о болгарской орфографіи. Статьи о филологическаго содержанія въ Даницахъ. Литературный споръ Караджича съ Хаджичемъ. Сербская Матица и ея отношеніе къ дѣятельности Караджича. Сербская летопись. Изданіе Опита Сличноречности Луки Милованова и замѣчанія Караджича о сербскомъ удареніи и разитрахъ сербскаго языка. „Примѣри српско-славенскаго језика“. Второе изданіе словаря, его отличія отъ перваго. Переводъ Новаго Завѣта. Замѣчанія на него и критическія статьи В. Лазича, Никанора Груича, Срезневскаго, Гильбердинга. Недостатки этого перевода

120

5. Новыя изданія сербскихъ пѣсенъ. Мѣстныя Якова Грима о сербскихъ пѣсняхъ и Вука Караджича. Изданіе пословицъ и сказокъ. Ковчежић. Изданіе посмертныхъ трудовъ Вука Караджича. Поездки Караджича по сербскимъ землямъ. Связи его съ учеными и писателями. Отношеніе Симы Милутиновича и Станка Врза къ Караджичу. Бранко Радичевичъ и его стихотвореніе Пут. Юрій Даничичъ. Симпатіи Вука Караджича къ князю Милошу. Смерть Вука Караджича , , , , ,

159

Глава III. Значеніе Вука Караджича въ Сербской литературѣ. Его предшественники и исторія реформы сербскаго литературнаго языка и сербской орѳографіи.

Заслуги Вука Караджича, какъ собирателя и издателя народныхъ произведеній и какъ преобразователя сербскаго литературнаго языка и его орѳографіи. Предшественники его: Орелииъ, Досеѳъ Обрадовичъ, Яковичъ, Соларичъ. Отношеніе австрійскаго правительства въ XVIII вѣкѣ къ кириллицѣ и славянскому языку. Мнѣніе Терланча объ языкѣ сербской литературы. Павелъ Кенгеладъ и церковно-славянскій языкъ его сочиненій. Вукъ Караджичъ и его мнѣнія о потребностяхъ сербскаго литературнаго языка. Его выборъ герцеговинскаго нарѣчія. Мнѣнія Саввы Текели и Степча. Соглашеніе сербовъ и хорватовъ относительно единства языка ихъ литературъ. Система орѳографіи Вука Караджича. Савва Меркайль и его брошюра: сало дебелого ера. Защитники ѣ. Правила Степча объ употребленіи ѣ въ сербской орѳографіи. Общая оцѣнка дѣятельности Вука Караджича 179

Приложенія 235—250

Списокъ трудовъ и изданій Вука Караджича	237
Біографическія свѣдѣнія о Саввѣ Меркайлѣ	245
Біографическія свѣдѣнія о Луцѣ Миловановѣ	246
Біографическія свѣдѣнія о Павлѣ Кенгельцѣ	247

0
1
2
3
4
5
6
7
8
9

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Значеніе дѣятельности Вука Караджича въ сербской литературѣ на столько важно, что автору предлагаемаго труда нѣтъ надобности объяснять, почему онъ поставилъ себѣ задачею освѣтить, насколько ему было возможно, исторію этой дѣятельности. Но Вукъ Караджичъ еще лице близкое къ нашему времени: въ сербской литературѣ теперь дѣйствуютъ его ближайшіе ученики и многіе помощники въ его трудахъ, еще не издана его переписка со многими замѣчательными дѣятелями въ области славяновѣдѣнія, еще не собраны свидѣтельства современниковъ и не достаточно освѣщена дѣятельность современныхъ ему писателей. Самая личность Копитара, съ которымъ Вукъ Караджичъ былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ, далеко еще не освѣщена, а попытка Словенской Матицы и почтеннаго словенскаго ученаго о. Іосифа Марна (Kopitarjeva Spomenica) не дала отвѣта на вопросы, имѣющіе самое важное значеніе для нашего труда. Переписка Копитара съ Добровскимъ лишь теперь появляется по частямъ, благодаря стараніямъ гг. Ягича, Миклошича и Патеры. Авторъ предлагаемаго труда, не претендуя на полноту и всестороннюю оцѣнку дѣятельности Вука Караджича, по указаннымъ причинамъ, имѣлъ главною цѣлью разсмотрѣть значеніе Вука Караджича, какъ реформатора сербскаго литературнаго языка и сербской ореографіи.

Для правильнаго освѣщенія какъ дѣятельности, такъ и самой личности писателя иногда на столько же важно правдивое ихъ изображеніе, на сколько важна правильная оцѣнка

предшествовавшей ему литературной эпохи. Въ этомъ отношеніи исторія сербской литературы для изслѣдованія литературнаго движенія въ XVIII вѣкѣ сдѣлала еще мало, а между тѣмъ при изученіи предшествующей Вуку Караджичу эпохи дѣятельность его, какъ преобразователя сербскаго литературнаго языка и орфографіи, получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, которое обыкновенно дается. Заслуги Вука Караджича въ сербской литературѣ нисколько не умаляются отъ признанія того факта, что его предшественники указали всѣ тѣ необходимыя новизны, которыя онъ умѣлъ систематизировать и приложить.

Попытка, сдѣланная г. Ковачичемъ (въ *Slovinc*ъ за 1881 годъ), освѣтитъ дѣятельность Вука Караджича, представляетъ лишь собраніе и перепечатку матеріаловъ, при чемъ этотъ трудъ страдаетъ значительною неполнотою вслѣдствіе трудности имѣть подъ руками всѣ сербскія изданія. Сверхъ того отступленія и параллели съ итальянскими писателями, часто не имѣющія связи съ данными вопросами, и патристическая тенденція, почтенная въ авторѣ-сербѣ, работающемъ въ Дубровникѣ, иногда совершенно закрываютъ отъ читателей самое назначеніе труда г. Ковачича.

Для историка русской литературы дѣятельность Вука Караджича имѣетъ тотъ особый интересъ, что съ этого времени ослабляются связи между сербской и русской литературами, и вліяніе послѣдней уступаетъ мѣсто вліяніямъ западно-европейскихъ литературъ.

Въ заключеніе этихъ немногихъ словъ предисловія позволимъ себѣ выразить надежду, что историки сербской литературы не замедлятъ собрать и издать матеріалъ для всесторонняго освѣщенія замѣчательнѣйшей эпохи сербской словесности, началомъ и центромъ которой была дѣятельность Вука Караджича.

ГЛАВА I.

Обзоръ новой сербской литературы до Вука Караджича.

Начало возрожденія сербской литературы относится къ первой половинѣ XVIII вѣка, когда Сербь, переселившіеся въ южныя предѣлы Австріи изъ стараго своего гнѣзда—Старой Сербіи,—гдѣ турецкій гнетъ сдѣлался для нихъ невыносимымъ, начали на новыхъ мѣстахъ своего поселенія первыя попытки въ области литературы.—Это было время весьма трудное въ жизни сербскаго народа. Австрійскіе походы на Турцію, правда, иногда освобождали на нѣкоторое время цѣлыя сербскія области, но это освобожденіе было лишь временное, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ очень скоро Австріи всякій разъ приходилось отдавать Турціи обратно все, что подпадало подъ ея власть за Дунаемъ и Савой. Такой обратный переходъ сербскихъ земель въ руки Турокъ лишь ухудшалъ тяжелое положеніе Сербовъ, населяющихъ эти области. Сербь, поселившіеся въ Австріи были ограждены разнаго рода привилегіями, которыя однако австрійское правительство старалось обходить весьма старательно, а впослѣдствіи и совершенно забыло. Отсутствие школъ, гдѣ бы могло обучаться сербское юношество, недозволеніе австрій-

скаго правительства Сербамъ открыть свою типографію, недостатокъ въ книгахъ церковныхъ, затрудненія всякаго рода въ сношеніяхъ съ Россіей и добываніи оттуда книгъ, печатанныхъ кириллицей,— все влияло на то, что книги были большою рѣдкостью и пользовались особеннымъ почитаніемъ въ сербскомъ народѣ.

Первыя печатныя книги въ половинѣ XVIII вѣка, съ которыхъ начинается свою исторію сербская библіографія, по своему содержанію принадлежатъ по преимуществу къ числу церковныхъ или трактующихъ о предметахъ религіозныхъ. Сербскія книги въ то время печатались, до основанія сербской типографіи Курцбека въ Вѣнѣ (1771 г.), почти исключительно въ Венеціи. Впрочемъ, нѣкоторыя изданія, съ особыми цѣлями или случайно, выходили и въ другихъ городахъ. Такъ, въ Римѣ въ 1753 г. былъ изданъ букварь, кирилловской и глаголической азбуки, въ Москвѣ въ 1754 году владыка Черногорскій Василій Петровичъ напечаталъ свою *исторію о Черной Горѣ*, а архіепископъ Карловацкій Павелъ Ненадовичъ приказалъ въ 1755 году перепечатать славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго въ Римникѣ для пользованія сербскаго юношества. Въ Венеціи сербская печатня основана была грекомъ Дмитріемъ Θεодосіемъ въ 1758, для чего онъ выписалъ изъ Россіи церковный и гражданскій, а изъ Рима—глаголическій приюты *). Ранѣе, чѣмъ въ Венеціи, именно въ 1705 г., была основана стараніями римницкаго епископа Анеима Ивиренулу славянская типографія, въ которой печатались славянскія цер-

*) Соларичъ. Поминакъ книжескій, стр. 54.

ковныя книги для румынскихъ церквей, такъ какъ служба въ нихъ происходила на славянскомъ языкѣ. Въ этой-то типографіи былъ перепечатанъ одинъ изъ русскихъ букварей, привезенныхъ Максимомъ Суворовымъ, который былъ вызванъ митрополитомъ Моисеемъ Петровичемъ для основанія школы при Бѣлградской митрополіи вскорѣ послѣ Пожаревацкаго мира (1718 г.). Эта перепечатка извѣстна въ изданіи 1727 года. Она носитъ заглавіе: Первое оученіе отрокомъ въ немъ же буквы и слоги, таже краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господня, символа вѣры и десяти блаженствъ. Второе напечатанное, повелѣніемъ и благословеніемъ и всякимъ иждивеніемъ ясно въ Богу Господина Моисея Петровича, Православнаго Архіепископа и митрополита Бѣлграда и иныхъ странъ, въ епископіи Рымнической, лѣто Господне 1727. Іліа от Чернаводы Типографъ *). Этотъ букварь — первая до сихъ поръ извѣстная книга, напечатанная для Сербовъ въ XVIII вѣкѣ, — поэтому съ нея слѣдуетъ и начинать новую сербскую библіографію.

Такъ какъ первыя школы у Сербовъ возникли при ближайшемъ содѣйствіи русскихъ учителей, приглашенныхъ сербскими митрополитами, то и первыя учебныя книги были тоже русскія, привезенныя съ собою этими учителями изъ Россіи. Богослужебныя и церковныя книги почти до нашего времени приходили на православный славянскій югъ исключительно изъ Россіи, духовныя лица, искавшія высшаго богословскаго образованія, уходили въ Россію и тамъ поступали въ русскія семинаріи и Академіи, — и по-

*) Гласник, XLVI, стр. 236.

нятно, что славянскій языкъ русской редакціи церковныхъ книгъ получилъ широкое распространеніе среди всего православнаго славянства.

Между первыми книгами новой сербской литературы выдается *Стемматографія* Жефаровича „или-рическо-россіанскаго общаго зографа“, какъ онъ себя называетъ, изданная въ 1741 году. Она представляетъ переводъ съ нѣмецкаго, сдѣланный вѣроятно самимъ Жефаровичемъ, какъ свидѣтельствуется одно изъ заглавій этой книги: „Изображеніе оружій или-рическихъ ауторомъ Пауломъ Риттеромъ в'діалектѣ латинскомъ изданное на свѣтъ и по его уряженію на Славено-Сербскій языкъ преведенное второе изданіе“. Эта книга вся рѣзана на мѣди. Стемматографія Жефаровича состоитъ изъ изображеній различныхъ царей, князей и святыхъ сербскихъ,—за ними идетъ изображеніе гербовъ всѣхъ славянскихъ странъ и сосѣднихъ земель. Всѣ эти изображенія сопровождаются подписями въ стихахъ *). Жефаровичъ издалъ двѣ книги, въ Вѣнѣ, и обѣ были рѣзаны на мѣди: Стемматографію въ 1741 г. и Поученіе святи-тельское къ новопоставленному іерею въ 1742 г.

*) Для образца приведу подписи къ гербамъ Босніи и Москвы изъ этой рядкой книги.—Гербъ Босніи—крестъ:

Червленъ, по крестъ чворновать въ щитъ иматъ Босна,
Сребро земля надаетъ поля златоносна,
Крестъ народу чворновать, мятежъ скорби родить,
Но Богъ, крестъ мнѣ давый, крестомъ да свободить.

Подписъ къ гербу Москвы: двуглавый орелъ съ Великомученикомъ Георгіемъ.

Двоглавнымъ орломъ златимъ Москва оукрашена,
Къ народу к супостатомъ окомъ приложена,
Народъ держитъ правило, мечемъ супостати
Побѣждаетъ, отъ страха врагъ не смѣетъ стати.

За весьма небольшимъ исключеніемъ, всѣ сербскія книги, печатавшіяся тогда въ Вѣнѣ и Венеціи, принадлежатъ церковной словесности, и почти всѣ писатели начинали свою дѣятельность—трудами, относящимися къ этой области литературы. Это были поученія, наставленія, церковныя правила, акаѳисты и т. д., весьма часто лишь переводы съ русскаго на особый типъ славяно-сербскаго языка, тогда устремивавшійся въ начинающейся сербской словесности. Между сербскими писателями этого времени особенно выдается Захарій Орфелинъ, родомъ изъ Вуковара (род. 1726 г.). Имя Орфелина онъ принялъ впоследствии, составивъ его изъ Orpheus и Linus, перенесши много разнаго рода непріятностей во время своего учительствованія *). Впоследствии онъ сталъ однимъ изъ секретарей Митрополита Карловацкаго Павла Ненадовича. Затѣмъ онъ переселился въ Венецію, сталъ тамъ заниматься искусствами и былъ избранъ даже членомъ Вѣнской Академіи Художествъ. Первые его сочиненія носятъ исключительно духовный характеръ. Такъ въ 1757 г. онъ издалъ „краткое о Богоподобіи тѣлу и крови Христовой поклоненіи и времени того наставленіе“, въ слѣдующемъ году „Ортодоксѣомологія сирѣчь православное исповѣданіе католическія и апостолскія церкви восточныя и т. д.“ Въ это время стали появляться въ сербской литературѣ первые учебники, и Орфелинъ въ 1767 году напечаталъ „Первые начатки латинскаго языка“,—которые онъ перевелъ съ русскаго. Къ этому то времени относится и изданіе Орфелиномъ букваря съ церковною и граждан-

*) Savařik Gesch. des Serbischen Schriftthums стр. 308.

скою азбуками *). Его *Вѣчный календарь*, напечатанный въ первый разъ въ 1783 г., выдержалъ нѣсколько изданій; Орфелину же приписывается „Житіе и славныя дѣла Государа Императора Петра Великаго“, вышедшее въ Венеціи въ 1772 г. въ двухъ томахъ **). Въ 1768 году Орфелинъ дѣлаетъ попытку періодическаго изданія подъ заглавіемъ: „Славено-Сербскій Магазинъ, то есть собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ (въ Венеціи, въ типографіи славено-Греческой благочестивой Димитрія Θεодосіева.)“ „Славено-Сербскій Магазинъ“ заслуживаетъ вниманія какъ потому, что онъ былъ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ, въ то время мало употребительнымъ у Сербовъ, — такъ и по языку, въ которомъ замѣтно нѣкоторое стремленіе автора приблизиться къ простому сербскому выраженію, и по своему составу. Онъ состоитъ по преимуществу изъ перепечатокъ съ русскаго и переводовъ статей морально поучительныхъ въ духѣ литературы того времени. Въ предисловіи Орфелинъ замѣчаетъ, что время, когда писались книги исключительно на латинскомъ языкѣ, — прошло, и что теперь научныя сочиненія издаются на живыхъ языкахъ: ***) это было первое заявленіе правъ сербскаго языка на свою собственную литературу. По замыслу Орфелина, Славено-Сербскій Магазинъ долженъ былъ имѣть характеръ научно-практическаго сборника, въ которомъ Сербскій читатель могъ бы найти поученія мораль-

*) Стоянъ Новачовичъ ошибочно относитъ изданіе этого букваря къ 1776 г. (см. его Библиографію № 64.), такъ какъ объ этой книгѣ сдѣланъ уже отзывъ въ Магазинѣ 1768 года.

**) Šafařík. *ibidem*. Стр. 423.

***) Магазинъ, стр. 4 и 5.

ныя, наставленія практическія и вообще интересныя свѣдѣнія. Попытка эта основать періодическое изданіе остановилась, впрочемъ, на первомъ же выпускѣ.

Къ этому же времени относятся и первые переводы беллетристическихъ произведеній съ французскаго—на *славенскій* языкъ. Павелъ Юлинацъ, бывшій нѣкоторое время русскимъ консуломъ въ Неаполѣ, напечаталъ въ Вѣнѣ въ 1776 году славянскій переводъ повѣсти Мармонтеля—*Велизарій*. Тотъ же Юлинацъ первый сдѣлалъ попытку написать исторію Сербскаго народа, и въ 1765 году онъ напечаталъ: Краткое введеніе въ исторію происхожденія Славяно-Сербскаго народа,—трудъ, при составленіи котораго онъ пользовался хроникой Юрія Бранковича, но который не имѣетъ значенія ни въ исторіографіи, ни въ исторіи сербской литературы вообще. Гораздо важнѣе трудъ извѣстнаго сербскаго историка и писателя Іоанна Рача (1726—1801).

Іоаннъ Рачъ родился въ Карловцахъ и здѣсь же учился сначала у учителей въ то время вызванныхъ изъ Россіи митрополитомъ Викентіемъ Іоанновичемъ, устраивавшимъ школу. Затѣмъ онъ провелъ семь лѣтъ у одного учителя Райковича, у котораго онъ научился по славянски. Послѣ онъ поступилъ въ іезуитскую коллегію въ Коморанѣ, гдѣ онъ не могъ окончить курса, такъ какъ отъ него потребовали принять католичество,—почему онъ и переѣхалъ въ Шопронъ (Oedenburg) и поступилъ въ тамошнюю евангелическую школу. Въ 1753 г. онъ былъ уже въ Кіевѣ, пройдя часть дороги въ Россію пѣшкомъ. Тутъ онъ поступилъ въ Духовную Академію и пробылъ въ ней 4 года, употребивъ одинъ годъ на посѣщеніе Москвы. Затѣмъ вернувшись въ Карловцы,

онъ желалъ сдѣлаться учителемъ, но разныя непріятности заставили его отказаться отъ этого намѣренія, и Рацичъ вторично отправился въ Кіевъ, откуда черезъ Царьградъ поѣхалъ на Аѳонъ. Онъ хотѣлъ воспользоваться рукописными богатствами Хиландарскаго монастыря для задуманной имъ тогда Сербской исторіи. Но грубые и невѣжественные Хиландарскіе монахи не дали ему возможности воспользоваться библіотекою монастыря, и потому, пробывъ лишь два мѣсяца на Аѳонѣ, Рацичъ вернулся въ Карловцы въ самомъ концѣ 1758 г., проѣхавъ чрезъ Македонію и Сербію и посѣтивъ на пути знаменитый Дечанскій монастырь. Съ этого времени по 1762 г. Рацичъ былъ учителемъ сначала въ Карловцахъ, затѣмъ переехалъ въ Темешваръ къ епископу Викентію Видаку, у котораго онъ провелъ полтора года „обильнѣе и пруднѣе“ *). Затѣмъ онъ провелъ 9 лѣтъ въ Новомъ Садѣ, гдѣ преподавалъ богословіе въ духовномъ училищѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и гдѣ написалъ свою исторію, окончивъ ее въ 1768 г. **). Здѣсь же онъ составилъ нѣсколько учебниковъ по богословскимъ наукамъ. Въ 1772 г. онъ постригся въ монахи въ монастырѣ Ковылдскомъ, и вскорѣ сталъ въ немъ настоятелемъ и архимандритомъ. Съ тѣхъ поръ до смерти (1801 г.) Рацичъ жилъ все время въ этомъ монастырѣ и 15 разъ отказался отъ лестнаго для него предложенія сдѣлаться епископомъ, отдавши цѣлкомъ занятіямъ научнымъ и труду литературному ***). Многіе его труды остались ненапечатан.

*) Гласник I, 172. автобіографическія замѣтки Рацича.

**) Šafařík. ibidem. стр. 305.

***) Бончъ. Памятникъ мужемъ у Славено-сербскомъ книжеству славнымъ стр. 31. Лѣтоп. Матицы Сербской, кн. 50, стр. 50—58.

ными и лишь впоследствии появлялись въ отрывкахъ въ печати *). Трудомъ, который ему доставилъ извѣстность и значеніе, была его — „Исторія разныхъ Славенскихъ народовъ наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ“ — вышедшая въ Вѣнѣ въ 4 томахъ въ 1794—1795 гг. Въ этомъ его сочиненіи исторія югославянъ впервые была изложена въ извѣстной системѣ: это не была уже *хроника*, обычная форма историческихъ сочиненій предшествующихъ Раичу историческихъ писателей. У Раича не доставало критической подготовки для историческаго труда, но за то онъ впервые свелъ въ нѣкоторую систему историческія свѣдѣнія о прошедшемъ югославянъ, и эта „Исторія Славенскихъ народовъ“ долгое время была единственнымъ источникомъ, откуда Сербы черпали свѣдѣнія о своемъ прошедшемъ. Языкъ, которымъ Раичъ написалъ свою *Исторію*, былъ „славено-сербскій“ или лучше русско-славянскій съ весьма небольшою примѣсью сербскихъ словъ и выраженій. Этотъ языкъ исторіи Раича сдѣлался на долго образцовымъ для писателей славяно-сербской школы. Но Раичъ писалъ и на языкѣ, болѣе близкомъ къ живому сербскому нарѣчію: таково его: собраніе разныхъ недѣльныхъ и праздничныхъ правоучительныхъ поученій въ 3 частяхъ (1793 г.). Онъ пробовалъ свои силы и въ драматическомъ родѣ литературныхъ произведеній: въ 1798 была напечатана его „Трагедія сирѣчь печальная повѣсть о смерти послѣднаго Царя Сербскаго Уроша Пятаго“, а въ 1791 г. воспѣвалъ войну Австріи съ Турціей въ стихотвореніи: „Бой змая съ орловы“.

*) Напр. отрывки изъ его труда: Исторія о раздѣленіи восточне и западне церкви. Лѣтоп. Мат. Серб. вып. 90 и 91. за 1854 и 1855.

Языкомъ Сербскихъ писателей того времени былъ славянскій языкъ русскихъ церковныхъ книгъ, обыкновенно съ примѣсю сербскихъ словъ, формъ и выраженій,—но чѣмъ меньше было этой примѣси, тѣмъ слогъ писателя считался лучше. Этотъ языкъ назывался *славено-сербскимъ*, а писатели, доказывавшіе исключительныя права этого славяно-сербскаго слова въ сербской литературѣ,—*славено-сербами*. Какъ увидимъ, школа славено-сербовъ вела сильную борьбу противъ сербскаго народнаго языка въ литературѣ и относилась враждебно ко всемъ нововведеніямъ Вука Караджича, задержавъ на время побѣду національнаго направленія въ сербской литературѣ.

Сочиненія и писатели въ XVIII в., признававшіе права народнаго языка на литературу въ сербской письменности, составляютъ лишь исключенія. Первымъ изъ писателей этого рода былъ Гавриилъ Стефановичъ, монахъ, учившійся у Кириана Рачанина, одного изъ спутниковъ патріарха Арсенія III при его переселеніи изъ Печи въ Австрію. Дѣятельность его относится къ первой половинѣ XVIII вѣка (1716—1747). Онъ оставилъ много сочиненій на чисто-сербскомъ языкѣ, но преимуществу догматическаго и церковнаго характера. Будучи знакомъ съ языкомъ русскимъ и польскимъ, онъ переводилъ съ нихъ весьма много „на просты языкъ србскый“ и „за селяне и протє людє“. Всѣ его сочиненія остались въ рукописи. Между прочимъ онъ переводилъ полемическія проповѣди архіепископа черниговскаго, Лазаря Барановича *).

*) Гласникъ, XXXIV, статья Витковича: о книжномъ радѣ Іеромонаха Гаврила Стефановича стр. 150—177.

Другимъ, но несравненно болѣе важнымъ исключеніемъ изъ числа сербскихъ писателей XVIII вѣка, — былъ Досиѣей Обрадовичъ (1739—1811).

Сербскіе писатели, ставя себѣ въ заслугу *высокую ученость*, издавали книги, въ которыхъ трактовали о вопросахъ, часто совершенно чуждыхъ потребностямъ Сербскаго народа. Какъ по содержанію, такъ и по языку ихъ сочиненія не были понятны даже всему сравнительно образованному классу народа, но народъ инстинктивно понималъ значеніе книги и взиралъ на эти сочиненія, какъ на національное сокровище *). Народъ цѣнилъ языкъ писателей славено-сербской школы, какъ языкъ церкви, и на самихъ писателей взиралъ съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на защитниковъ народной вѣры и сербской національности.

Въ это время полного господства литературы, далекой отъ жизни и пониманія народа, чуждой ему по языку, выступаетъ дѣятелемъ на полѣ сербской словесности знаменитый Досиѣей Обрадовичъ. Какъ личность, такъ и дѣятельность этого сербскаго писателя въ высшей степени замѣчательны и важны по своему вліянію какъ на все послѣдующее развитіе сербской литературы, такъ и на развитіе національнаго самосознанія и рационалистическихъ воззрѣній у Сербовъ. Поэтому остановимся на немъ подробно.

Дмитрій, въ монашествѣ Досиѣей, Обрадовичъ родился въ Чаковѣ, въ Темешварскомъ Банатѣ. Отецъ его былъ кожевникъ и торговалъ мѣхами и кожами. Дмитрій Обрадовичъ рано лишился отца, котораго

*) Subbotić. Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbisch. Literatur., стр. 9

память онъ чтилъ, основываясь на отзывахъ сосѣдей, всегда хвалившихъ покойника. Мать его, оставшись вдовою съ четырьмя дѣтьми, вышла вторично замужъ и вскорѣ умерла. Девяти или десяти лѣтъ Дмитрій Обрадовичъ со своими братьями былъ взятъ въ домъ дяди Груицы, а сестра Юльянка осталась у дѣда, гдѣ вскорѣ и умерла. Впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ свою сестру и въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій замѣчаетъ, что онъ, быть можетъ, и не сдѣлался бы странникомъ, еслибы была жива сестра, къ которой онъ чувствовалъ глубокую привязанность. Еще при жизни матери онъ началъ ходить въ школу, — и вспоминаетъ о добротѣ къ нему его учителя Добры, подарившаго ему для чтенія новый *часословъ*. Вскорѣ однако онъ былъ взятъ на воспитаніе другимъ родственникомъ, который, видя склонность Дмитрія къ ученію, задумалъ приготовить его во священники. Отъ чтенія часослова, Дмитрій перешелъ къ чтенію Псалтиря и наконецъ сталъ учить *катехизисъ*: это были обыкновенныя ступени тогдашняго обученія. Въ Чаковѣ было много румынъ и грековъ, и румынскій языкъ былъ настолько же употребителенъ, насколько и сербскій, — повтому Дмитрій, владея румынскимъ языкомъ сталъ читать книги, писанныя на румынскомъ языкѣ. Онъ забирался въ церкви въ алтарь и тамъ читалъ сборникъ румынскихъ проповѣдей на румынскомъ языкѣ. Тутъ онъ познакомился и съ житіями святыхъ, такъ сильно повліявшими на его дальнѣйшую судьбу.

Эта ревность къ церкви и чтенію церковныхъ книгъ нравилась его дядѣ, который готовилъ его во священники, но впечатлительный мальчикъ, подъ вліяніемъ житій святыхъ, — задумалъ сдѣлаться мона-

хомъ. Воображеніе, воспламененное чтеніемъ о подвигахъ пустынниковъ и подвижниковъ, рисовало ему прелесть пустынножительства, и Дмитрій сталъ мечтать о египетскихъ и аравійскихъ пустыняхъ. Онъ сталъ посѣщать ближніе въ Чакову монастыри съ цѣлью найти для себя пещеру. Ему однако не нравилось, что „монахи этихъ монастырей ѣдятъ и пьютъ, какъ другіе люди“, и онъ сталъ думать о пустыняхъ и дальнихъ монастыряхъ.

Теперь его дядя замѣтилъ, что его надежды сдѣлать изъ Дмитрія священника, — разбиваются, и онъ сталъ объяснять племяннику неумѣстность его стремленій. Но онъ не могъ разбить доводовъ начитавшагося церковныхъ книгъ и поученій племянника, и вскорѣ Дмитрій бѣжалъ изъ Чакова съ игуменомъ Дечанскаго монастыря, отправлявшимся въ свой монастырь въ Турцію. Дмитрій Обрадовичъ уже предвкушалъ сладость пустынножительства, но весьма недалеко отъ Чакова ихъ нагналъ его дядя, который и возвратилъ домой юнаго подвижника. Въ разсказахъ о запустѣннѣй церковей и трудностяхъ монашескаго житія въ Турціи Дмитрій видѣлъ лишь искушеніе его твердости, и онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ сдѣлаться монахомъ.

Возвратившись въ Чаково, Дмитрій сталъ учиться по гречески. Но учитель Сербской школы, которую посѣщалъ Дмитрій, замѣтивъ его отсутствіе въ школѣ, высѣкъ его, и онъ былъ принужденъ прекратить свои занятія греческимъ языкомъ. Страсть Дмитрія къ изученію греческаго языка была однако лишь оставлена и впоследствии снова возвратилась.

Наконецъ дядя рѣшилъ своего племянника отдать въ мастерство, надѣясь, что собственный опытъ

жизни у чужихъ людей уничтожить охоту Дмитрія къ странствованію. Съ этою цѣлью онъ отвезъ его въ Темешваръ, гдѣ и отдалъ его къ выдѣлывателю ковровъ. Здѣсь Дмитрію, которому часто поручалась счетная и письменная часть въ торговлѣ, приходилось отпрапляться на разные базары съ товаромъ своего хозяина. На базарахъ онъ видѣлъ настоящую практическую жизнь, которая мало по малу заслоняла его прежнія мечты,—но все свободное время онъ по прежнему посвящалъ чтенію проповѣдей и житій. Необыкновенная любознательность Дмитрія не давала ему покоя, и онъ сталъ думать, какъ бы выучиться нѣмецкому и итальянскому языкамъ, которыя онъ часто слышалъ на базарѣ въ Темешварѣ.

Случай позволилъ ему слышать разсужденіе одного епископа—Георгія Поповича, о бракѣ, о жизни, о монахахъ, о вѣрѣ и т. д. Весь этотъ разговоръ епископа съ окружающими Досиеей Обрадовичъ передаетъ въ описаніи своей жизни *). Епископъ, нападая на отступленія въ церкви, вошедшія въ нее въ позднѣйшія времена, указываетъ, что монашество въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, отжило свое время. Сборы, которые дѣлаются монахами, унижая монашество, ведутъ къ тому, что народъ считаетъ монаховъ такими же грабителями, какъ и Турокъ. Епископъ указывалъ, что въ первые вѣка христіанства и епископы были женаты, и подробно разсуждалъ о высокомъ призваніи женщины, какъ матери и воспитательницы поколѣній. Онъ говорилъ о бракѣ, какъ о предметѣ особаго почитанія. Эти мнѣнія епископа, которыя Досиеей передалъ въ своей авто-

*) Жизнь и приключенія (43—73).

біографіи—сообразно со всей цѣлью своей книги,— сильно повліяли на юнаго мечтателя. Дмитрій сталъ забывать всѣ свои мечты о пустынножителствѣ.

Но въ это время онъ познакомился съ шапочникомъ Феодоромъ, который ему много рассказывалъ о монастыряхъ во Фрушкѣй горѣ и между прочимъ сказалъ, что и теперь въ одной изъ пещеръ живетъ святой, производящій чудеса. Вновь воскресли всѣ прежнія мечты въ юношѣ, и Дмитрій рассказалъ о слышанномъ отъ Феодора одному изъ своихъ товарищей и земляку Никѣ Путину. Ника, увлеченный рассказомъ Дмитрія, рѣшился отправиться съ нимъ во Фрушкую гору, и они, убѣжавъ изъ Темешвара, послѣ разныхъ приключеній добрались до Хоповскаго монастыря. Мягкая чувствительная натура Дмитрія Обрадовича не позволяла ему такъ спокойно разстаться съ родными предѣлами. Проходя вблизи города Семаרתона, гдѣ похоронены его мать и сестра, онъ, стоя на одномъ холмѣ, долго съ нимъ прощался и вспоминалъ мать и сестру. Хоповскій монастырь расположенъ среди прекрасной мѣстности, которая произвела сильное впечатлѣніе на юношу и привлекала его еще сильнѣе къ жизни въ атомъ монастырѣ. Здѣсь онъ взялъ былъ игуменомъ монастыря Феодоромъ Милутиновичемъ въ ученики, при чемъ онъ исполнялъ у него и обязанность служки. Теперь ему представилась полная возможность читать житія святыхъ и церковныя книги. Добродушный, малоученый старикъ-игумень былъ до такой степени доволенъ хорошимъ умѣніемъ читать своего ученика и его познаніями, что возилъ съ собою въ сосѣдній городокъ Иригъ и показывалъ тамъ Дмитрія, который читаетъ лучше, чѣмъ онъ, игумень. Въ Хоповѣ Обрадовичъ провелъ

три года. Наконецъ онъ задумалъ постричься въ монахи, но игуменъ старался отклонить его отъ исполненія этого намѣренія. Онъ его бралъ съ собою всякій разъ, когда выѣзжалъ изъ монастыря, такъ что Обрадовичъ съ нимъ объѣхалъ весь Сремъ, Славонію и Бачку. Подъ вліяніемъ рассказовъ о постѣ разныхъ святыхъ, о чемъ онъ узналъ изъ читанныхъ имъ Четьи-Миней, Обрадовичъ налагалъ на себя необычайный постъ и по цѣлымъ днямъ не ѣлъ хлѣба и не пилъ воды. Разумный игуменъ сталъ убѣждать юношу, налагавшаго на себя подобные аскетическіе подвиги, — что лучший способъ сдѣлаться *святимъ* — быть честнымъ человѣкомъ, — и что для человѣка достаточно определенныхъ церковью постовъ. Но эти наставленія и совѣты не успокоили Обрадовича, нафанатизированнаго чтеніемъ житій святыхъ, — и онъ постригся въ монахи, получилъ имя Досіея, а затѣмъ былъ рукоположенъ во діаконы архіепископомъ Павломъ Ненадовичемъ въ Карловцахъ. Теперь молодой монахъ окончательно отдался мыслямъ о святости и духовныхъ подвигахъ. Слава о его святости и даже чудотворности разнеслась по окрестнымъ селамъ, и въ монастырь стали стекаться къ нему съ просьбами о его молитвахъ. Даже самъ игуменъ, такъ разсудительно нѣкогда отклонявшій Обрадовича отъ монашества, готовъ былъ повѣрить въ чудодѣйственную силу молодого подвижника.

Въ это время случайно Досіею попала въ руки исторія Баронія. Книга его заинтересовала, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ читать „гражданскія російскія историческія книги“.

Игуменъ теперь сталъ совѣтовать ему отправиться въ Кіево-Печерскую лавру для приобрѣтенія познаній.

Въ это время въ монастырѣ говорили много объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и Россіи, и мысль о Кіевѣ и Москвѣ постоянно занимала Обрадовича. Когда митрополитъ перевелъ игумена Ѳедора Милутиновича въ монастырь Шипатовацъ, Досиѳей получилъ отъ него 15 дукатовъ и весьма разумное наставленіе. „Мнѣ пріятнѣе видѣть ученаго молодого Раича, говорилъ старый игуменъ, нежели четырехъ вселенскихъ патріарховъ, которые были бы также неучены, какъ и я“. Онъ совѣтовалъ ему учиться, говорилъ о пользѣ и важности науки и сказалъ между прочимъ, что онъ превратилъ бы всѣ монастыри въ школы.

Рѣчи игумена произвели свое дѣйствіе на Обрадовича, вкрались сомнѣнія въ его душу, и онъ вмѣстѣ съ однимъ юношей, родственники котораго хотѣли сдѣлать его монахомъ, тайкомъ ушелъ изъ монастыря, намѣреваясь пробраться въ Россію на тѣ 15 дукатовъ, которые ему далъ старикъ-игуменъ на прощанье. Это было во время семилѣтней войны. Въ Хорватіи родственники его сотоварища по бѣгству приняли Досиѳея хорошо и совѣтовали ему поѣхать въ Германію, а оттуда уже при помощи сербовъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ, перебраться въ Россію. Обрадовичъ рѣшился выждать удобнаго случая для исполненія своего намѣренія и поѣхалъ въ Загребъ.

Здѣсь онъ намѣренъ былъ поступить въ коллегіумъ, чтобы поучиться по-латыни, но узнавъ, что это учебное заведеніе—уніатское, отказался отъ своего намѣренія. Случай помогъ ему однако удовлетворить своему желанію. Въ домѣ его квартирной хозяйки жилъ ея братъ, который, узнавъ о его желаніи, сталъ учить Досиѳея латинскому языку и подарилъ ему ла-

тинскую грамматику. Въ это время ему представился удобный случай попасть въ дѣйствующую армію въ качествѣ помощника священника, который долженъ былъ туда отправиться. Но однако это дѣло разстроилось, и Досиѣей остался бы надолго въ Загребѣ, если бы случайно не встрѣтился съ однимъ своимъ старымъ знакомымъ, который предложилъ ему вмѣстѣ отправиться въ Вѣну, откуда скорѣе можетъ представиться возможность переѣхать въ Россію. Для этого Досиѣей долженъ былъ обратиться къ епископу Плашкому Данилу, съ которымъ ѣхалъ смутившій его товарищъ.

Епископъ посовѣтовалъ ему собрать учительствомъ небольшія деньги, прежде чѣмъ предпринимать путешествіе въ Россію.

Досиѣей такъ и сдѣлалъ и, по указанію епископа, отправился въ Далмацію и сталъ учителемъ вблизи Книна. Тутъ онъ провелъ три года. Въ письмѣ, въ которомъ Досиѣей рассказываетъ объ этомъ времени своей жизни, изображается простая, идиллическая жизнь тѣхъ людей, съ которыми здѣсь онъ сблизился. „Это—настоящіе святые“, восклицаетъ онъ, говоря о чистосердечіи и добротѣ священника Новаковича, съ которымъ онъ въ особенности сошелся.

Собравъ въ теченіе трехъ лѣтъ нѣкоторую сумму денегъ, Досиѣей вознамѣрился отправиться на Аѳонъ, гдѣ въ это время славилась лекціи Евгенія Булгариса. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Боку Которскую, чтобы тамъ сѣсть на корабль, шедшій въ Грецію, но заболѣлъ лихорадкою и потому принужденъ былъ отказаться отъ путешествія. Теперь онъ поѣхалъ въ Черногорію, гдѣ владыка Василій рукоположилъ его во священники. Но лихорадка заставила его вскорѣ

уѣхать и изъ Черногоріи, и Досиѣей становится учителемъ вблизи Боснійской границы въ Голубичѣ. На второмъ году его учительства въ этомъ селѣ появилась чума, которая разогнала изъ него жителей, а Досиѣей перебрался къ своему пріятелю священнику Симичу. Здѣсь онъ сдѣлалъ выборку изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста на Дѣянія Апостольскія, и такимъ образомъ составилаь его первая книга, извѣстная подъ именемъ *Досиѣевой букицы*. Эту *букицу* составилъ онъ, по просьбѣ дочери священника Симича, на *простомъ* сербскомъ языкѣ. Книжка имѣла необыкновенный успѣхъ, и списки ея распространились по всей Далмаціи.

Наконецъ Досиѣею удалось предпринять путешествіе, и онъ отправился въ Корфу. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ изученіи греческаго языка. Изъ Корфу онъ переѣхалъ въ Морею и, остановившись въ Патрасѣ, два мѣсяца употребилъ на путешествіе по Греціи, Затѣмъ онъ отправился на Аѳонскую гору, но здѣсь уже не засталъ Булгариса, который незадолго предъ его пріѣздомъ оставилъ Аѳонъ. Въ монастыряхъ аѳонскихъ Досиѣей провелъ осень и зиму, а весною отправился на островъ Патмосъ, узнавъ, что тамъ преподается греческій языкъ. По пути въ Патмосъ Досиѣей остановился въ Смирнѣ, гдѣ и поступилъ въ греческую школу. Здѣсь онъ сблизился съ учителемъ грекомъ Іероооомъ. Въ Смирнѣ онъ провелъ три года, а когда началась война между Россіей и Турціей, его пребываніе въ этомъ городѣ сдѣлалось небезопаснымъ, такъ какъ его многіе называли „пана Москвитисъ“, смѣшивая сербовъ съ русскими. Отсюда виѣстѣ съ однимъ изъ учениковъ Іероооа Обрадовичъ отправился назадъ въ

Европу. Его товарищъ Максимъ изъ Лариссы сильно заболѣлъ, и Досиеей рѣшился его сопровождать въ Эессалию. Счастливый случай далъ возможность Досиеею посѣтить Албанію, гдѣ онъ провелъ цѣлый годъ. Досиеей скоро выучился по-албански и постарался примѣнить кириллицу къ албанскому языку. Это особенно удивило албанцевъ, которые, впрочемъ, объясняли Досиеею, что они одинъ родъ и племя съ сербами.

По просьбѣ албанскихъ вождей, поручившихъ ему какое-то дѣло, Досиеей отправился въ мѣстности близкія къ Корфу. Когда спустя пять мѣсяцевъ Досиеей пріѣхалъ въ Корфу, исполнивъ данное ему порученіе, онъ нашелъ письма, извѣщавшія его, что въ Албаніи начались междоусобія, и что онъ пока не можетъ туда возвратиться. Такимъ образомъ онъ остался въ Корфу и сталъ вновь заниматься греческимъ языкомъ и литературою. Онъ нашелъ для себя учителя, съ которымъ читалъ произведенія древнихъ греческихъ писателей, и сблизился съ однимъ священникомъ, у котораго сталъ учиться латинскому языку и читать лучшихъ авторовъ древняго Рима.

Пробывъ въ Корфу тринадцать мѣсяцевъ и издержавъ всѣ свои деньги, Досиеей поспѣшилъ отправиться обратно въ Далмацію чрезъ Венецію. Сначала онъ поселился въ Задрѣ, а затѣмъ отправился въ Книнъ къ своему прежнему пріятелю протопопу Новаковичу. Отсюда онъ часто ѣздилъ въ Далматинскіе монастыри и окрестныя села, по приглашенію прихожанъ, произносить проповѣди. Поученія Досиеея вскорѣ дали ему большую славу, и жители города Скрадина пригласили его быть проповѣдни-

комъ въ ихъ городѣ, но мѣстный католическій епископъ воспротивился подобному назначенію проповѣдника, основываясь на томъ, что Досиѣей не былъ венеціанскимъ подданнымъ. Католическому епископу казался опаснымъ такой умный и просвѣщенный проповѣдникъ въ православной церкви, какимъ былъ Досиѣей. Послѣ этой неудачи онъ прожилъ одинъ годъ въ Задрѣ, гдѣ намѣренъ былъ заниматься математикою. Затѣмъ онъ изъ Задра чрезъ Триестъ отправился въ Вѣну, гдѣ и прожилъ семь лѣтъ, занимаясь французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками и давая уроки.

На третій годъ своего пребыванія въ Вѣнѣ онъ могъ учить французскому языку греческихъ купцовъ, давая имъ объясненія по-гречески, что дѣлало его особенно желаннымъ для нихъ учителемъ. Такъ онъ провелъ семь лѣтъ въ Вѣнѣ. Въ это время туда пріѣхалъ митрополитъ Викентій Видакъ, который пригласилъ его въ учителя французскаго и итальянскаго языковъ къ двумъ своимъ племянникамъ и общалъ по истеченіи года или двухъ послать его вмѣстѣ съ ними въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, а затѣмъ путешествовать по Франціи, Англіи и Италіи. Теперь Досиѣею представился удобный случай посѣтить родныя страны послѣ двадцатилѣтняго отсутствія. Пробывъ три года учителемъ у племянниковъ митрополита, Досиѣей обратился къ нему съ напоминаніемъ объ его общаніи послать его съ учениками путешествовать по Европѣ, но митрополитъ нашелъ препятствіе къ исполненію своего общанія, и потому Досиѣей уѣхалъ самъ въ Триестъ.

Здѣсь онъ познакомился съ русскимъ архимандри-

томъ Варлаамомъ, котораго училъ итальянскому языку, а затѣмъ оба вмѣстѣ путешествовали по Италіи. Изъ Неаполя Досиеей отправился въ Константинополь, но по дорогѣ заѣхалъ на островъ Хиосъ, гдѣ и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, зарабатывая средства преподаваніемъ итальянскаго языка. Причиною этой его остановки въ Хиосѣ былъ слухъ о чумѣ въ Царьградѣ. Наконецъ весною слѣдующаго года онъ пріѣхалъ въ Константинополь, но пробылъ тутъ всего нѣсколько недѣль, такъ какъ вновь начала свирѣпствовать моровая язва. Отсюда онъ отправился въ Молдавію, гдѣ и сталъ учителемъ у боярина Бальсы въ Яссахъ.

Въ Яссахъ онъ сблизился съ романскимъ епископомъ Романомъ Чіюкомъ. Затѣмъ онъ отправился чрезъ Львовъ и Бреславль въ Галле, гдѣ жили ввѣренныя его попеченію племянники епископа Чіюки, учившіеся въ тамошнемъ университетѣ. Здѣсь онъ переодѣлся въ свѣтское платьѣ, записался въ университетъ и слушалъ лекціи философіи, эстетики и богословія. Тогда-то онъ задумалъ написать и напечатать какую-нибудь полезную книгу на простомъ „общемъ народномъ“ языкѣ. Сравнивая Германію съ Сербіей, Босніей и Герцеговиной, Обрадовичъ съ горечью восклицаетъ: „несчастные турки ждутъ услышать что-нибудь хорошее отъ дервишей! А бѣдные и угнетенные христіане отъ монаховъ!“ Это восклицаніе вырвалось у Досиеея, когда онъ вспомнилъ, что въ родныхъ сербскихъ земляхъ нѣтъ школъ и никакихъ учебныхъ заведеній. Причину этого, между прочимъ, онъ видѣлъ въ невѣжествѣ самого духовенства и въ грубости монашества.

Съ цѣлью издать книгу на языкѣ, вполне понят-

номъ простому сербскому народу, онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ точно также записался въ университетъ. Это было въ 1783 г. Въ этомъ же году онъ напечаталъ свою книгу „Животъ и приключенія“ съ цѣлью показать бесполезность монастырей въ обществѣ и великое значеніе науки, какъ средства избавить людей отъ суевѣрія и привести ихъ къ истинному благочестію.

Въ слѣдующемъ году онъ въ Лейпцигѣ издалъ еще книгу: „Совѣти здраваго разума“, въ которыхъ онъ давалъ „сербскому народу“ начала моральной философіи. Этими двумя книгами начинается совершенно новое направленіе въ сербской литературѣ, которая теперь старается сойти съ высокаго пьедестала учености и сдѣлаться понятной и близкой народу.

Въ Галле и Лейпцигѣ Досиѣей провелъ два года. Затѣмъ онъ отправился чрезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, Мангеймъ и Страсбургъ въ Парижъ, гдѣ и провелъ три недѣли. Оттуда онъ переѣхалъ въ Кале, посѣтивъ по дорогѣ могилу Фенелона въ Камбре, и наконецъ 1-го декабря 1784 высадился въ Дуврѣ въ Англіи, откуда отправился въ Лондонъ.

Здѣсь онъ нашелъ себѣ учителя англійскаго языка и вскорѣ сблизился съ нѣкоторыми англичанами, которые поддерживали его въ его трудномъ положеніи челоѣка безъ средствъ въ столицѣ Англіи. Въ Лондонѣ онъ пробылъ болѣе шести мѣсяцевъ, вполне овладѣвъ англійскимъ языкомъ и отправился назадъ въ Лейпцигъ, гдѣ онъ нашелъ письмо отъ одного изъ близкихъ людей къ генералу Семену Зоричу, любимцу Екатерины II, приглашавшее его въ Шкловъ. Зоричъ звалъ Досиѣея къ себѣ еще до поѣздки его

въ Лондонъ. Не имѣя денегъ для поѣздки въ Россію, Досиѣей отправился въ Вѣну, гдѣ вновь занялся частными уроками. Въ 1788 году онъ издалъ у Брейткопфа въ Лейпцигѣ книгу „Езопове басне“, — въ которой онъ перевелъ по преимуществу Лессинговы басни и приложилъ къ нимъ замѣчательныя послѣсловія, полныя поученія и живаго интереса. Изъ Вѣны Досиѣей ѣздилъ въ Шкловъ, къ Зоричу, который обѣщалъ устроить типографію у себя въ имѣніи для печатанія сочиненій Досиѣея, но это его обѣщаніе не было исполнено, и Досиѣей, пробывъ полгода въ Шкловѣ, отправился обратно въ Вѣну. По дорогѣ въ Россію и обратно онъ посѣтилъ разныя мѣста Польши и Лифляндіи. Въ 1789 году онъ написалъ торжественный гимнъ по случаю взятія Бѣлграда австрійскими войсками, въ которомъ онъ восхваляетъ Іосифа II и Екатерину II. Въ 1793 онъ издалъ въ Вѣнѣ „Собраніе разныхъ нравоучительныхъ вещей въ пользу и увеселеніе“, и въ 1802 г. перѣхалъ въ Венецію вслѣдствіе перехода сербской типографіи изъ Вѣны въ Буду. Онъ намѣренъ былъ составить и напечатать тамъ книгу жизнеописаній знаменитыхъ людей, чтобы „представить нашей націи ту самую науку, которую изъяснилъ въ нравоученіяхъ“. Но это его намѣреніе не осуществилось.

Въ Венеціи купцы сербы предложили ему 2.000 гульденовъ содержанія съ тѣмъ, чтобы онъ исключительно занялся составленіемъ книгъ на простомъ сербскомъ языкѣ. Здѣсь онъ содѣйствовалъ Соларичу въ составленіи и изданіи книги „Ново гражданско землеописаніе“, вышедшей въ 1804 г. въ Венеціи; какъ видно изъ его писемъ къ друзьямъ, онъ сильно заботился о распространеніи этой книги

между сербами. Въ этомъ же году Досиеей привѣтствовалъ возстаніе сербовъ, тогда лишь начавшееся подъ предводительствомъ Кара-Георгія, стихотвореніемъ, въ которомъ онъ называетъ Сербію милой матерью и призываетъ ее воскреснуть, а въ 1803 г. издалъ переводъ Соаве: „Этика или философія морална“.

Досиеей тогда задумалъ устроить школу и типографію гдѣ нибудь на свободной сербской землѣ. Это свое желаніе онъ сообщилъ владыкѣ черногорскому Петру I Нѣгошу, при чемъ объяснилъ, что онъ ждетъ для исполненія этого намѣренія лишь того, чѣмъ окончится возстаніе въ Сербіи. Въ отвѣтъ на это, Петръ I просилъ Досиеея не уѣзжать куда нибудь въ другое мѣсто до полученія его письма, вѣроятно рассчитывая пригласить Досиеея въ Черногорію для устройства школы. Затѣмъ изъ Венеціи, когда она была уступлена французамъ, Досиеей переѣхалъ въ Триестъ, гдѣ и пробылъ довольно долго. Въ іюнѣ 1806 г. онъ былъ уже въ Сисекѣ, посѣтилъ Люблянѣ, послѣ ѣздилъ въ Карловцы и Землинъ, а 13 августа 1807 года онъ пишетъ уже изъ Бѣлграда одному изъ своихъ друзей, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ „пришелъ подъ это небо, онъ сталъ обновляться“. Онъ принялъ близкое участіе въ основаніи „великой школы“ въ Бѣлградѣ—и въ день ея открытія читалъ отрывокъ изъ рукописи второй части „Собранія вещей“, изданной впоследствии подъ именемъ *Мезимца* *). Въ 1808 г. онъ написалъ два стихотворенія подъ заглавіемъ:

*) Караджичъ. Правительствующій Совѣтъ Сербскій, стр. 81.

„Стыхи на новый годъ 1808 сочиненны къ Бѣлградѣ отъ сербовъ Великому Государю царю и самодержцу всероссійскому Александру Павловичу“ и „иныи стыхи Высоко-Превосходительнѣйшему Господину Генералу Родофинику“, т. е. Родофиникину, бывшему тогда представителемъ Россіи въ Сербіи. *) Въ это время ему поручена была забота о воспитаніи сыновей Кара-Георгія. Въ 1810 г. Досиѣей застѣдаетъ въ совѣтъ, а въ январѣ 1811 г. указомъ Кара-Георгія онъ назначенъ не только членомъ правительствующаго совѣта, но и попечителемъ народного просвѣщенія. Но Досиѣей не нашелъ въ Сербіи достаточнаго простора для своей дѣятельности и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ выражаетъ намѣреніе бросить все и уѣхать куда-нибудь, гдѣ есть типографія, чтобы напечатать второй томъ своего „Собранія вещей“. Ему не пришлось уже выѣхать изъ Сербіи,—26 марта 1811 года *сербскій Анахарсисъ*, какъ его называли, умеръ и похороненъ въ бѣлградской соборной церкви.

Нѣкоторые изъ его сочиненій изданы въ первый разъ лишь послѣ его смерти, а до того времени ходили въ спискахъ. *Мезимацъ*, составляющій вторую часть собранія разныхъ нравоучительныхъ вещей, изданъ Соларичемъ въ Венеціи въ 1818 году; „*Христоеіа* сирѣчь благіи обычаи и вѣнацъ одъ алаовита“,—составленная Досиѣеымъ еще въ 1770 г. во время его учительствованія въ селѣ Плавнѣ въ Далмаціи, издана Миловукомъ и Бозитовцемъ въ 1826 г., въ Будимѣ; *Првенацъ*, вѣжица или Досиѣева Буквица

*) Ibidem, стр. 89—91.

въ 1830 году Севастіаномъ Иlichemъ въ Карлштадтѣ.

Досиѣей Обрадовичъ принадлежитъ къ числу такихъ писателей, сочиненія которыхъ, понятныя по языку и содержанію всякому, касаясь насущныхъ потребностей и нуждъ народа, пользуются продолжительнымъ и сильнымъ вліяніемъ на складъ понятій въ обществѣ и даже народѣ. Вѣчный странникъ, всюду и всегда искавшій познаній, Досиѣей постоянно имѣлъ въ виду пользу того народа, котораго онъ былъ сыномъ. Обладая яснымъ практическимъ умомъ, Досиѣей во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ прежде всего практическій философъ. Переживъ въ своей жизни религіозное увлеченіе, доходившее до мистицизма, Досиѣей сталъ горячимъ сторонникомъ и защитникомъ реальной, дѣйствительной жизни. Онъ принадлежалъ безспорно къ числу лучшихъ и благороднѣйшихъ проповѣдниковъ раціоналистическаго направленія французскихъ писателей времени, предшествовавшаго революціи. Его поученія и наставленія проникнуты однимъ мягкимъ элементомъ: онъ любитъ человѣка. Онъ не смѣется надъ порокомъ, онъ не злобствуется при видѣ зла, но указывая дурныя стороны жизни, онъ взываетъ къ читателю устранить ихъ. Сочиненія Досиѣея долго были любимѣйшимъ чтеніемъ всѣхъ грамотныхъ Сербовъ, многіе выучивали цѣлыя отрывки изъ нихъ и руководствовались въ своей жизни указаніями, почерпнутыми въ его книгахъ. Его выраженія сдѣлались пословицами и аргументами, противъ которыхъ не возражали.

Сочиненія Досиѣея важны какъ по своему вліянію на складъ общественной морали, такъ и на дальнѣйшее развитіе литературы у Сербовъ.

Ими начинается новое чисто народное направление сербской литературы.

Досиоей писалъ народнымъ, простымъ сербскимъ языкомъ, но не порвалъ всѣхъ связей съ языкомъ, господствовавшимъ въ сербской литературѣ въ то время *). Однако онъ нанесъ сильный ударъ славно-сербской школѣ писателей, а послѣдователи его мнѣнія, что литература должна постоянно имѣть въ виду цѣль быть полезной для всего народа и потому пользоваться языкомъ народнымъ, подготовили путь реформамъ и дѣятельности Вука Караджича.

Всѣ сочиненія Досиоея морально-поучительныя. Между его оригинальными сочиненіями, первое мѣсто занимаетъ *Животъ и Приключенія* и *Басне*. *Животъ и Приключенія* не представляютъ автобіографіи въ собственномъ смыслѣ, въ нихъ постоянно сквозитъ тенденція показать на своемъ примѣрѣ, что хорошо и что дурно. Переживъ мистическія увлеченія, Досиоей съ особенною настойчивостью нападаетъ на монаховъ и монашество, на монастыри, доставляющіе массѣ народа возможность ничего не дѣлая жить на чужой счетъ, на крайности въ самыхъ церковныхъ учрежденіяхъ и узаконеніяхъ, которыя ему представляются искаженіемъ ученія Спасителя и Апостоловъ **). Онъ требуетъ всюду внимательства разума, и все, что противорѣчитъ разуму въ религіозныхъ обычаяхъ и узаконеніяхъ, излишне и даже преступно предъ Божескимъ закономъ. „Богъ есть истина, поэтому одаренный словомъ человѣкъ, мысли,

*) Jagić. Zasluge Vuka Karadž. 10.

**) Сравни Басне. стр. 156, 221, 106, 58. Животъ 57 и слѣд.; Писма II т. 85 и т. д.

суди, рассуждай и познай“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Вооружаясь противъ суевѣрія, онъ указываетъ лѣкарство противъ него—науку. Досиѳеей нападаетъ на религіозную вражду, которая раздѣляетъ самыхъ близкихъ людей. „Гостепріимство, говоритъ онъ о жителяхъ Славоніи и Хорватіи, ихъ прирожденное качество; ничто такъ ихъ не раздѣляетъ и не отчуждаетъ другъ отъ друга, какъ церковь Греческая и Латинская. Церковь! которая должна бы ихъ еще больше сближать и соединять въ любви и добротѣ. Не было ли бы полезно, говоритъ онъ далѣе, сказать этимъ людямъ, что они могутъ быть разныхъ религій, но въ тоже время быть между собою кумами, пріятелями, почитать и любить другъ друга“ *).

Задача всякаго человѣка—больше знать, такъ какъ просвѣщеніе и наука уничтожаютъ суевѣрія. Досиѳеей совѣтуетъ отнять всѣ монастырскіе доходы и обратить ихъ на содержаніе школъ. Онъ требуетъ образованія для женщины, такъ какъ только просвѣщеніе и образованіе морально подниметъ женщину, мать и воспитательницу поколѣній **). Цѣня высоко женщину, Досиѳеей считаетъ бракъ высокимъ дѣломъ въ жизни всякаго человѣка, установленіемъ, соотвѣтствующимъ цѣлямъ природы и потому необходимымъ. Поэтому монашество представляется Досиѳеею противоестественнымъ и потому противорѣчащимъ законамъ Божескимъ***) Такъ какъ

*) Собр. Соч. Досиѳея Обрадовича изд. Воваровича. т. II. стр. 6 ср. Басне, 146, 80—81. 304. Совѣти здр. раз. стр. 6—8, 78 и т. д.

**) Басне, стр. 108, 152.; Собраніе вещей, стр. 106 и слѣд.; Животь, стр. 45 и слѣд. и во многихъ другихъ мѣстахъ.

***) Басне 222 ср. Животь 44—55. Ижица 115. № 46 и 47.

конечная цѣль брака потомство, то слѣдуетъ облегчить законы о бракѣ *). Но для того, чтобы бракъ соотвѣтствовалъ своему высокому назначенію, мало того, чтобы онъ былъ безплоденъ, нужно еще, чтобы женщина, главное лицо въ бракѣ, была образована, просвѣщена и добра: такая женщина воспитаетъ поколѣніе хорошихъ гражданъ. Онъ нападаетъ на излишнія заботы о внѣшности и красотѣ и даетъ совѣты искать въ женщинѣ добрыя нравы и разумъ **).

Самая главная задача женщины воспитать трудолюбивыхъ и просвѣщенныхъ гражданъ въ своихъ дѣтяхъ. Вообще просвѣщеніе и наука — тѣ средства, которыя предлагаетъ Досиѳей для излѣченія человѣчества отъ всѣхъ золъ и бѣдствій. Считая примѣръ самымъ важнымъ въ воспитаніи, Досиѳей требуетъ добраго примѣра отъ родителей и учителей. Досиѳей даже предлагаетъ планъ обученія и школы для дѣтей. Исторія, Географія, Логика и Нравоучительная Философія — вотъ тѣ науки, на которыхъ должно воспитываться юношество. „Пусть теперь всякій представитъ себѣ, какое бы было благополучіе имѣть такихъ дочерей, супруговъ и матерей!“ ***), восклицаетъ Досиѳей. Такимъ образомъ, его планъ школы имѣлъ въ виду лишь развитіе разума и знанія, но забывалъ о необходимости развивать и сердце. Впрочемъ о благонравіи и добротѣ онъ говоритъ во всякомъ своемъ сочиненіи.

Для достиженія счастія необходимы три средства:

*) Писма II, 67.

**) Басне 63—64, 148—149.

***) Совѣты здр. раз. стр. 17.

здравый разсудокъ, трудолюбіе и благонравіе *), вотъ та мораль, которую проповѣдуетъ Досиѣей.

По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Досиѣей былъ на сторонѣ монархическаго начала **), но онъ требуетъ отъ правителей высокой добродѣтели и просвѣщенія. Петръ Великій представляется ему идеаломъ государя за его заботы о просвѣщеніи народа.

Досиѣей Обрадовичъ былъ сербскій патріотъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ постоянно имѣлъ въ виду пользу народа, для котораго писалъ. Онъ привѣтствовалъ, какъ мы видѣли, одами взятіе австрійцами Бѣлграда въ 1789 и возстаніе Кара-Георгія, а лишь только освободилась Сербія, онъ переѣхалъ туда, чтобы быть полезнымъ своему народу. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ нападаетъ на все то, что раздѣляетъ Сербовъ и не позволяетъ имъ дружно дѣйствовать для своего освобожденія отъ Турокъ. Истинный патріотъ долженъ жертвовать для блага своего народа собою. Онъ видитъ и указываетъ дурныя стороны въ жизни и характерѣ своего народа и старается ихъ исправить. *).

Такой морально-поучительный характеръ сочиненій Досиѣея далъ имъ особенную привлекательность въ глазахъ современниковъ, а живость изложенія, множество рассказовъ и анекдотовъ, разсѣянныхъ во всѣхъ книгахъ Досиѣея, оригинальность и простота языка сдѣлали его сочиненія любимѣйшимъ чтеніемъ нѣсколькихъ поколѣній. Если нельзя согла-

*) Басне. 297.

**) Басне. 71.

***) Ср. собраніе правоуч. вещей, изд. 1793, стр. 98. Гл. XII.

ситься съ мнѣніемъ, что Досиеей въ моральной философіи выше Канта *), то съ другой стороны слѣдуетъ признать, что сочиненія Досиеея даютъ ему видное мѣсто среди моралистовъ XVIII вѣка. Нападки на монаховъ и на монастыри и на необразованность духовенства создали много враговъ Досиеею среди духовенства, и книги его даже истреблялись нѣкоторыми ревнителями и защитниками тогдашняго положенія сербскаго монашества. Но эти ревнители не могли уменьшить вліянія сочиненій Досиеея на всю позднѣйшую Сербскую литературу.

Книги моральнаго и поучительнаго содержанія съ тѣхъ поръ стали любимымъ чтеніемъ сербскаго общества. Въ 1800 г. появилось въ печати давно ходившее въ рукописи стихотворное сочиненіе Стефана Стратимировича, бывшаго митрополитомъ въ Карловцахъ: „Любосава и Радованъ или пѣсни нравоучительныя по начину простонародныхъ сербскихъ пѣсней“, въ 1805 г. Стефанъ Раичъ перевелъ съ нѣмецкаго на простой сербскій языкъ сочиненіе Кампе: „Нравоучительна книжица за дечицу“, а въ 1813 г. Соларичъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Досиеея, издалъ въ Венеціи: „Златную книжицу“, составленную по Соаве, объ обязанностяхъ человѣка и правилахъ учтивости, для родителей и наставниковъ. Къ этой области литературы принадлежать и труды Лазаревича (Собраніе моральныхъ вещей 1809 и Моральная Философія 1807), Захарьевича (Зерцало Супружества, т. е. Плутарха Херонеа слово о должности супружества 1808), Соларича (Мудролюбацъ

*) Буюнджичъ. Философија у Срба. Гласник т. XXIII. стр. 224.

Индійскій 1809 и переводъ книги Циммермана *объ
уединеніи* 1809 г.) и др.

Рационалистическіе взгляды Досиеея Обрадовича имѣли глубокое вліяніе на складъ религіозныхъ воззрѣній у Сербовъ новаго времени. Мушкатировичъ издалъ въ 1786 г. „Краткое размышленіе о праздни-
ци“, а въ 1794 г.: „Расужденіе о постахъ восточныхъ
церкве“,—обѣ книги написаны въ духъ рационализма,
отличающаго сочиненія Досиеея.

Досиеей Обрадовичъ въ своихъ сочиненіяхъ указы-
валъ, что необходимо переводить и составлять на
сербскомъ языкѣ учебники по разнымъ отраслямъ на-
укъ. Вскорѣ появились учебники, большинство кото-
рыхъ однако было составлено на славено-сербскомъ
языкѣ. Въ 1793 г. Стефанъ Вуяновскій *), бывшій
впослѣдствіи директоромъ народныхъ училищъ въ За-
гребскомъ округѣ, издалъ: „Руководство къ правогла-
голанію и правописанію“ и „Краткую священную исто-
рію Новаго и Ветхаго Завѣта“, Мразовичъ напечаталъ
въ 1794 „руководство къ славенстѣй граматичѣ“, кото-
рое выдержало нѣсколько изданій (3-е въ 1821 г.),
въ 1801 г. Аѳанасій Стойковичъ издалъ первую часть
своей книги „Фѳсика простымъ языкомъ списана за
родъ славеносербскій“, а остальные двѣ въ 1802 и 1803
гг., Соларичъ, при ближайшемъ содѣйствіи Досиеея
издалъ въ 1804 г. свое „Ново гражданско Землеописа-
ніе перво на езику сербскомъ“ Бечкереки въ 1809 г.
издалъ переводъ „Философической науки“, а Вуичъ
„Естествословія“ и т. д. Явилась даже поваренная
книга, переведенная съ нѣмецкаго Храниславомъ
въ 1804 г. Такимъ образомъ въ это время сербская

*) Біогра. Вуяновскаго Лѣт. Мат. за 1829 г. Вып. 17, стр. 1—12.

литература получает практическое направление и постепенно утрачивает церковно-религиозный характер. Писатели становятся ближе къ настоящимъ потребностямъ практической жизни и стараются дать сербской школѣ необходимыя для нея книги.

Въ это время появляются и первыя попытки драматическихъ произведеній. Такова, наприм., попытка Еммануила Янковича, переведшаго въ 1787 г. комедіи Гольдони „Торговцы“, и въ 1789 Старка, „Злой отецъ и негодный сынъ“. Онъ сдѣлалъ даже попытку оригинальной сербской комедіи „Благодарный сынъ“. Іоакимъ Вуйчъ, впоследствии написавшій сатиру на ореографическія нововведенія Караджича, въ 1805 г. издалъ одну оригинальную („Любовная зависть“) и одну переводную комедію („Фернандо и Ярыка“).

Изъ писателей, которые въ это время выступали на литературное поприще, особенно выдавались Лукіанъ Мушицкій, начавшій печатать свои оды, и Милованъ Видаковичъ, издавшій въ 1805 году исторію о прекрасномъ Іосифѣ въ стихахъ, а въ 1810 г. начавшій серію своихъ романовъ романомъ „Усамлѣнный юноша“, разборъ котораго сдѣланъ былъ въ Сербскихъ Новинахъ въ 1816 г.

Романы Видаковича, какъ бы низко нецѣнила ихъ современная сербская критика, имѣли важное значеніе въ свое время и создавали читателей сербскихъ книгъ.

Такимъ образомъ до Вука Караджича мы находимъ въ сербской литературѣ попытки почти во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, но сербскіе писатели еще не были въ состояніи отрѣшиться отъ традицій предшествующаго имъ періода, въ которомъ

господствовали церковно-славянскій языкъ и словесность, отчужденная отъ практическихъ интересовъ жизни. Досиоей Обрадовичъ первый указалъ ту отчужденность сербской литературы отъ жизни, которая дѣлала сербскую книгу излишней роскошью, и первый громко заявилъ права народнаго языка. Но Досиоей не создалъ цѣлой школы писателей: онъ, какъ по своему языку, такъ и по своему направленію, остался единичнымъ явленіемъ. Его послѣдователи не умѣли ни писать такимъ языкомъ, какимъ онъ писалъ, ни говорить о такихъ близкихъ каждому предметахъ, о какихъ онъ говорилъ. Сербская литература не стала еще народною, слово сербское еще не было освобождено отъ наложенныхъ на него путъ, а умѣніе писать на языкѣ славянскомъ становилось все рѣже и рѣже. Но въ общественное сознаніе уже проникло мнѣніе о ненормальности положенія народной школы, въ которой преподается лишь языкъ церковно-славянскій. Въ 1813 г. Урошъ Несторовичъ, одинъ изъ директоровъ сербскихъ школъ, въ письмѣ къ Копитару называетъ злымъ предразсудкомъ преподаваніе въ сербскихъ школахъ лишь одного церковно-славянскаго языка, при чемъ родной сербскій языкъ оставался въ полномъ пренебреженіи. Онъ требуетъ введенія въ школы живаго языка народа, оставивъ за языкомъ славянскимъ лишь область церковной литературы *).

Въ это время выступаетъ въ сербской литературѣ скромный селягъ, не получившій никакого школьнаго образованія, но хорошо знавшій народную жизнь, ея потребности и народный языкъ и одарен-

*) Лѣтоп. Мат. Серб. т. 113, стр. 153—193.

ный выдающимся умомъ и замѣчательными способностями, Вукъ Караджичъ, который вывелъ сербскую литературу на новый путь, сдѣлалъ ее демократической, лишивъ того аристократическаго характера, который дали ей *славено-сербы*.

Г Л А В А II.

Вукъ Караджичъ и его литературная дѣятельность.

1.

Происхожденіе и воспитаніе Вука Караджича. Первые его изданія.
Отношеніе къ нему Копитара.

Вукъ Караджичъ родился въ селѣ Тршичѣ, которое находится на разстояніи часа ѣзды отъ Лозницы, въ округѣ Подринскомъ, въ уѣздѣ Ядрскомъ въ Сербіи. Мѣстность эта была населена народомъ, пришедшимъ изъ Герцеговины. Когда послѣ неудачной войны съ Турками (1737—1739 г.) австрійскія войска, проникшія до предѣловъ нынѣшней Черногоріи, принуждены были возвратиться въ Австрію, за ними потянулись всѣ приставшіе къ нимъ жители областей, чрезъ которыя проходилъ Австрійскій генералъ Лентулусъ. Тутъ были Болгаре, Сербы, Герцеговинцы и Албанцы. Но не всѣ они успѣли перебраться за Дунай и Саву и спастись отъ мстительной руки Турокъ: многіе, выданные Австрійцами, погибли на висѣлицѣ и на колѣ, а иные поселились на берегахъ Дрины въ мѣстахъ, опустошенныхъ уже давно чумою. Между этими герцеговинскими поселенцами были и Караджичи изъ Дробняка *).

*) Срезневскій: В. С. Караджичъ, Братская помощь, 339.

Въ Сербіи, особенно въ то время, былъ обычай называться по отчеству. Караджичъ рассказываетъ, что онъ первый въ своемъ родѣ принялъ имя Караджича. Когда Јованъ Хаджичъ упрекалъ Вука, будто онъ принялъ фамилію Караджичей, нѣкогда владѣвшихъ Дробнякомъ и Петрицей, въ виду общанія князя Милоша дать ему во владѣніе его родное село Тршичъ, *) и доказывалъ, что настоящее имя его рода *Бандула*, Караджичъ въ своемъ отвѣтѣ замѣчаетъ **), что въ Герцеговинѣ и Черногоріи существуетъ обычай давать прозвища ребенку, часто еще до его крещенія, не имѣющія никакой связи съ крестнымъ именемъ. Прозвища могутъ быть двухъ родовъ: шуточные и такіе, о которыхъ сказано выше. Въ Сербіи, рассказываетъ Караджичъ, послѣднія почти не употребляются, но за то шуточные въ общемъ употребленіи. „Моему дѣду, Јоксиму, говоритъ онъ далѣе, было дано прозвище Бандула, а его племяннику Спасою—Чотра. Поэтому иные и моего отца иногда называли Бандуличемъ. Если бы я остался въ Тршичѣ, я бы всегда подписывался Стефановичъ, а сынъ мой Вуковичъ, какъ это въ Сербіи было до недавнихъ временъ въ обычаѣ; но такъ какъ въ этомъ царствѣ (Австріи) не только нѣтъ обычая, чтобы дѣти писались по отцу, а я слышалъ, что нашимъ людямъ въ Сремѣ это и запрещено, то я (преимущественно ради дѣтей) взялъ свое старинное прозвище. Если бы я не слышалъ въ дѣтствѣ отъ моихъ родныхъ, что моя

*) Сербскій Улакъ № 5, стр. 19.

**) Вуков одговор на лажа и опадање у Србскомѣ Улаку у Бечу. 1844 г. стр. 28—30.

фамилія въ старину была *Караджичъ*, я бы сталъ подписываться и *Бандула* и *Бандуличъ*“.

Вукъ Караджичъ родился 26 октября 1787 года, въ Дмитріевъ день, особенно почитаемый Сербами. Отецъ его прозывался Стефанъ, а мать Јегда Симова Зерничева, родомъ изъ Никшича (въ Герцеговинѣ). У нихъ было до рожденія Вука пятеро дѣтей, но всѣ они умерли. Потому рожденіе Вука было привѣтствуемо, какъ особенная Божія благодать, ибо теперь было кому продолжить празднованіе родовой *славы*. Чтобы уберечь этого сына отъ вѣдьмъ, которыя по вѣрованію, распространенному въ Сербіи, сѣдаютъ дѣтей, мать назвала сына Вукомъ, т. е. Волкомъ, потому что вѣдьмы не посмѣютъ напасть на Волка *). Вукъ росъ и развивался дома въ родномъ селѣ.

Еще въ родномъ селѣ Вукъ научился читать и писать и при томъ такъ рано, что не помнилъ себя неграмотнымъ **). Первымъ учителемъ его былъ его родственникъ Јефта Савичъ, по прозванію Чотричъ ***). Срезневскій, написавшій біографическій очеркъ Караджича по рассказамъ его самого, передаетъ слѣдующій характерный способъ, которымъ учился Вукъ грамотѣ: „разведетъ бывало Савичъ пороху въ водѣ, возьметъ клочекъ патронной бумаги, да и давай писать буквы и заставлятъ Вука учить ихъ“. Затѣмъ Јефта добылъ какой-то букварь, по которому и учился Вукъ чтенію. Отецъ Вука хотѣлъ сдѣлать его священникомъ ****) и потому старался дать сыну нѣкоторое образованіе.

*) Српски Рјечник. sub. v. Вук.

**) Срезневскій 340.

***) Правительствующій Совѣтъ сербскій. Караджича, 79 стр.

****) Лѣтоп. Мат. Срб. 109, стр. 115.

Когда одинъ изъ поселянъ Тршича Гргуревичъ въ 1795 году завелъ небольшое училище въ Лозницѣ, Стефанъ Локсимовичъ послалъ своего сына въ эту школу. Здѣсь Вукъ повторилъ *Бекавицу* (Азбуку) и принялся, по тогдашнему обычаю, за *Часловацъ* (часословъ), но въ это время чума появилась въ городѣ, и ученики должны были разъѣхаться по домамъ. Продержавъ сына нѣкоторое время дома, Стефанъ отдалъ его „въ науку“ въ монастырь Трношскій.

До 1804 г. въ Сербіи въ иныхъ мѣстахъ, на сто селъ не приходилось и по одной школѣ, а желавшіе посвятить себя духовному званію учились или у монаховъ въ монастыряхъ, или у священниковъ въ селахъ. „Во всякомъ монастырѣ, рассказываетъ Вукъ ****), было по нѣсколько учениковъ, и меньшіе лѣтомъ сторожили козъ, овецъ, ягнятъ, свиней, сажали и плели лукъ, ходили за плугомъ и т. д., а старшіе ходили съ монахами „по писанији“, т. е. за милостынею для монастырей, при чемъ имена подавшихъ записывались для поминанія; а зимою, когда всѣ принесли дровъ, старшіе напоятъ монастырскихъ коней, а младшіе почистятъ комнаты, всѣ ученики собираются въ комнату (въ Трношскомъ монастырѣ она называлась цагара) и имъ одинъ изъ монаховъ показывалъ *чтити*, читать, или всякій учился у своего духовника. Многие забывали лѣтомъ, чему выучивались въ теченіе зимы, и такимъ образомъ иные учились по 4 и 5 лѣтъ и не выучивались читать.“

Отецъ Вука, нанимавшій пастуха для своихъ козъ, весьма понятно не могъ равнодушно смотрѣть, что его сынъ, вмѣсто того, чтобы учиться въ монасты-

*) Рјечник sub v. школа, и Даница за 1827 г. стр. 118.

рѣ, принужденъ пасти монастырскихъ козъ, и взялъ его къ себѣ домой. Такою неудачею кончились первыя попытки ученія Вука.

Но Вукъ былъ способное дитя „отворено дете“; онъ, ходя за скотомъ, повторялъ немного, что узналъ въ школѣ, а отецъ купилъ ему житіе Алексія человѣка Божія, жертву Авраамову, мѣсяцесловъ и требникъ. Въ семнадцать лѣтъ онъ сталъ уже пользоваться большою славой въ родномъ селѣ, какъ грамотный. Народъ, цѣнящій рѣдкое въ то время умѣніе читать и писать, смотрѣлъ на Вука съ большимъ почтеніемъ и обращался къ нему съ просьбами написать или прочесть письмо. Женщины, которыя по сербскому обычаю цѣлуютъ лишь старшимъ мужчинамъ руку, подходили къ его рукѣ, а на сельскихъ праздникахъ его сажали на почетное мѣсто. Спахія Бегъ Сулейманъ - Бегъ - Али - Беговичъ, владѣвшій Тршичемъ, пріѣзжая ежегодно для сбора податей съ жителей села, пользовался Вукомъ, какъ писаремъ, и сажалъ его съ собою рядомъ и во время обѣда за *собру*, т. е. за особаго рода столикъ. Отецъ, видя общее уваженіе къ Вуку, хотѣлъ, чтобы онъ или сдѣлался купцомъ, или принялъ священство. Но купцы жили лишь по городамъ, а въ городахъ господами были Турки, и Сербы поэтому весьма неохотно тамъ поселялись. Вукъ не хотѣлъ поэтому сдѣлаться купцомъ, а съ другой стороны онъ не чувствовалъ склонности и къ священству. Онъ хотѣлъ еще учиться, но въ Сербіи было негдѣ. Вукъ сталъ просить отца отпустить его за Саву и Дунай, гдѣ, какъ онъ слышалъ, имѣются школы, въ которыхъ преподаются разные языки, но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Рассказываютъ, что

въ это время своей жизни въ Тршичѣ, Вукъ отъ нечего дѣлать сталъ записывать пѣсни, и сказки, которыя онъ слышалъ и помнилъ *).

Когда въ 1804 г. Черный Георгій поднялъ знамя возстанія, отецъ Вука, Стефанъ, вступилъ въ отрядъ, образовавшійся тогда въ Ядрскомъ округѣ подъ начальствомъ Георгія Чурчіи (выдѣлывателя кожъ) противъ дахіевъ. Но въ виду того, что при отрядѣ нуженъ былъ грамотный человекъ, Стефана отпустили домой, а вмѣсто него былъ взятъ его сынъ Вукъ въ качествѣ писаря къ предводителю отряда, Георгію Чурчіи, жизнь котораго онъ впоследствии описалъ **). Когда затѣмъ боснійскій визирь Бекиръ паша перешелъ чрезъ Дрину для усмиренія враждующихъ, Ядрскій округъ былъ опустошенъ Турками, а Чурчія погибъ отъ братской руки знаменитаго въ исторіи сербскаго возстанія Якова Ненадовича. Теперь отецъ Вука изъ зажиточнаго *селяка* сдѣлался бѣднымъ: домъ его сгорѣлъ, а скоть былъ угнанъ. Вукъ вновь сталъ просить отца отпустить за Саву — въ Сремъ учиться, грозя иначе сдѣлаться гайдукомъ. „Если такъ, то Богъ съ тобой“, сказали ему родители, и Вукъ отправился въ Карловцы. ***).

Когда Вукъ явился въ Карловцы, ему было уже 17 лѣтъ. Годъ онъ занимался дома, а затѣмъ годъ учился въ *основной* школѣ, гдѣ занимался латинской, нѣмецкой и славянской грамматиками. На третій годъ онъ хотѣлъ поступить въ гимназію, но его не приняли на томъ основаніи, что ему было 19 лѣтъ,

*) Кнеж. Срб. 548 стр.

**) Даница за 1828 г.

***) Срезн. 342.

и увѣряли его, что онъ достаточно образованъ, чтобы сдѣлаться попомъ или писаремъ. Въ Карловцахъ онъ жилъ очень бѣдно, зарабатывая себѣ пропитаніе въ качествѣ слуги въ частныхъ домахъ, но получалъ и помощь отъ „Отца и Покровителя Музъ Сербскихъ“, т. е. митрополита Карловацкаго Стефана Стратимировича. *). Въ это время своей жизни въ Карловцахъ, Вукъ въ первый разъ слышалъ о собираніи народныхъ пѣсенъ. Въ предисловіи къ малой пѣснирицѣ 1814 г. Вукъ такъ говоритъ объ этомъ: „восемь лѣтъ тому назадъ я слышалъ въ Карловцахъ, что господинъ Лукіянь Мушицкій, теперешній архимандритъ, предлагалъ намъ (ученикамъ, перешедшимъ изъ Сербіи въ Сремъ) записать простыя сербскія пѣсни, кто какія знаетъ. Я дѣйствительно тогда зналъ наизусть много различнаго рода пѣсенъ, въ пять разъ больше и въ десять разъ яснѣе, чѣмъ теперь; но я не смѣлъ ни одной записать и дать ему; потому что я былъ убѣжденъ, что онъ лишь смѣется надъ нами—мальчиками, которые выросли въ лѣсу, сторожа свиней, козъ и овецъ“. Тутъ, въ Карловцахъ, онъ узналъ, по его собственному выраженію, „къ своему большому горю, что на свѣтѣ есть больше наукъ, кромѣ псалтири и часослова“ **). Изъ Карловцевъ Вукъ Караджичъ отправился въ Петриню, гдѣ думалъ учиться по нѣмецки, но по его словамъ, записаннымъ Срезневскимъ, тутъ „не столько учился, сколько гулялъ“ ***). Весною 1807 года Караджичъ вернулся въ Сер-

*) Мала простонародна Славено-Сербска Песниарица, издана Вукомъ Стефановичемъ. У Віени. 1814. Предисловіе, стр. 11

**) Ibidem, стр. 11.

***) Братск. помощь, 342.

бію и становится писаремъ у Якова Ненадовича, одного изъ вліятельнѣйшихъ воеводъ времени возстанія Кара-Георгія. Живя въ Лозницѣ, гдѣ пребывалъ Яковъ Ненадовичъ; Вуку Караджичу, который еще дома слышалъ много пѣсенъ отъ дѣда и дяди, приходившихъ зимою къ его отцу и любившихъ пѣть пѣсни, пришлось также часто слушать пѣніе различныхъ пѣвцовъ. Яковъ Ненадовичъ былъ большой любитель народныхъ пѣсенъ и почти никогда не обѣдалъ и не ужиналъ безъ того, чтобы пѣвецъ не пѣлъ за столомъ юнацкія пѣсни. „А въ Кладовѣ и Брзой паланкѣ, рассказываетъ Караджичъ, я имѣлъ гусли дома“; сверхъ того, онъ всегда призывалъ къ себѣ пѣвцовъ. „Цѣлыхъ двѣ такихъ книги вышло бы, если бы собралъ я всѣ пѣсни, слышанныя мною, но теперь я не могу найти пѣвца, который бы мнѣ ихъ прекрасно рассказалъ“ говоритъ Вукъ. *). Такъ постепенно судьба готовила въ лицѣ Вука Караджича издателя народнаго богатства одного изъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ завѣтныя преданія своей старины въ звукахъ своихъ гуслей. Когда въ концѣ 1806 года Кара-Георгій разбилъ турокъ и занялъ Бѣлградъ, Вукъ Караджичъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ и первымъ учителемъ Іеотою Савичемъ, который былъ избранъ въ члены „правительствующаго совѣта“ отъ нахіи Зворника, перѣхалъ въ Бѣлградъ, куда былъ перенесенъ совѣтъ изъ Смедерева. Въ Бѣлградѣ Вукъ вскорѣ становится писаремъ въ правительствующемъ совѣтѣ.

Тутъ онъ сошелся съ Іованомъ Савичемъ, по

*) Предисл. къ IV т. Пѣсенъ (1833), стр. XLI.

прозванію Иваномъ Юговичемъ. Юговичъ былъ родомъ изъ Бачки, изъ Сомбора. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ Пештѣ, онъ сначала былъ учителемъ въ „латинской“ школѣ въ Карловцахъ, но вскорѣ, по свидѣтельству Караджича, долженъ былъ бѣжать оттуда, такъ какъ его возненавидѣлъ митрополитъ Стефанъ Стратимировичъ за то, что онъ былъ очень красивый человѣкъ и его любили женщины. Побывавъ секретаремъ у епископа Вршацкаго Шакабенты, Юговичъ вскорѣ лишенъ былъ и этого мѣста, по требованію митрополита, и перешелъ въ Сербію. Здѣсь онъ сначала былъ писаремъ въ совѣтѣ, пребывавшемъ въ Смедеревѣ, — и въ 1807 году сдѣланъ былъ первымъ секретаремъ совѣта. Но жалованіе секретарей совѣта было слишкомъ ничтожно и потому члены правительствующаго совѣта принимали секретарей къ себѣ въ домъ, давая имъ полное содержаніе. Вукъ Караджичъ, который слышалъ еще въ Карловцахъ объ учености Юговича, упросилъ своего родственника Савича, члена совѣта, взять къ себѣ въ домъ этого ученаго человѣка, въ надеждѣ, что онъ его чему нибудь научитъ. „Однажды, рассказываетъ Вукъ, Іефта Савичъ вмѣстѣ съ однимъ совѣтникомъ уѣхалъ по дѣламъ въ Смедерево, а дома остался я, Юговичъ и нѣсколько слугъ. Покупать и доставлять все, что нужно для дома, была моя обязанность. Пришедши въ одну лавку, съ намѣреніемъ купить что-то, я нашелъ на прилавкѣ большую груду старыхъ книгъ и сталъ ихъ пересматривать, — но тутъ не было ни одной сербской книги, все были нѣмецкія и латинскія. По моей просьбѣ лавочникъ позволилъ отнести ихъ на домъ, чтобы тамъ просмотрѣть. Когда

Юговичъ ихъ пересмотрѣлъ, онъ сказалъ, указывая одну изъ нихъ мнѣ: „эту я возьму для себя“, и, подавая мнѣ другую, прибавилъ: „а эту ты возьми для себя,—будешь ее при мнѣ читать и учиться по нѣмецки“. Эта моя книга называлась: „Eduard Rosenthal, eine abentheuerliche Geschichte“ *). По этой-то книгѣ учился Вукъ нѣмецкому языку. Весьма характерно описаніе самой обстановки этого ученія Вука: „я всегда по утру ставилъ предъ нимъ (Юговичемъ), говоритъ Вукъ, по одной бутылочкѣ розалин (родъ ликера) или ядранской сливовицы, которую онъ и попивалъ, переводя со мною книгу, пока до полудня всю не осушить. Что онъ бывало переведетъ до полудня, объ этомъ послѣ полудня спрашивалъ меня, особенно же по вечерамъ, понимаю ли я,—и если я чего не понималъ, то онъ и объяснялъ“ **). Въ этой книгѣ были приведены образцы поэзіи и прозы, которыя Юговичъ переводилъ для своего ученика и стихами, примѣняя ихъ къ современному положенію Сербіи ***). Съ открытіемъ великой школы, основанной тѣмъ же Юговичемъ въ 1808 г., Вукъ Караджичъ вступилъ въ нее въ качествѣ ученика и провелъ годъ на учительской скамьѣ. Но тутъ Вукъ убѣдился, что время школьнаго обученія для него прошло, и что онъ долженъ теперь заботиться о расширеніи своего образованія при помощи чтенія книгъ.

*) Правит. соязъ сербскій, стр. 79.

**) *ibidem*, стр. 80.

***) Этотъ Юговичъ былъ отпущенъ изъ службы Карагеоргиемъ въ день Рождества Христова 1807 г., какъ австрійскій 'сербъ, и въ слѣдующемъ году основалъ великую школу въ Бѣлградѣ, въ которой принималъ участіе и Досиеей Обрадовичъ.

Прав. сов., стр. 78, 81.

Въ то время Вукъ Караджичъ сильно заболѣлъ и для поправленія здоровья рѣшился оставить Бѣлградъ, въ которомъ онъ служилъ писаремъ правительствующаго совѣта, и уѣхалъ на родину въ Тршичъ. У него болѣли руки и ноги, но послѣ болѣзни локализовалась въ колѣнѣ лѣвой ноги, владѣть которою онъ потерялъ возможность. Надѣясь на помощь минеральныхъ водъ, Вукъ Караджичъ отправился въ Мехадію въ 1809 году, а затѣмъ въ Новый Садъ, гдѣ слегъ въ общественную больницу, въ которой и пролежалъ зиму 1810 года. Находясь въ такомъ печальномъ положеніи, Вукъ ни откуда не могъ ждать помощи: ко многимъ онъ обращался съ просьбами дать ему средства для лѣченія въ минеральныхъ водахъ, но лишь Марія Станисавлевичъ, состоятельная сербка въ Австріи, прислала Вуку 150 флориновъ для лѣченія *), за что онъ спустя 4 года посвятилъ ей первый выпускъ своей малой пѣснарицы. Съ этими средствами Вукъ отправился въ Будимъ, но и тамъ не могъ получить помощи. Пришлось ему взять костыль для лѣвой ноги, при помощи котораго съ тѣхъ поръ онъ только и могъ ходить. Срезневскій рассказываетъ, что Вукъ ему говорилъ: „со штулой (костылемъ) я уже не могъ думать ни о конѣ, ни о войнѣ, и волей-не-волей долженъ былъ привыкать, сколько могъ, къ жизни домосѣдлой. Не будь со мною штулы, я бы, можетъ быть, давно былъ убитъ турками, какъ множество другихъ моихъ сверстниковъ; а штука моя заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покой-

*) Мала простонародна пѣснарица. 1814 г. Посвященіе Маріи Станисавлевичъ.

наго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза“ *). Такимъ образомъ эта болѣзнь Вука оказала сильное вліяніе и на направленіе всей его дѣятельности и жизни.

Въ концѣ 1810 Вукъ Караджичъ возвратился въ Бѣлградъ, прекративъ лѣченіе, которое оказалось для его ноги бесполезнымъ. Теперь онъ становится учителемъ въ бѣлградской школѣ. Въ то время Вукъ Караджичъ, или какъ онъ самъ еще себя называлъ, — Стефановичъ — уже былъ извѣстенъ своимъ знаніемъ языка и заботился о томъ, чтобы познакомиться со всѣми говорами сербскаго нарѣчія. Самъ вышедши изъ села, изъ среды народа, не выдѣляясь изъ него особеннымъ грамматическимъ образованіемъ, Вукъ Караджичъ умѣлъ особенно тонко отличать всѣ особенности, трудныя для уха, всѣхъ важнѣйшихъ говоровъ сербскаго языка.

Въ 1811 году, Вукъ Караджичъ становится секретаремъ у откупщика перевозовъ и таможенъ въ Кладовѣ, расположенномъ противъ румынскаго берега Дуная. Въ слѣдующемъ году онъ, въ качествѣ комиссара отъ совѣта, былъ посланъ въ Неготинъ къ знаменитому въ новой исторіи Сербіи гайдуку Вельку. Изъ Неготина не разъ приходилось Вуку, по приказанію Кара-Георгія, ѣздить въ Виддинъ къ Мулла-пашѣ Виддинскому. Затѣмъ въ 1813 году онъ былъ назначенъ правителемъ уѣзда Брзо-Паланки, на обязанности котораго лежали и судебныя дѣла. Вукъ самъ придавалъ особенное значеніе этому времени, которое онъ провелъ въ званіи судьи въ Брзой-Паланкѣ. Ему часто приходилось тутъ вы-

*) Братск. помочъ, стр. 343.

слушивать судящихся крестьянъ, и онъ, слыша какое нибудь новое, незнакомое ему слово, записывалъ его для памяти, не имѣя еще въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, просто изъ любознательности *). Когда вновь началась война сербовъ съ турками, Вукъ Караджичъ перешелъ на службу въ Бѣлградъ, но нѣсколько разъ выѣзжалъ изъ него по разнымъ дѣламъ. Возвращаясь съ одной изъ такихъ дѣловыхъ поѣздокъ, онъ узналъ, что турки дошли до Дуная и поспѣшили переправиться въ Панчево, не заѣзжая въ Бѣлградъ.

Съ переходомъ въ 1813 г. Кара-Георгія за Дунай изъ предѣловъ нынѣшняго княжества, для сербовъ наступило тяжелое время. Турки начали мстить райѣ за ея смѣлую попытку отвоевать себѣ самостоятельность и свободу. Въ это время много сербовъ перебѣжало въ Австрію, и между ними былъ и отецъ Вука Стефанъ, который получалъ нѣкоторое время въ Карловцахъ помощь отъ сербскаго патріота и стихотворца Лукіана Мушицкаго **). Вукъ отправился въ Вѣну, „самъ не зная и не думая, что изъ меня будетъ“, какъ онъ говорилъ Срезневскому. Здѣсь Вукъ познакомился съ Копитаромъ, и это знакомство имѣло рѣшительное вліяніе на всю дѣятельность и жизнь Вука. Копитаръ въ это время былъ цензоромъ всѣхъ книгъ, выходящихъ на сербскомъ языкѣ, также и Сербскихъ Новинъ, которыя тогда начали издавать Давидовичъ и Фрушичъ въ Вѣнѣ. ***). Съ этими издателями познакомился Вукъ Караджичъ

*) Срезнев., стр. 345.

**) Дѣт. Мат. 120, стр. 115.

***) Новине сербске изъ царствующаго града Вienne — начали выходить съ августа 1813 года.

вскорѣ послѣ своего прїѣзда въ Вѣну и для Сербскихъ Новинъ написалъ небольшую статью, въ которой описывалъ паденіе Сербіи. Статья была написана въ формѣ письма къ Кара-Георгію на томъ простомъ языкѣ, какимъ говорилъ самъ ея авторъ. Необычная простота языка этого письма привлекла къ себѣ вниманіе Копитара, который пожелалъ познакомиться съ ея авторомъ. Такимъ образомъ началось въ высшей степени плодотворное для сербской письменности знакомство между Копитаромъ и Вукомъ Караджичемъ.

Копитаръ еще до знакомства съ Вукомъ убѣждалъ Давидовича и Фрушича издавать газету на чисто сербскомъ языкѣ и совѣтовалъ имъ заняться составленіемъ сербской грамматики. Но ни Давидовичъ, ни Фрушичъ не знали этого языка, языкъ простаго народа называли „говедарскимъ и свинярскимъ“ и издавали свои Сербскія Новины на языкѣ славено-сербскомъ, бывшемъ тогда литературнымъ сербскимъ языкомъ. *).

Такимъ образомъ завязалось знакомство между основательнымъ ученымъ Копитаромъ и даровитымъ молодымъ Вукомъ, воспитавшимся среди сельской природы и простаго народа, который лишь тогда выступалъ на поприще политической жизни. Копитаръ имѣлъ сильное вліяніе на всю позднѣйшую дѣятельность Вука Караджича, помогалъ ему во всѣхъ его предпріятіяхъ и сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ къ обособленію сербскаго ли-

*) Копитаръ въ письмѣ къ Добровскому 12 октября 1813 года такъ выражается о Давидовичѣ и Фрушичѣ: *Sunt juvenes, sed linguae suae nimis rudes!* (Сборникъ писемъ Копитара къ Добровскому, въ Чешск. музеѣ, № 63).

тературнаго языка и его отдѣленію отъ связи съ русскимъ.

Значеніе Ернея (Вареоломея) Копитара (1780—1844), родомъ Словенца, бібліотекаря придворной бібліотеки въ Вѣнѣ, замѣчательнаго ученаго, далеко еще не оцѣнено по достоинству. Еще и теперь можно слышать въ иныхъ мѣстахъ отъ сербовъ, что Копитаръ, побуждая Караджича ввести въ сербскую азбуку нѣсколько новыхъ знаковъ и исключить нѣсколько старыхъ, преслѣдовалъ лишь тайныя политическія цѣли, служа орудіемъ австрійской интриги. Митрополитъ Карловацкій Стефанъ Стратимировичъ, которому Шлецеръ посвятилъ второй томъ своего Нестора, послѣ выхода Пѣснирицъ и Письменицы Вука Караджича, въ 1815 г. запретилъ Лукіану Мушицкому вести переписку съ Копитаромъ *), котораго онъ заподозрилъ, что онъ при помощи Вука хочетъ пропагандировать католичество среди сербовъ. Въ борьбѣ съ нововведеніями въ сербской орфографіи Вука Караджича, писатели славено-сербской школы часто прибѣгали къ обвиненію Караджича въ католической ереси—аргументъ, который по отношенію къ Караджичу не можетъ имѣть, впрочемъ, никакого значенія.

Это мнѣніе многихъ сербскихъ писателей и патриотовъ отразилось и въ извѣстномъ обвиненіи Караджича и Копитара, произнесенномъ надъ ними Гильфердингомъ **), въ томъ, что Копитаръ побуждалъ Караджича приблизить сербскую азбуку къ латинской съ цѣлями политическими и католиче-

*) Видно изъ писемъ Копитара къ Мушицкому. Дят. мат. серб., № 120, стр. 133.

**) Собраніе соч., II т., стр. 79—80.

скими. Судъ Гильфердинга находилъ свое основаніе и въ извѣстномъ мнѣніи Копитара о старшинствѣ глаголической азбуки и принадлежности илирійскимъ словенцамъ языка, на который переведены были священные книги св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Копитаръ былъ дѣйствительно ревностный католикъ и ревностный австріецъ. Въ то время, когда онъ такъ содѣйствовалъ Караджичу въ его преобразованіяхъ сербской азбуки, онъ отнесся съ величайшимъ неодобреніемъ и даже враждебно, именно какъ католикъ и какъ австріецъ, къ илиризму Гаю, къ принятію имъ языка сербско-хорватскаго литературнымъ и преобразованію хорватской азбуки по системѣ чеховъ. Копитару сложенія знаковъ для выраженія одного звука въ хорватской азбукѣ представлялись болѣе удобными, чѣмъ выраженія ихъ при помощи одной буквы со значкомъ (напр. sz, вмѣсто новаго š), между тѣмъ, какъ онъ совѣтовалъ Вуку Караджичу сдѣлать именно противоположное для сербской азбуки, придумать простые знаки для звуковъ, дотолѣ выражавшихся сложеніемъ буквъ. Онъ называетъ надстрочные знаки надъ буквами *Fliegen-dreck* и *Fliegenkoth* *) и прямо обвиняетъ Гаю въ томъ, что онъ находится подъ вліяніемъ „лютеранской ереси“. Въ самой перемѣнѣ Гаю имени Людовика на славянское Людевитъ онъ видитъ нѣчто подозрительное **). Надъ Шафарикомъ онъ злосмѣется, замѣчая, что онъ мѣнялъ свою подпись, подписываясь въ Іенѣ *Sáfary*, послѣ *Schaffarik*, за-

*) См. *Arkiv Kukuljevića*. т. XII. Письма Копитара къ Кристиановичу, стр. 101, 107.

**) *Hesychii glossographi discipulus*, стр. 59—62.

тѣмъ то Szafarzyk, то Ssafarzik. Въ сношеніяхъ Гая съ Шафарикомъ, Колларомъ, съ чехами вообще онъ видитъ опасность для католицизма, а въ побѣдѣ Гая въ Россію онъ прямо подозрѣваетъ даже измѣну. Говоря о слухѣ, что Гай побѣхалъ въ Россію и Петербургъ, Копитаръ въ письмѣ къ Игнатию Кристіановичу восклицаетъ: *quid sibi vult stultus aut proditor? **).

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу Копитаръ ставитъ вопросъ: „ob hinter den illyrischen Kappen nicht lutherische stecken? Sie wissen wer Gay's Meister waren und sind.“ **). Исходя изъ того положенія, что всѣ славянскія племена должны культивировать литературу на своихъ нарѣчіяхъ и языкахъ, Копитаръ съ особеннымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на единство языка сербо-хорватской литературы, проповѣдуемое Гаемъ. Онъ и самъ ополчался противъ Людевита Гая и хорватскаго иллиризма и вооружалъ другихъ, призывая ихъ писать на словенскомъ нарѣчій ***). Копитаръ полагалъ, что это движеніе иллиризма, не имѣя основы въ исторіи и жизни, само по себѣ прекратится. Онъ видѣлъ въ иллиризмѣ стремленіе подчинить словенцевъ сер-

*) Arkiv Kukuljevića, XII т., стр. 107.

Игнатій Кристіановичъ, каноникъ загребскій, былъ извѣстенъ своими сочиненіями по преимуществу духовнаго содержанія, и какъ издатель Даницы Загребской 1834 до 1850 г. Онъ писалъ на кайкавскомъ нарѣчій.

**) Arkiv Kukuljevića, XII т., стр. 108. Затѣмъ онъ продолжаетъ: Selbst die Magyarismus ist lutherisch, und die katholische Bischöfe, die ihn aus Schwäche auch potegiren, nesciunt, quid faciunt. Сравни ibidem, стр. 105.

***). Въ этомъ отношеніи весьма интересны письма Копитара къ Игнатию Кристіановичу и другимъ. Arkiv Kukuljevića, XII т., стр. 60—110.

бамъ и, какъ словенецъ, не могъ отнестись спокойно къ такому, подозрѣваемому имъ, факту. Поэтому даже Шафарика, относившагося сочувственно къ Гаю и его дѣятельности, называетъ онъ не стѣсняясь „плохимъ, презрѣннымъ, заинтересованнымъ интриганомъ“ *).

Если сопоставить отношенія Копитара къ Вуку Караджичу, явившемуся новаторомъ въ сербской ореографіи и литературѣ, и къ Людевиту Гаю, который стремился къ объединенію юго-славянства въ имени Иллирія и литературномъ *иллирійскомъ* языкѣ и явился новаторомъ въ хорватской ореографіи, то приходится признаться, что Копитаръ нападалъ самъ съ тѣмъ же оружіемъ въ рукахъ на несочувственное ему направленіе иллиризма, съ которымъ нападали на него приверженцы славено-сербовъ. Копитаръ, какъ ревностный австріецъ, боялся объединенія въ имени иллировъ всѣхъ разновидностей юго-славянскихъ племенъ и, какъ словенецъ-кайкавецъ, стоялъ за кайкавскій языкъ въ создававшейся тогда хорватской литературѣ. Онъ не признавалъ за хорватами Загреба права на языкъ Дубровника и Далмаціи.

Касаясь этого вопроса, мы не имѣли въ виду разрѣшить вопросъ, насколько во влияніи Копитара на Вука Караджича дѣйствовали политическія или ультрамонтанскія побужденія ученаго бібліотекаря придворной бібліотеки Апостолическаго Императора. Мы хотимъ лишь показать, что обвиненіе, произнесенное Гильфердингомъ надъ Копитаромъ имѣло свое основаніе и въ самомъ отношеніи Копитара къ

*) Ibidem, стр. 104.

литературнымъ явленіямъ вообще. Но во всякомъ случаѣ вліяніе Копитара на Караджича было благотворное. Еще въ 1811 г., слѣдовательно до знакомства съ Вукомъ Караджичемъ, Копитаръ въ письмѣ къ Добровскому говоритъ, что онъ просилъ одного изъ своихъ сербскихъ друзей собирать народныя пѣсни особенно о Маркѣ Краевичѣ. *). Понятно, какъ онъ настойчиво побуждалъ къ этому Караджича, когда съ нимъ познакомился. Самъ Вукъ Караджичъ впоследствии въ Пештско - Будимскомъ Скоротечѣ утверждалъ, что Копитару въ этомъ отношеніи принадлежитъ вся заслуга **) и отрицалъ при этомъ вліяніе Лукіана Мушицкаго. Копитаръ постоянно помогалъ Вуку Караджичу въ его трудахъ, какъ видно изъ рассказовъ самого Вука.

Познакомившись съ Вукомъ Караджичемъ Копитаръ сталъ его спрашивать, знаетъ ли онъ народныя пѣсни, — и сталъ убѣждать его записать и издать тѣ, которыя онъ знаетъ. Вуку это предложеніе понравилось, и онъ сталъ записывать пѣсни, которыя онъ помнилъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда сомнѣвался, прибѣгалъ къ помощи своей родственницы жены Стефана Живковича, вмѣстѣ съ которымъ онъ пріѣхалъ въ Вѣну въ 1813 г. ***). Но значеніе народныхъ пѣсней для Вука было уже понятно еще раньше. Первою книгою, изданною Вукомъ Караджичемъ, была „Мала простонародна Славено-сербска песна-рица“ (въ Вѣнѣ 1814 г.). Въ предисловіи къ ней Караджичъ упоминаетъ о томъ, какъ Лукіанъ Му-

*) Сборникъ пѣсней Копитара къ Добровскому въ чешск. музеѣ.

**) Пештско-Будимскій Скоротецъ за 1842 г. №№ 20 и 21.

***) Стефанъ Живковичъ былъ секретаремъ совѣта во время возстанія Сербовъ противъ дахіевъ подъ Кара-Георгіемъ.

шицкій еще въ 1807 году говорилъ своимъ ученикамъ въ Карловцахъ, чтобы они записали для него пѣсни, которыя они знаютъ. Тогда еще ему казалось насмѣшкой ученаго архимандрита надъ простыми, взятыми „отъ козъ и овецъ“, учениками это предложеніе Мушицкаго. Но перешедши вновь въ Сербію, Вукъ случайно нашелъ собраніе пѣсенъ Качича „Razgovor ugodni naroda Slovinskoga“, напечатанное латиницей. Эта книга навела на Вука сомнѣніе въ томъ, будто лишь насмѣшкой было со стороны Лукіана Мушицкаго предложеніе записать пѣсни. Теперь Вукъ сталъ интересоваться пѣснями и добылъ для себя большой русскій пѣсенникъ. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ: „Теперь, вслѣдствіе нашего несчастія, перейдя изъ Сербіи и прибывъ сюда, (хотя бы за всѣ мученія я научился по нѣмецки!) я привезъ съ собою одинъ большой русскій пѣсенникъ; читая изъ него различныя пѣсни, я захотѣлъ узнать: одни лишь Русскіе имѣютъ такую и при томъ столь большую книгу пѣсенъ? Или и другіе народы также имѣютъ, и лишь мы Сербы не имѣемъ? А когда я нашелъ нѣмецкіе пѣсенники, тогда я убѣдился, что и другіе народы имѣютъ пѣсни. Тогда я началъ объ этомъ разсуждать далѣе: развѣ никогда нашъ народъ не имѣлъ своихъ народныхъ пѣсенъ? Или имѣлъ и теперь имѣетъ? Но никого не было, кто бы позаботился ихъ собрать и напечатать, и онѣ забылись, какъ и многое другое. Но я не могъ вѣрить, чтобы мы не имѣли пѣсенъ, потому что различныя признаки мнѣ показывали, что есть у нашего народа пѣсни и теперь: но причина (почему онѣ неизвѣстны)—другая“,—т. е. никто не нашелся, кто бы ихъ собралъ и напечаталъ.

Далѣ Вукъ останавливается на одномъ мѣстѣ изъ оды Мушицкаго, который упрекаетъ Сербовъ, что многіе изъ нихъ измѣнили своей народности, „пре-
лились во чалмоносце, волке ваше“. Защищая Сербовъ задунайскихъ отъ упрека, сдѣланнаго имъ Мушицкимъ, онъ замѣчаетъ, что напротивъ Сербы, живущіе въ Австріи, имѣющіе свои школы и свои церкви, больше измѣнили своей народности и народнымъ традиціямъ, нежели Сербы, живущіе подъ Турецкимъ игомъ. Тутъ Караджичъ задается мыслью указать, гдѣ зерно Сербскаго „рода“—и находитъ его между рѣками Дриною и Моравою. Эти размышленія о сохраненіи Сербскаго „рода“ побудили Караджича напечатать „песнарицу“. „Тутъ нѣтъ ни одной пѣсни, которую бы духъ воображенія, обогащенный чтеніемъ книгъ, измышлялъ по правиламъ пѣснотворчества, но всѣ онѣ такія, которыя сердце въ простотѣ и въ невинности пѣло, не заботясь о художествѣ, сообразуясь съ природою. Хотя я и не пѣвецъ, но эти пѣсни я помнилъ, когда еще 12 лѣтъ тому, живя въ самомъ счастливомъ положеніи смертныхъ, стерегъ овецъ и козъ“. Далѣ Вукъ Караджичъ выражаетъ надежду, что „если бы кто потрудился, то составилъ бы такую же большую книгу, какъ Россійскій пѣсенникъ. Я издаю эти, другой можетъ быть постарается и соберетъ подобныя этимъ въ Сремѣ, третій въ Бачкѣ, четвертый въ Банатѣ, пятый по Славоніи, шестой по Хорватіи, седьмой по Далмаціи, а если судьба позволить, кто нибудь по Сербіи, по Босніи, по Герцеговинѣ и по Черногоріи“.

Но Вукъ Караджичъ думалъ въ эту пору, что народные пѣсни должны и могутъ быть поправляемы

издателемъ. Онъ говорить: „что касается пѣсенъ, въ этомъ можетъ меня критиковать какая нибудь Сербка простая или Сараевка; но надѣюсь, что и онѣ меня простятъ, если что по ихъ мнѣнію найдутъ измѣненнымъ или выпущеннымъ; ибо я, какъ выше сказалъ, не пѣвецъ, а затѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ пѣсни, прошло такъ много времени, что я бы могъ забыть и свое имя“ *). Но въ другомъ мѣстѣ этого же предисловія Вукъ замѣчаетъ еще яснѣе о необходимости переработки народныхъ пѣсенъ: „и (когда будутъ изданы отдѣльныя собранія народныхъ пѣсенъ) найдется кто нибудь, кого Богъ одарилъ даромъ пѣснотворчества и кому Богъ далъ возможность на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ понимать правила этого, тотъ соберетъ всѣ эти сборники и пересмотритъ, а нѣкоторыя пѣсни и самъ по вкусу и сообразно съ характеромъ своего народа составить, и такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ малыхъ сборниковъ составитъ одинъ большой“ **). Такимъ образомъ Вукъ Караджичъ въ этой первой своей книгѣ впервые выступаетъ, какъ издатель сербскихъ народныхъ произведеній.

Издавая первый томъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ въ Лейпцигѣ въ 1824, Караджичъ прямо признается, что въ первой части своей Пѣснарицы онъ поправлялъ языкъ, и что онъ издавалъ пѣсни по памяти. Что касается второй части пѣснарицы, изданной имъ въ 1815 году, то тутъ онъ поправилъ лишь

*) Ibid. Предговор. стр. 20.

**) Кошитаръ писалъ Добровскому 18 мая 1815 г. *Scribam (Вукъ) die 22 Carlovicium, ut colligat alias pjesnas, video plerasque ipsum fecisse, modis quidem serbiciis, sed tamen a se factas.* (Сборникъ писемъ въ Чешскомъ музеѣ, № 74).

одно слово: онъ замѣнилъ слово *пенцерь*, какъ турецкое, сербскимъ *прозоръ* *).

Говоря объ языкѣ и правописаніи въ первой части своей пѣснарицы, Вукъ Караджичъ замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи для критики большой просторъ,—„ибо у насъ не только что двое не пишутъ одинаково, но никто и не пишетъ постоянно одинаково: сегодня такъ, завтра иначе“. Но практическій ясный умъ Караджича не даетъ ему успокоиться на признаніи этого печальнаго явленія въ сербской письменности, и будущій реформаторъ и сербской орфографіи, и языка сербской книги намѣчаетъ, что нужно сдѣлать, чтобы прекратилось это неопредѣленное положеніе сербскаго книжнаго языка. Онъ говоритъ: „И такъ будетъ непрестанно, пока наши ученые (а особенно тѣ, на обязанности которыхъ это лежитъ) не согласятся между собою и въ договорѣ не составятъ грамматики и словаря. А тогда „при му образъ“ (да будетъ стыдно тому), кто не съумѣетъ или не захочетъ подчиняться этимъ предписаніямъ“. Такимъ образомъ въ этихъ краткихъ словахъ Караджичъ самъ себѣ намѣтилъ путь, по которому пойдетъ его дѣятельность.

Въ первую „Песнарицу“ Вука Караджича вошли лишь тѣ пѣсни, которыя онъ зналъ и помнилъ, кромѣ одной: Жалостна песна племените Асанагинице, которая заимствована Вукомъ изъ описанія путешествія по Далмаціи аббата Фортиса **). Вукъ тутъ

*) Народне ерске пјесме издао Вук. Стеф. Караџић. у Липица кн. прва. 1824. Предговор, стр. XVII.

**) Она переведена Фортисомъ на Итальянскій языкъ, а Гете на нѣмецкій съ итальянскаго.

Viaggio in Dalmazia ab. Alberto Fortis. In Venezia 1724 г.

издалъ 100 женскихъ и 6 мужскихъ или юнацкихъ пѣсенъ, между которыми указывалъ разницу въ томъ, что женскія не поются при гусляхъ, а мужскія именно только и поются при аккомпаниментѣ гуслей.

Затѣмъ въ 1814 году Вукъ Караджичъ издалъ другую книгу, не менѣе важную, чѣмъ „Песнарица“ для характеристики всего литературнаго направленія Вука. Копитаръ, какъ сказано выше, убѣждалъ Фрушича и Давидовича написать сербскую грамматику и печатать газету на простомъ сербскомъ языкѣ. Но они не знали этого языка. Тогда Копитаръ сталъ говорить Вуку о необходимости грамматики Сербскаго живаго нарѣчія. Вукъ сначала, естественно не рассчитывая на свои силы, сталъ предлагать Давидовичу и Фрушичу совмѣстно составить сербскую грамматику, но не нашелъ у нихъ сочувствія къ этому предпріятію. Тогда Вукъ рѣшился самъ испытать свои силы и, взявши за образецъ славянскую грамматику Мразовича, которая замѣнила въ сербскихъ школахъ грамматику Мелетія Смотрицкаго, перевелъ склоненія и спряженія на сербскій языкъ. Такимъ образомъ составила книжка изданная въ Вѣнѣ въ 1814 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Писменица Сербскаго Языка по говору простаго народа написана Вуком Стефановићемъ Сербіанцем. Этотъ свой трудъ посвятилъ Караджичъ Мелентию Никшичу, архимандриту монастыря Фенека, который далъ Вуку средства для изданія его „Писменицы“. Вукъ въ своемъ предисловіи къ ней говоритъ, что онъ чувствовалъ себя неприготовленнымъ къ подобному труду, но его патріотическая скорбь, что нѣтъ ни одной грамматики сербской, побудила его при-

няться за составленіе этой книги: „истинная любовь къ народу моему ободрила и принудила меня зажмурить глаза и пробраться чрезъ это тернье, хотя бы пришлось выйти на ту сторону совершенно оборваннымъ и окровавленнымъ“. Цѣль своего труда Вукъ видѣлъ въ томъ, чтобы побудить болѣе знающихъ и ученыхъ, чѣмъ онъ, составить грамматику сербскаго языка *). Тутъ Вукъ впервые касается вопроса о сербскомъ правописаніи и представляетъ свое правило: пиши, какъ говоришь, и читай, какъ написано. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что не можетъ одинъ человѣкъ опредѣлить сербскимъ писателямъ правила правописанія, но что слѣдовало бы, чтобы составилось собраніе ученыхъ Сербовъ, которые бы могли договориться о томъ, какъ слѣдуетъ писать, и установили правила правописанія.

Свою „Писменицу“ Вукъ раздѣлилъ на двѣ части; въ первой (стр. 1—14) онъ говоритъ о письменахъ и гласоудареніи, во второй (15—104) изложена сербская этимологія. Между замѣчаніями о письменахъ слѣдуетъ остановить вниманіе на томъ, что здѣсь Караджичъ, держась мнѣнія Саввы Меркайля объ излишности для сербскаго письма—знака *z*, замѣчаетъ, что слѣдуетъ ввести въ сербскую азбуку три новыхъ знака: *љ*, *њ* и *ђ*—вмѣсто *лъ*, *нь*, *дь*. Но онъ самъ не рѣшился употребить эти знаки въ „Писменицѣ“. Тутъ Вукъ впервые останавливается надъ вопросомъ о введеніи *j* въ сербскую азбуку. Въ то время, когда мягкое *e* и *ь* въ „Песнарицѣ“, Вукъ выражалъ еще знакомъ *в*, употребляя *я* и *ю*, въ Писменицѣ

*) Писменица. 1814 г., X стр.

онъ уже пишетъ: ѣе, ѣа, ѣу, давая знаку ѣ—значеніе j. Въ концѣ книги Вукъ посвящаетъ двѣ страницы опредѣленію разницы нарѣчій Сербскаго языка. Онъ различалъ тогда три нарѣчія: 1) *Герцеговинское*, которымъ говорятъ всѣ Сербы, которые живутъ въ Герцеговинѣ, Босніи, Черногоріи, Далмации, Хорватіи, и въ Сербіи до Мачвы, Вальева и Карановца, 2) *Сремское*, которымъ говорятъ жители Срема, Бачки, Баната, и Задунайскіе Сербы, живущіе около Савы и Дуная, какъ напр. въ округѣ Шабацимъ, Бѣлградскомъ и т. д.; 3) *Славонское*, которое употребляютъ Сербы римско-католическаго исповѣданія, живущіе въ Славоніи, Хорватіи и Далмации. Разницу между ними Вукъ Караджичъ опредѣляетъ различнымъ произношеніемъ ѣ: Герцеговинцы выговариваютъ ѣ, какъ и—е, Сремцы, какъ е, а Славонцы, какъ и.

Такимъ образомъ въ самыхъ первыхъ своихъ произведеніяхъ Вукъ Караджичъ уже намѣтилъ всѣ основанія для дальнѣйшихъ своихъ реформъ въ Сербской орфографіи и для направленія своей литературной дѣятельности.

Копитаръ написалъ основательную критическую статью объ этой *писменици* Вука, въ Wiener allgemeine Literaturzeitung *), въ которой онъ, онъ осыпая похвалами Вука за это предпріятіе и за вѣрность народному языку, дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о недостаткахъ его грамматики. Между прочимъ Копитаръ заявляетъ о необходимости ввести въ Сербскую азбуку знакъ j замѣчая, что этотъ же знакъ крайне необходимъ и для русской азбуки. Копитаръ ра-

*) Kopitar's kleinere Schriften стр. 310—320

довался появленію писменицы, разсчитывая, что Вукъ, передѣлавъ этотъ свой трудъ, позаботится вновь его издать. Теперь Копитаръ совѣтовалъ Вуку отправиться въ Сремъ и Карловцы и тамъ собирать народныя пѣсни *). Въ то же время Копитаръ далъ Вуку мысль новаго труда: составить сербскій словарь. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Срезневскій со словъ Вука: **) „Однажды, наконецъ, пришелъ онъ (Копитаръ) ко мнѣ (Вуку), принесъ съ собою цѣлую стопу бумаги, разрѣзанную на лоскутки. Припоминайте-ка себѣ слова, какія знаете, что употребляются народомъ, и записывайте на этихъ лоскуткахъ, каждое на отдѣльномъ лоскуткѣ. Мало по малу наберете ихъ и цѣлый словарь“. Копитаръ и раньше этого случая не разъ совѣтовалъ Вуку заняться собираніемъ словъ для сербскаго словаря. Въ разборѣ „Slovanka“ Добровскаго, помѣщенномъ въ Wiener allgemeine Literaturzeitung въ 1814 еще до выхода въ свѣтъ „песнарицы“ Вука, Копитаръ замѣчаетъ, что онъ при чтеніи Обрадовича не находилъ всѣхъ словъ у Стулли, словарь котораго былъ лучшимъ изъ всѣхъ тогда бывшихъ сербскихъ словарей.

Путешествуя по Срему и Банату, Вукъ посѣтилъ Лукіана Мушицаго, бывшаго въ то время настоятелемъ одного изъ бѣднѣйшихъ фрушкогорскихъ монастырей Шишатовца. Ученый архимандритъ находился въ литературныхъ сношеніяхъ съ Копитаромъ съ половины 1811 года. Копитаръ искалъ между Сербамъ для себя корреспондента, который могъ бы взять на себя трудъ и умѣлъ сообщать ему о всѣхъ

*) Срезн. стр. 346.

**) Ibidem стр. 346.

литературныхъ и научныхъ новинкахъ въ сербской литературѣ, и съ этою просьбою онъ обратился къ митрополиту Стефану Стратимировичу, по указанію котораго выборъ Копитара палъ на Мушицкаго.

Между письмами Копитара къ Мушицкому есть одно, въ которомъ Копитаръ благодаритъ Мушицкаго, что онъ предложилъ принять Вука на продолжительное время въ свой монастырь. Изъ этого письма видно, что Вукъ Караджичъ въ это время былъ на-мѣренъ заняться изученіемъ латинскаго языка и переработкой своей грамматики. Въ Шишатовцѣ, какъ надѣялся Копитаръ, Вукъ не только можетъ окончить начатый имъ словарь, но и соберетъ пѣсни для второй части пѣснирицы. Въ началѣ 1815 года Вукъ Караджичъ былъ уже въ Карловцахъ. Тутъ онъ нашелъ нѣкоего Тешана Гавриловича, по прозванію за высокій ростъ въ *поль-другаго* человека—Подруговича, отъ котораго онъ узналъ весьма много пѣсенъ. Этотъ Подруговичъ былъ родомъ изъ мѣстности между Босніей и Герцеговиной и сначала былъ торговцемъ, но послѣ, убивъ одного Турка, который хотѣлъ убить его самого, убѣжалъ къ гайдукамъ, оставивъ свой домъ, и въ 1807 г. какъ гайдукъ, перебѣжалъ въ Сербію *). Подруговичъ умѣлъ играть на гусляхъ, но не умѣлъ пѣть: онъ сказывалъ пѣсни. Вукъ Караджичъ сталъ платить этому Подруговичу и еще въ Карловцахъ записывалъ пѣсни, которыя онъ сказывалъ. Около Святой того же года онъ взялъ Подруговича съ собою въ Шишатовацъ, куда онъ ѣхалъ къ Лукіану Мушицкому. Но вскорѣ этотъ Подруговичъ узналъ, что въ Сербіи поднялъ знамя

*) Пѣсни I т. 1824 стр. XXXIII.

возстанія Милошъ Обреновичъ въ Таковѣ, перешелъ въ Сербію, и Вукъ успѣлъ переписать лишь тѣ пѣсни, которыя онъ сказывалъ ему по пути изъ Карловцевъ въ Шишатовацъ. Потерявъ такимъ образомъ Подруговича, Караджичъ сталъ искать другаго пѣвца. Въ это время поселился въ Сремѣ, въ селѣ Гркѣ, знаменитый слѣпецъ Филиппъ Вишничъ *). Онъ былъ родомъ изъ Зворницкаго округа, ослѣпъ отъ оспы еще ребенкомъ. Вишничъ былъ извѣстенъ во всѣхъ сербскихъ краяхъ, какъ знатокъ Сербскихъ пѣсенъ, а послѣ 1804 года, когда началось возстаніе подъ Кара-Георгіемъ, онъ сталъ самъ сочинять пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ подвиги Кара-Георгія и его юнаковъ. Караджичъ воспользовался пребываніемъ Вишнича въ Сремѣ, привезъ его въ Шишатовацъ и записалъ у него пѣсни, которыя тотъ составилъ и пѣлъ.

Возвратившись въ Вѣну, Караджичъ напечаталъ вторую книгу своей *пѣснарицы* **), которую посвятилъ Копитару. Копитаръ написалъ рецензію ***) этого новаго труда Вука Караджича, въ которой признаетъ, что издатель сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ изученіи своего языка. Что касается орфографіи, то Вукъ Караджичъ сдѣлалъ уступку желанію многихъ сербскихъ писателей, введя употребленіе *ю*, а въ срединѣ и концѣ словъ, вм. *ју*, *да*,

*) О Вишничѣ см. Пјесме. IV томъ, 1833., стр. XI — XIII. Предисловіе Караджича. Гласникъ, XX, стр. 236—243. Велешке покојног владике Мушицког о Филипу Вишничѣ у ст. Крстича. Књижевина, Србија Миличевича, стр. 469—471.

**) Народна србска пѣснарица, издана Вукомъ Стефановићемъ, у Виенни 1815 г.

***) Kleinere Schriften стр. 347—369.

которыя онъ употреблялъ въ первой части пѣснарицы, и и з.

Весь этотъ выпускъ пѣснарицы состоитъ изъ 118 пѣсень, изъ которыхъ женскихъ 101. Вукъ въ предисловіи указываетъ, что 24 женскія пѣсни даны ему Максимомъ Ранковичемъ изъ Остружницы, который былъ въ ту пору членомъ магистрата въ Бѣлградѣ. Остальныя пѣсни были юнацкія; между ними была пѣсня и о возстаніи 1804 года. Копитаръ въ своей рецензіи сравнивалъ эпосъ сербскій съ эпосомъ Гомера, перевелъ нѣсколько сербскихъ пѣсень на нѣмецкій языкъ и приложилъ ихъ къ своей рецензіи. Открытіе Вука уже сильно заинтересовало нѣмецкую литературу, а по желанію одного нѣмецкаго критика, который научился по сербски, увлекшись первой пѣснарицею Вука, Караджичъ ко второму выпуску пѣснарицы приложилъ даже мелодіи нѣкоторыхъ пѣсень.

Такъ началось изданіе сербскихъ пѣсень, которое привлекло общее вниманіе въ Европѣ на народъ, тогда добивавшійся политической независимости.

Въ 1816 году Вукъ Караджичъ вновь нѣкоторое время провелъ въ Шишатовцѣ у Лукіана Мушицкаго, который, по словамъ Вука, далъ ему „барское помѣщеніе и всѣ другія удобства“ *). Тутъ онъ оставался съ марта по сентябрь ради сербскаго языка. И самъ Вукъ, и Копитаръ желали, чтобы онъ научился латинскому языку. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Мушицкому Копитаръ, говоря о дарованіяхъ Вука, замѣчаетъ, что Вуку слѣдуетъ научиться по латыни какъ потому, чтобы при-

*) Предисл. къ IV т. Пѣсень (1833), стр. IX.

обрѣсть болѣе грамматическихъ свѣдѣній, такъ и для того, чтобы „mittelmässige Köpfe, die aber die Schulen durchgemacht haben, ihn nicht über die Achsen ansehen sollen *). Для своего словаря Вукъ несомнѣнно воспользовался услугами Мушицкаго. По свидѣтельству Гавриловича, Мушицкій былъ первый, который сталъ собирать народныя пѣсни и слова, а Авраамъ Паничъ, священникъ въ Шидѣ, далъ Вуку 4000 словъ **). Это свидѣтельство Гавриловича, имѣющее вѣсъ само по себѣ, получаетъ подтвержденіе и въ письмахъ Копитара къ Мушицкому въ то время, когда у него гостилъ Караджичъ. „Vos lexicon curate, ego hic typos“ пишетъ Копитаръ Мушицкому 12 Апрѣля 1816 года. Но митрополитъ Стратимировичъ, недовольный ходомъ финансовыхъ дѣлъ монастыря Шишатовцакаго, которымъ управлялъ Лукіанъ Мушицкій, приказалъ, чтобы Вукъ выѣхалъ изъ монастыря, такъ какъ свѣтскій человѣкъ не имѣетъ права жить въ монастырѣ. Такимъ образомъ въ Сентябрѣ 1816 г. Вукъ принужденъ былъ оставить тотъ тихій монастырскій уголокъ, въ которомъ его работы надъ словаремъ, при просвѣщенной помощи ученаго патріота-архимандрита, могли идти всего успѣшнѣе. Копитаръ, чтобы помочь Вуку въ его трудѣ, подарилъ ему словари Бѣлостенца, Ямбрешича и Стулли, Микаля и Делла-Беллы и нѣсколько другихъ книгъ, которыя Вукъ имѣлъ съ собою въ Шишатовцѣ ***). Караджичъ

*) Slovinac 1881 г., № 43, стр. 41. (Занимствовано изъ Јавора за 1877).

**) Лѣтоп. Мат. Срб. кн. 120, стр. 137 и 105.

О Паничѣ вспоминаетъ Караджичъ въ Пред. къ IV т. пѣсенъ (1833). стр. XXXIII.

***) Собраніе сочиненій Мушицкаго, т. 1, стр. 40.

вернулся въ Вѣну съ порядочнымъ запасомъ словъ для словаря, и теперь Копитаръ, по словамъ Вука, сталъ его посѣщать ежедневно и переводилъ на латинскій и нѣмецкій языки слова, предварительно выслушавъ отъ Вука точное и полное объясненіе каждаго изъ нихъ. Это была прекрасная школа для даровитаго самоучки Караджича, который признается, что именно благодаря этой совмѣстной съ Копитаромъ работѣ надъ словаремъ, его „безотчетливое знаніе сербскаго языка оживилось отчетливостью“ *). Черезъ два года плодомъ этихъ трудовъ Копитара и Караджича былъ знаменитый словарь: „Српски рјечник истолкован њемачким и латинским рјечима, Вука Стефановића. У Бечу 1818 г.“ **). Къ словарю приложена грамматика, которая доказывала, какъ много приобрѣлъ грамматическихъ свѣдѣній Вукъ Караджичъ сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ его письменицѣ 1814 г. По словамъ Вука, въ этотъ словарь вошло 26,270 словъ.

До Вука Караджича была сдѣлана попытка составить сербскій словарь. Самъ Караджичъ рассказываетъ объ этой попыткѣ въ статьѣ: настоящая причина и начало собиранія нашихъ народныхъ пѣсенъ, помѣщенной имъ въ одной еженедѣльной газетѣ, выходившей въ Пештѣ ***). Митрополитъ Карловацкій Стефанъ Стратимировичъ, получивъ однажды письмо отъ Шлецера, въ которомъ онъ выражалъ сожалѣніе, что нѣтъ сербскаго словаря и грамматики Сербскаго и Болгарскаго языка, задумалъ составить словарь, по

*) Срезневскій стр. 347.

**) Объявленіе объ этомъ словарѣ было приложено къ Новинамъ Србскимъ еще въ 1816, № 110. 13 Мая.

***) Пештанско-Будимскій скоротеча за 1842 № 20 и 21 стр. 118 и 126.

словамъ Караджича, такимъ образомъ, чтобы, „собрать по сербскимъ книгамъ слова, которыхъ нѣтъ ни въ русскомъ, ни въ славянскомъ языкѣ“, вставить въ Русско-Славянской словарь. Всякій изъ приближенныхъ къ митрополиту и просвѣщенныхъ архимандритовъ и епископовъ долженъ былъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, и поэтому каждый взялся собирать слова, начинающіяся на тѣ буквы, которыми начинается имя и фамилія собирателя. Такъ архимандритъ Дукіанъ Мушицкій взялъ на себя собраніе словъ, начинающихся буквами *Л* и *М*, епископъ Іосифъ Путникъ слова на буквы *І* и *П* и т. д. Но вскорѣ епископъ Путникъ отказался отъ участія въ этомъ предпріятіи; выставивъ предлогъ, что всего больше словъ въ сербскомъ языкѣ начинается буквою *а*, а потому распределение труда сдѣлано неправильно; этимъ случаемъ воспользовались и другіе участники предпріятія, и оно окончилось неудачею. Для составленія грамматики болгарскаго языка Стратимировичъ намѣренъ былъ послать въ Болгарію одного изъ учителей, Лазаревича, но и этому его намѣренію не суждено было осуществиться, такъ какъ вскорѣ Лазаревичъ отказался отъ поѣздки въ Болгарію.

Словари или „Српски рјечник“, какъ озаглавилъ этотъ свой трудъ Вукъ Караджичъ, окончательно опредѣлили значеніе дѣятельности Вука въ сербской литературѣ. Въ сущности Вукъ Караджичъ издалъ компе́ндиумъ для изученія не только сербскаго языка, но и сербскихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Словарю и грамматикѣ предшествуетъ довольно большое предисловіе (III—XX), въ которомъ Вукъ Караджичъ доказываетъ необходимость употреблять сербскій языкъ въ сербскихъ книгахъ. Дѣлая выпис-

ку изъ исторіи Раича, Караджичъ старается доказать, что Раичъ, писавшій славянскимъ языкомъ, передѣлываетъ языкъ источниковъ на свой особый ладъ. Такъ приведя выписку изъ законника Душана въ исторіи Раича, Караджичъ доказываетъ, что Раичъ поправлялъ языкъ подлинника, передѣлывая старыя сербскія формы въ новыя русско-славянскаго языка, которымъ онъ писалъ.

Между прочимъ эту особенную склонность и любовь сербскихъ писателей къ языку русско-церковно-славянскому и пренебреженіе къ народному сербскому, это отсутствіе всякихъ правилъ языка сербскихъ писателей, заставившее архимандрита Павла Кейгелца, въ предисловіи къ имъ составленному *естествословію* выразиться такъ: „все народы и сами язычники книги своя по граматійскимъ правиламъ списаша, оу насъ по правиламъ *бабы Смиллы* пишутся“ *), Вукъ Караджичъ объясняетъ во первыхъ тѣмъ, что писатели сербскіе все самоучки въ языкѣ, во вторыхъ, что сербы имѣютъ въ сущности два языка. Причина того, что сербскіе писатели самоучки въ языкѣ лежитъ въ томъ, что нѣтъ науки на сербскомъ языкѣ, нѣтъ даже сербскаго букваря. Высоко цѣня языкъ школы и понимая вліяніе его на послѣдующую дѣятельность писателя, Караджичъ говоритъ, что, учась въ школѣ на чужомъ языкѣ въ теченіе 10—15 лѣтъ, сербъ забываетъ и *думать* по сербски. „Иные сербскіе писатели, окончивъ подобныя школы, возьмутъ славянскую грамматику Мразовича и прочтутъ ее, чтобы писать по *сербски*; а иные и ея не ищутъ, но пишутъ по нѣмецкой или латинской грамматикѣ по

*) *Естествословіе*. 1811 г., въ Будинѣ, предисловіе.

сербски, не подозрѣвая того, что они могутъ не знать роднаго языка“. Но это общій недостатокъ всѣхъ славянъ, которые не имѣютъ ни школъ, ни наукъ на родномъ языкѣ, за исключеніемъ русскихъ, замѣчаетъ Караджичъ. Другая причина, почему Сербская литература не имѣетъ одного книжнаго языка, лежитъ въ самомъ несогласіи писателей сербскихъ держаться одного языка. Одни изъ нихъ утверждаютъ, что слѣдуетъ писать по славянски, и что языкъ народа „свинярски и говедарски“, другіе же думаютъ, что нужно *поправлять* народный языкъ, и приближая его къ славянскому—выработать особый языкъ книги. Въ послѣднемъ случаѣ царствуетъ полнѣйшій произволъ писателей и смѣшеніе формъ русскихъ, славянскихъ и сербскихъ. Для установленія какого нибудь единства въ языкѣ книги Караджичъ признаетъ необходимымъ словарь и грамматику. Онъ прямо высказывается за употребленіе языка народнаго, какъ языка литературы.

Слова, вошедшія въ словарь Вука, всѣ взяты изъ живаго языка. Подозрѣвая, что особенно много противниковъ найдетъ орѳографія словаря, Караджичъ приводитъ доказательство, что славянская орѳографія не въ состояніи выразить всѣхъ сербскихъ звуковъ и что уже въ старину сербы употребляли знаки *ћ* и *џ*. Въ „Рјечникѣ“ Караджичъ впервые употребилъ новые знаки имъ придуманные для выраженія отличительныхъ сербскихъ звуковъ: *ћ*, *њ*, *љ*, и ввелъ *ј*. Ожидая упрековъ въ ереси за употребленіе *ј*, Караджичъ замѣчаетъ, что св. Кирилъ, составляя славянскую азбуку, непрѣмѣнно употребилъ бы *ј*, если бы этотъ знакъ существовалъ въ греческомъ языкѣ, вмѣсто сложныхъ: *λ*, *μ*, но и онъ связалъ

греческую іоту съ а и е для означенія мягкаго ихъ изглашенія—и и ѣ.

Теперь Вукъ Караджичъ, очевидно подъ влияніемъ мнѣнія, высказаннаго Копитаромъ въ рецензій его „Письменицы“, самъ отказывается отъ убѣжденія, что лучший путь для утвержденія единства орфографіи—согласіе общества ученыхъ и составленіе имъ правилъ. Онъ прямо теперь утверждаетъ, что словарь долженъ быть составленъ однимъ лицомъ, не обществомъ: „въ обществѣ часто глупый испортитъ, что умный сдѣлаетъ, а бываетъ часто и такъ, что умный, скрываясь за именемъ общества, напишетъ и то, чего подъ своимъ именемъ никогда бы не издалъ.“

Немного раньше, чѣмъ Рјечник Вука, появилось сочиненіе Соларича: *Римляни славенствовавшіи*, въ которомъ онъ называетъ Старо-славянскій языкъ „Сербскимъ ветхимъ“ *) и приводитъ около 700 коренныхъ словъ, которыя будто бы заимствованы Римлянами у Славянъ. Въ этомъ своемъ сочиненіи Соларичъ высказываетъ мнѣніе, что необходимы двѣ грамматики для двухъ языковъ, употребляющихся въ сербскомъ народѣ: „ветхо-сербскую писменицу“ онъ ожидалъ отъ аббата Добровскаго, а относительно „ново-сербской“ онъ возлагалъ надежды на сербскихъ писателей въ Карловцахъ, Будимѣ, Сомборѣ, Новомъ Садѣ и другихъ мѣстахъ. Онъ говоритъ, что наступило время, когда бы слѣдовало описать и изучить все, что касается сербскаго языка.

Караджичъ, ссылаясь на мнѣнія Соларича, объясня-

*) Римляни славенствовавшіи, Павла Соларича. Въ Будимѣ 1818 г. стр. 25.

еть почему онъ присоединилъ грамматику къ своему словарю, которую онъ было думалъ значительно расширить и издать особо. Онъ хотѣлъ поскорѣе удовлетворить общему желанію имѣть грамматику сербскаго языка и потому поспѣшилъ напечатать ее.

Словарь стоилъ много заботъ и труда Вуку. Въ 1856 г. Вукъ объяснилъ г. Райковичу, что двѣ существенныя помѣхи встрѣтилъ онъ при печатаніи словаря: цензура смотрѣла подозрительно на это предпріятіе, а съ другой стороны у Вука не было достаточно средствъ для выпуска въ свѣтъ этого своего труда *). Начавъ печатать съ 300 флориновъ ассигнаціями (шайна), Вукъ поставилъ себя въ самое безвыходное положеніе, такъ что принужденъ былъ продать даже свои бритвы. Подписныя деньги получены были изъ Одессы и то въ незначительномъ количествѣ. Въ это время получены были Вукомъ 5000 флориновъ отъ сербскаго патріота Димитрія Тирки (изъ Триеста). Затѣмъ отозвались и другіе покровители *Меценаты* Сербской литературы, какъ Савва Текели, Карловацкій митрополитъ Стефанъ Стратимировичъ и др. Иные изъ сербскихъ патріотовъ собирали подписку въ разныхъ мѣстностяхъ и такимъ образомъ явилась возможность продолжить изданіе словаря. Имена главнѣйшихъ „благодѣтелей“ словаря Караджичъ внесъ въ предисловіе къ своему труду:

Приготовляя свой словарь къ печати, Караджичъ часто переписывался и совѣтовался съ Григоріемъ Гершичемъ; Павломъ Соларичемъ и Лукіаномъ Мушицкимъ объ утвержденіи народнаго литературнаго

*) Явор за 1877 г. стр. 58.

зыка. Одною изъ первыхъ его заботъ было сформированіе новыхъ знаковъ ѣ, љ и ѣ. Копитаръ въ своей рецензіи на „Писменицу“ Вука замѣтилъ, что едва ли могутъ годиться начертанія ѣ, љ, Ѓ и совѣтовалъ найти для этихъ знаковъ болѣе простыя формы, а пока онъ считалъ болѣе удобнымъ употреблять вмѣсто нихъ ѣ не только при и, л, ѣ но и при т вм. ѣ“ *). Но Караджичъ, переписавшись съ Гершичемъ, Соларичемъ и Мушицкимъ и посовѣтовавшись съ Копитаромъ, окончательно остановился на формахъ ѣ, љ для выраженія мягкихъ и и л. Что касается формы знака ѣ, то она принадлежитъ Мушицкому. Въ своемъ письмѣ къ Караджичу отъ 12 іюня 1816 г., Лукіанъ Мушицкій сообщаетъ, что онъ показывалъ придуманный имъ знакъ для ѣ. Магарашевичу, который впослѣдствіи принималъ живое участіе въ основаніи Сербской Матицы, и что въ то же время былъ планъ составить особенный знакъ и для ю. Въ то же время придумывалъ знаки для ѣ, љ, ѣ и Григорій Гершичъ. Мушицкій проситъ Вука сравнить объ формы и выбрать лучшую **). Мушицкій признавалъ потребность особаго знака для звука ѣ, но самъ не употреблялъ ѣ до тѣхъ поръ, пока Вукъ не ввелъ его въ употребленіе. Впрочемъ Вукъ Караджичъ принялъ начертаніе Мушицкаго лишь для малаго ѣ, не соглашаясь съ начертаніемъ Мушицкаго для большаго знака. Весьма характерно для освѣщенія этой эпохи Сербской литературы то, что этотъ вопросъ о начертаніи большаго ѣ долго занималъ, какъ Мушицкаго, такъ и Хаджича, извѣстна-

*) Barth Kopitar's Kleinere Schrift., стр. 313.

**) Slovinac, № 6, стр. 99.

го противника Вука Караджича. Караджичъ, защищаясь отъ нападеній Хаджича, долженъ былъ разсказать исторію происхожденія этого знака *), а Мушицкій въ письмѣ къ Магарашевичу называетъ знакъ для большого h—„нагрда“, т. е. безобразіемъ **) и пишетъ эпиграмму къ Давидовичу на знакъ, придуманный Вукомъ ***), и Вукъ въ своемъ письмѣ Мушицкому доказываетъ, что онъ не можетъ его принуждать употреблять знакъ, ему не нравящійся ****).

Что касается употребленнаго Вукомъ въ словарь j, то оно возбудило сильное недовольство, особенно между духовенствомъ, видѣвшимъ въ этомъ заимствованіи знака изъ латинской азбуки признаки католіцизма.

Но что особенно вооружило противъ словаря Вука многихъ сербскихъ литературныхъ дѣятелей, это—внесеніе имъ въ словарь словъ бранныхъ и obscena. Мушицкій, который находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Вукомъ, выражалъ удивленіе, что Копитаръ въ качествѣ цензора не удержалъ Вука отъ печатанія подобныхъ словъ, и замѣчаетъ: „счастіе его, если митрополитъ не обжалуетъ его въ нской полиціи“ *****).

Въ словарь Караджичъ набралъ также юго-западное или Герцеговинское нарѣчіе, а въ грамматикѣ онъ показалъ всѣ существенныя различія между

*) Вуков одговор на Угук Светића. 1843; стр. 26 и 27.

**) Голубица. Т. IV., стр. 307.

***) Надписи на сербско княжество. Собр. соч. Мушицкого, IV т., стр. 64.

****) Лѣтоп. Мат., Серб. 120 кн., стр. 151.

*****) Голубица IV, стр. 308.

говорами сербскаго языка, которыхъ онъ, какъ извѣстно, признавалъ три; но теперь называлъ иначе: Герцеговинскій, Сремскій и Ресавскій, или юго-западный, сѣверный и восточный. Главное различіе между ними Вукъ находилъ, какъ и прежде, въ произношеніи ѣ: въ то время, какъ по первому ѣ звучитъ какъ *је* или *ѣе* или какъ *и* предъ *ја* (сѣјати), а также вліяетъ на смягченіе д, л, н, т въ ѣ, љ, њ, ѣ, во второмъ оно звучитъ какъ *е* и *и*, а въ третьемъ всегда какъ *е*.

Словарь Вука—это собраніе не только словъ живаго сербскаго языка, но и описаніе обычаевъ и нравовъ сербскихъ, а также и собраніе преданій и сказаній сербскаго племени.

Этимъ закончилась дѣятельность Вука, какъ законодателя сербскаго литературнаго языка. Теперь ему лишь предстояло переработать и пополнить свои труды, переиздать пѣсни, дополнивъ ихъ собраніе. Такое новаторство нигдѣ не доставалось новатору безъ борьбы. Какъ языкъ и литературная дѣятельность Карамаѣна могли казаться и казались опасными Шишкову и сторонникамъ славящины въ русскомъ языкѣ, точно такъ, и можетъ быть съ большимъ правомъ, могли нападать на Караджича, круто рвавшаго всѣ преданія сербской литературы съ русскою и связи сербскаго языка со славяно-русскимъ, сторонники славено-сербской школы и сербскіе патріоты, видѣвшіе единственно возможное спасеніе своей народности въ тѣсномъ союзѣ съ русскою литературою и русскою жизнью, которая для нихъ олицетворялась въ православіи и русской церковной книгѣ.

Началась ожесточенная литературная борьба, которая, обнаруживъ силу и дарованія Караджича и

обнаживъ слабость его противниковъ, кончилась побѣдою теорій Вука, хотя, быть можетъ, не ко благу сербской народности, слишкомъ слабой, чтобы самостоятельно удержаться предъ напоромъ нѣмецко-германскаго міра.!

2.

Поездка Вука Караджича въ Россію и Германію. Продолженіе его издательской дѣятельности. Его статьи въ Сербскихъ Новинахъ. Переводы сербскихъ пѣсень.

Караджичъ, взявъ съ собою сто экземпляровъ только что напечатаннаго и неразосланнаго еще подписчикамъ словаря, въ началѣ 1819 года уѣхалъ въ Россію. Судя по письму Копитара къ Мушицкому *), эту поездку свою въ Россію Вукъ хотѣлъ скрыть отъ своихъ литературныхъ враговъ, которые были готовы воспользоваться всякими средствами, чтобы обвинить Вука за его нововведенія. Въ Россіи Караджичъ пробылъ 9 мѣсяцевъ. По дорогѣ онъ посѣтилъ Львовъ, Краковъ, Варшаву. Въ Россіи онъ былъ во многихъ городахъ: Петербургѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и Кишиневѣ. Восхищенный всѣмъ, что онъ видѣлъ на своемъ пути, и довольный приемомъ ему оказаннымъ, Караджичъ уже изъ Львова пишетъ Мушицкому, спрашивая его о томъ, что дѣлается у Сербовъ. Слава и значеніе Вука Караджича въ это время были уже велики, и онъ былъ

*) Slovinac, 1881, № 3, стр. 41. (изъ Язора за 1877 г., ст. Райковича).

избранъ въ члены „Московского общества любителей русской словесности“ и „Краковского общества наукъ“. Теперь Караджичъ завязалъ знакомство съ Карамзинымъ, Румянцевымъ и многими другими.

Россійская Академія наукъ, по предложенію своего предсѣдателя, присудила 31 іюля 1819 года Вуку Караджичу серебряную медаль за словарь *).

Еще до выхода въ свѣтъ словаря, Вукъ Караджичъ женился на дѣвкѣ Аннѣ Краусъ въ Вѣнѣ. Онъ разсказывалъ Срезневскому, что еще въ родномъ селѣ, до отъѣзда изъ Тршича, было условлено, что онъ женится на Ружѣ Тодоровой, своей односельчанкѣ, слывшей необычайною красавицею. Ружа долго считалась его невѣстой, пока наконецъ, самъ Вукъ не отказался отъ нея въ 1812 году и, по сербскому обычаю, не разрѣшилъ ей идти замужъ за другаго. Пріѣхавъ въ 1813 году въ Вѣну, Вукъ Караджичъ жилъ въ семействѣ Краусовъ; и во время его болѣзни, за нимъ смотрѣла дочь хозяйки Анна, на которой Караджичъ и женился въ 1818 году. Это была добрая женщина, которая имѣла большое вліяніе на Вука,—и она была отчасти причиною того, что Вукъ поселился въ Вѣнѣ и тамъ работалъ, лишь по временамъ наѣзжая въ Сербію **).

Въ 1820 году Вукъ ѣздилъ въ Сербію, гдѣ намѣренъ былъ основать ланкастерскую школу взаимнаго обученія по образцу подобныхъ школъ, видѣнныхъ имъ въ Россіи. Тогда же было предположено, что

*) Явор, за 1877 г., стр. 86.

**) Срезневскій, 344.

онъ станетъ учить читать и писать князя Милоша, съ которымъ онъ познакомился впервые около половины этого года *), но это его предпріятіе не устроилось.

Теперь Вукъ Караджичъ получаетъ и европейскую извѣстность. Еще въ то время, когда Караджичъ впервые выступалъ своею Письменицей и Пѣснарицей на литературное поприще, Копитаръ его познакомилъ съ Гриммомъ. Въ это время въ германской литературѣ возрастаетъ интересъ къ славянству. Гумбольдъ, будучи посланникомъ Пруссіи въ Вѣнѣ, чрезъ посредство Копитара, получилъ выдержки сербской грамматики Мушицкаго, а для Гете тотъ же Мушицкій переводилъ пѣснарицу Вука на нѣмецкій языкъ **). Еще въ 1819 году Яковъ Гриммъ въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* написалъ статью о словарѣ Вука, въ которой упомянулъ и о „пѣснарицахъ“. Весною 1822 года Вукъ поѣхалъ въ Германію. Онъ сначала посѣтилъ Лейпцигъ, откуда ѣздилъ къ профессору Фатеру въ Галле, съ которымъ впослѣдствіи былъ въ перепискѣ. Затѣмъ онъ въ это же время познакомился съ Гете, къ которому онъ ѣздилъ въ Веймаръ, и посѣтилъ Гримма, съ которымъ былъ знакомъ уже раньше. Въ этомъ же году Вукъ побывалъ и въ Сербіи ***).

До своего путешествія по Германіи, послѣ возвращенія изъ поѣздки въ Россію и Сербію въ 1820 г., Караджичъ издалъ *Народне српске приповѣстке*, какъ приложение къ 89, 90, 91, 95, 98 и 100 номерамъ Серб. Новинъ 1821 г. Въ предисловіи къ этому изданію,

*) Вуков одговор на лажи и опадање у Србскомѣ Улаку, стр. 14.

**) Лѣтоп. 120, стр. 139.

***) Даница за 1827, стр. 58.

Караджичъ заявляетъ, что онъ рѣшился „собрать все, что народъ Сербскій уже выдумалъ“.

Въ Вѣнѣ, въ Россіи, въ Германіи Караджичъ знакомился съ людьми науки. Это имѣло на даровитаго собирателя пѣсень и преданій сербскаго народа большое вліяніе. Нужно удивляться той воспріимчивости и силѣ соображенія, которую обнаруживалъ Караджичъ въ вопросахъ, на которые, казалось бы, нельзя было ждать отъ него отвѣта. Познакомившись съ Добровскимъ, который въ 1819 году пріѣхалъ въ Вѣну для напечатанія своихъ „Institutiones“, Караджичъ написалъ открытое письмо Димитрію Фрушичу *), въ которомъ удивляется филологической учености Добровскаго. Но это уваженіе къ ученому авторитету знаменитаго аббата не помѣшало Караджичу завести съ нимъ споръ о томъ, что составляетъ особенности Сербскаго языка. Букъ выразилъ мнѣніе, что Русскіе измѣнили или „испортили“ старый славянскій языкъ, напр. перемѣнивъ *е* на *я* въ словахъ *князь, имя, мя, ты, ся* и т. д. Но Добровскій доказывалъ Караджичу, ссылаясь на старыя рукописи, что и въ сербскихъ старыхъ книгахъ было *я*, а въ послѣдствіи сербы измѣнили его на *е* въ выговорѣ. Караджичъ не согласился съ Добровскимъ и въ письмѣ къ Фрушичу доказываетъ свое положеніе: „или русскіе перемѣнили *е* на *я*, или еще въ IX вѣкѣ было и то, и другое, т. е. въ сербо-славянскихъ книгахъ *е*, въ русско-славянскихъ *я*“ **). Доказательства, которыми

*) Прибавленіе къ № 68 и 69 Серб. Новинъ за 1821 г. Письмо Димитрію Фрушичу доктору медицине. У Вечу 19 Ноємбра 1819 г.

**) Ibidem, стр. 5.

поддерживаетъ свое мнѣніе Караджичъ, показываятъ, что онъ умѣлъ пользоваться прибрѣтенными имъ научными свѣдѣніями. Караджичъ замѣчаетъ, что до того времени, когда въ сербскихъ церквахъ стали читать по русскимъ книгамъ, во всѣхъ рукописныхъ старыхъ книгахъ, а также и въ старопечатныхъ сербскихъ изданіяхъ, слово *князь* и *клетва* писались согласно произношенію *кнезь* и *клетва*. Онъ думаетъ, что если бы были найдены сербскія рукописи раньше XIII в., то и тамъ онъ бы нашелъ доказательства, что въ сербо-славянскомъ языкѣ эти слова звучали *кнезь* и *клетва*. Тогда не было еще извѣстно значеніе юсовъ. Караджичъ интересовался рукописями и стариною. Въ этомъ же письмѣ онъ приводитъ отрывокъ изъ послѣсловія изборника Святослава, который онъ видѣлъ у А. *Θ. Малиновскаго во время своего пребыванія въ Москвѣ. Караджичъ доказывалъ своимъ сербскимъ читателямъ, что славянскій языкъ русскихъ церковныхъ книгъ подлежалъ сильнѣйшему вліянію русскаго языка, что для современниковъ Караджича было новостью.

Караджичъ принималъ почти постоянное участіе въ Сербскихъ Новинахъ Давидовича. Онъ въ нихъ напечаталъ разборъ романа Видаковича: „Любомиръ у Елісіуму“ вскорѣ послѣ выхода его изъ печати въ 1815 и 1817, а въ 1819 г. отозвался на объявленіе о печатаніи третьей части этого романа, подъ псевдонимомъ Новаковичъ Ненадъ. По мнѣнію историка сербской литературы *), это была первая сербская критика, достойная имени критики. Караджичъ

*) Историја Српске Књижевности. Новаковича. Стр. 262.

въ этой своей статьѣ показалъ всю ложь и неприродность въ сербской литературѣ романтизма и сентиментализма, отразившагося въ произведеніяхъ Видаковича. Всюду въ этой критикѣ былъ видѣнъ знатокъ своего народа и обычаевъ родной страны. Онъ вооружился всею силою своего слова противъ неправоильности языка всѣхъ произведеній Видаковича. Эта критика произвела такое впечатлѣніе на Видаковича, что, какъ извѣстно, онъ третью часть этого своего романа напечаталъ лишь въ 1823 г., спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ частей.

Нападенія на грамматику и словарь, особенно же на правописаніе, введенное Вукомъ, вызывало весьма часто Караджича на поле полемики со своими литературными непріятелями. Эти полемическія статьи печатались въ „Додаткѣ“ къ сербскимъ новинамъ: Одговор Штипкаловићу или Ранитовићу на његов одговор у додатку к 75 ч. Н. С. (додатакъ къ числу 79 Нов. Серб. 1821); одговор Іовану Ранитовићу, адвокату Штипкаловићеву (додатакъ № 63 и 64 Нов. Серб. 1821); неколико ријечи мојим овогодишњим рецензентима, а особито Благоју Штипкановићу и старцу Куцкалу (додатакъ къ № 49 и 50 Нов. Серб. 1821 г.). Всѣ эти полемическія статьи касаются преимущественно вопросовъ сербской орѳографіи и очистки сербскаго языка отъ руссизмовъ и славянизмовъ. Вукъ Караджичъ стоялъ на чисто народной почвѣ, между тѣмъ, какъ его противники выступали въ защиту славяно-сербскаго языка, какъ такого, который служить связью между всѣми православными славянами. Лукіанъ Мушицкій, привѣтствуя выходъ „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“ Добровскаго, выражаетъ въ одѣ свое пол-

ное убѣжденіе, что теперь уже осуществится единство языка у всѣхъ славянъ *).

Какъ возраженія и нападки на Караджича, такъ и его отвѣты печатались въ тѣхъ же Сербскихъ Новинахъ Давидовича, при чемъ редакторъ сохраняетъ всѣ особенности орфографіи и языка авторовъ. Печатавъ письмо и два стихотворенія, посланныя ему за подписью С. М. изъ Далмаціи, Давидовичъ сдѣлалъ замѣтку, что хотя они писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, правописаніе въ нихъ неодинаково, и такъ объясняется со своими читателями: „мы печатали съ дипломатическою точностью все, какъ написано. Дѣлать это мы обязаны и передъ писателемъ, и передъ читателемъ. Лишь такимъ способомъ наше правописаніе получить единство и твердость, когда всѣ станутъ нападать на его непостоянство“ **).

И дѣйствительно путь, указанный Давидовичемъ, былъ самый лучшій, чтобы практически показать всѣ преимущества правописанія, принятаго Вукомъ. Не только каждый авторъ сербской книги въ то время имѣлъ свое правописаніе, но часто одно и тоже лицо писало разнообразно одни и тѣ же слова. Караджичъ въ своемъ спорѣ съ Светичемъ привелъ изъ сочиненій этого своего противника достаточно много доказательствъ полной безсистемности его правописанія во всѣхъ отношеніяхъ. Иногда и самъ Вукъ Караджичъ выступалъ съ замѣтками о правописаніи, въ которыхъ дѣлалъ свои соображенія о тѣхъ или другихъ особенностяхъ сербскаго

*) Собраніе сочиненій Мушицкаго. Т. II, стр. 145—148. Подробнѣе объ этомъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. Августъ, мою статью о Лукіанѣ Мушицкомъ, стр. 259.

**) Примѣчаніе редакт. къ № 32 Нов. Серб. 1821 г.

выговора. Такъ для примѣра укажу на его замѣтку: додатакъ къ мнѣнію о писмены *ни* у нашимъ причастіямъ, въ которой онъ высказывается противъ удноенія какихъ бы то ни было согласныхъ звуковъ въ сербскомъ правописаніи. Эта замѣтка, какъ и многія его замѣтки того времени, подписана буквою В., и напечатана въ № 26 Сербскихъ Новинъ за 1818 г.

Возвратившись изъ Россіи, Вукъ въ 1819 году, по предложенію библейскаго общества въ Петербургѣ, принялся за переводъ Новаго Завѣта на сербскій языкъ. Этотъ трудъ Караджича былъ пересланъ имъ въ Петербургъ въ библейское общество, которое отдало его на просмотръ бывшему во времена Кара-Георгія Бѣлградскому митрополиту Леонтію, жившему въ то время въ Бессарабіи. Леонтій былъ родомъ грекъ и не зналъ по сербски настолько, чтобы судить о качествѣ перевода. Поэтому онъ передалъ его на просмотръ Аѳанасію Стойковичу, сербу, родомъ изъ Срема, бывшему профессоромъ физики въ харьковскомъ университетѣ и извѣстному нѣсколькими сочиненіями въ сербской и русской литературѣ. Стойковичъ нашелъ переводъ неправильнымъ, а языкъ вполнѣ неподходящимъ, такъ какъ самъ былъ сторонникомъ славяно-сербскаго языка въ сербской книгѣ. Вслѣдствіе полученнаго отъ библейскаго общества разрѣшенія, Стойковичъ *исправилъ* переводъ Караджича, вставивъ славяно-русскія выраженія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ находилъ это нужнымъ, и вообще совершенно видоизмѣнилъ переводъ, сдѣланный Вукомъ. Въ такомъ видѣ изданъ былъ сербскій переводъ Новаго Завѣта въ Петербургѣ въ 1824 году. Но вскорѣ было наложено

на него запрещеніе, и лишь самъ Стойковичъ успѣлъ раздать нѣсколько экземпляровъ своего труда разнымъ лицамъ. Впослѣдствіи, послѣ закрытія библейскаго общества въ Петербургѣ, этотъ переводъ былъ два раза изданъ въ Лейпцигѣ *). Караджичъ, узнавъ о судьбѣ своего перевода, напечаталъ въ Лейпцигѣ отрывокъ подъ заглавіемъ: Огledi svetoga писма 1824 г. Въ 1827 г. англійское общество уполномочило своего константинопольскаго агента (Leeves) войти въ договоръ съ Караджичемъ относительно его перевода Новаго Завѣта, предлагая ему за изданіе 500 фунт. стерл., но это дѣло не состоялось **). Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Вукъ Караджичъ издалъ свой переводъ Новаго Завѣта (1847 г.).

Значеніе и европейскую славу доставилъ Караджичу въ особенности нѣмецкій переводъ его грамматики, изданный Яковомъ Гриммомъ ***). Вукъ, защищаясь отъ обвиненій Светича, рассказываетъ исторію этого перевода. Отправляясь въ Германію и зная, что европейскіе ученые интересуются сербскимъ языкомъ и сербскими пѣснями, Вукъ просилъ Тироля, впослѣдствіи составившаго по Institutiones Добровскаго учебникъ славянской грамматики, перевести на нѣмецкій языкъ составленную имъ сербскую грамматику. Потомъ Караджичъ просилъ Фатера въ Галлѣ пересмотрѣть и поправить переводъ, сдѣлан-

*) Lupa—прибавленіе къ загребской нѣмецкой газетѣ № 98, 1847 г. сноску дѣлаю за неимѣніемъ Lupa по статьѣ Даничица В. Лазичу I., стр. 3., гдѣ переведена эта статья.

**) Handbuch einer Geschichte der Slavisch. Sprachen und Literatur. Leipzig 1852. Talvj. стр. 98.

***) Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Leipzig und Berlin 1824.

ный Тиролемъ и найти издателя для этой книги. Когда Фатеръ отказался, отговариваясь, что издатель рѣдко берутъ на свой счетъ изданія грамматикъ, Вукъ Караджичъ обратился съ тою же просьбою къ Якову Гримму, который охотно взялъ на себя трудъ по пересмору перевода и хлопоты по изданію. Издатель нашелся въ лицѣ Берлинскаго книгопродавца Георга Ремера *). Гриммъ присоединилъ къ грамматикѣ большое введение: *Ueber die neueste Auffassung langer Heldenlieder aus dem Munde des Volkes in Serbien*. Въ томъ же предисловіи напечатана и статья Фатера о сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, причемъ онѣ сравниваются съ пѣснями Гомера и Оссiana, а также и прозаическій переводъ пѣсни: женидба Максима Црноєвића.

Раньше появленія сербской грамматики Вука Караджича въ нѣмецкомъ переводѣ, появился 3-й томъ, пѣсенъ юнацкихъ. Караджичъ напечаталъ этотъ томъ равно какъ II и I, въ Лейпцигѣ, въ 1823 и 1824 г.

Во время своего путешествія по Германіи въ 1823 г., Вукъ Караджичъ получилъ отъ Іенскаго университета почетный дипломъ на степень доктора философіи **). Тогда же познакомился онъ съ переводчицей своего собранія пѣсенъ Тальфи, съ которою онъ въ послѣдствіи велъ переписку ***). По просьбѣ Караджича Милошъ Светичъ перевелъ пословно нѣсколько сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ, и этотъ переводъ

*) Вукъ одговор на Утук Светића 1843. стр. 25.

**) Срезневскій стр. 354.

***) Этотъ псевдонимъ г-жи Робинзонъ, жены Dr. Эдуарда Робинзона изъ Нью-Йорка, извѣстнаго своими изслѣдованіями о Палестинѣ, состоитъ изъ начальныхъ буквъ ея имени и фамиліи до замужества: *Teresa Amalien Leonora von Jakob*

Караджичъ переслалъ Тальфи*). Она, по указанію и совѣту Гете, сдѣлала стихотворный переводъ сербскихъ пѣсенъ, который и былъ изданъ въ двухъ томахъ въ Галле въ 1825—1826 г.

Этимъ начался рядъ переводовъ сербскихъ пѣсенъ на иностранные языки. Такъ въ 1827 году нѣмецкимъ переводомъ Тальфи воспользовался John Bowring, напечатавшій на англійскомъ языкѣ переводъ сербскихъ пѣсенъ, а въ 1828 году Гергардъ издалъ въ Лейпцигѣ сборникъ въ 2 томахъ Wila. Въ последнемъ изданіи принималъ живое участіе извѣстный сербскій писатель, пѣвецъ „Сербіанки“, Сима Милутиновичъ. Въ 1825 году онъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ былъ намѣренъ печатать это свое произведеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщать университетскія лекціи. Гергардъ, познакомившись съ нимъ, предложилъ ему вмѣстѣ заняться переводомъ сербскихъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ. Въ теченіе зимы 1826 года, большая часть избранныхъ пѣсенъ была переведена и въ 1828 году издана подъ заглавіемъ: Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmährchen. Но и раньше уже появлялись въ переводахъ нѣкоторые изъ сербскихъ пѣсенъ собранія Караджича. Такъ, въ 1816 году въ № 21 вѣнской Allgemeine Literaturzeitung былъ напечатанъ переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ изъ Вуковыхъ пѣснирицъ, а въ 1817 г. Вячеславъ Ганка издалъ чешскій переводъ многихъ сербскихъ пѣсенъ: Prostonarodní srbská Muza do čech přewedená od W. Hanky. Častka prwní.

Съ этого времени Вукъ Караджичъ становится знаменитостью въ Европѣ. Гете, Яковъ Гриммъ,

*) Вуков одговор на Угук Светића стр. 24.

Фатеръ, Ранке, Тальби, Торисонъ ведутъ съ нимъ переписку *). Изъ этихъ писемъ видно, какъ высоко они цѣнили Вука Караджича и его дѣятельность. Въ 1825 году онъ былъ избранъ въ члены Геттингенскаго ученаго общества, по представленію Якова Гримма **). Къ этому же времени относятся и занятія Караджича хирургіей, которую онъ сталъ изучать въ Лейпцигѣ.

Вукъ Караджичъ жилъ почти исключительно на счетъ подписки на свои изданія и потому часто нуждался въ средствахъ. Въ 1827 году онъ обратился съ просьбою о помощи къ Іовану Гавриловичу, который впослѣдствіи, во время регенства до совершеннолѣтія князя Милана, былъ однимъ изъ правителей Сербіи и всегда сочувствовалъ правописанію и реформѣ Караджича. Гавриловичъ прислалъ ему 300 флориновъ, которые Караджичъ возвратилъ ему лишь въ 1853 году ***). Вскорѣ однако матеріальное положеніе Караджича улучшилось: помощь на этотъ разъ пришла изъ Россіи. По представленію министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова Императоръ Николай назначилъ Караджичу пенсію въ 100 червонцевъ за „пользу славянской словесности“. Около этого же времени ему была оказана помощь и со стороны князя Милоша и черногорскаго владыки Петра I.

*) Нѣкоторые изъ этихъ писемъ напечатаны въ журналѣ Србадија за 1875 г. стр. 18—19, 42—43, 63—64, 86—88. Они переведены на русскій языкъ въ сборникѣ: „Родное Слово I томъ стр. 160 — 171 Письма Караджича къ Якову Гримму изданы профессоромъ Ягичемъ въ Archiv für slavische Philologie т. II, стр. 726—743.

**) Archiv. Ягича. Т. II, стр. 742.

***) Явор за 1877, стр. 351.

3.

Календари-альманахи Вука Караджича „Даница“ и его труды по исторіи Сербіи. Караджичъ-составитель законовъ для Сербіи. Его письмо князю Милошу. Поэзѣи Караджича въ Черногорію. Его сочиненіе о Черногоріи и Черногорцахъ. Книга „Правительствующій Совѣтъ Сербскій“.

Въ это время Вукъ Караджичъ обратилъ вниманіе на распространеніе свѣдѣній о Сербіи въ самомъ сербскомъ народѣ. Переиздавая свои труды, онъ уже не измѣнялъ системы, но лишь пополнялъ прежнія изданія, пользуясь новымъ матеріаломъ, который онъ такъ тщательно собиралъ всю жизнь. Теперь онъ вносилъ въ свои сочиненія историческія свѣдѣнія, по преимуществу о новѣйшихъ событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ и личное участіе, или о которыхъ онъ слышалъ отъ главныхъ дѣятелей времени Карагеоргія и Милоша, о лицахъ и дѣятеляхъ этой замѣчательной эпохи, которыхъ онъ зналъ и лично. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, сообщаемыя Вукомъ Караджичемъ, представляютъ надежный и интересный матеріалъ для историка Сербіи.

Мы сдѣлаемъ обзоръ сочиненій Караджича, относящихся къ исторіи Сербіи.

Въ сербской литературѣ того времени былъ въ употребленіи особый родъ альманаховъ-календарей, которые, при отсутствіи журналовъ и другихъ по временнымъ изданіямъ, отчасти ихъ замѣняли. Первымъ издателемъ такихъ альманаховъ-календарей былъ Дмитрій Давидовичъ, бывшій редакторомъ и издателемъ Сербскихъ Новинъ въ Вѣнѣ. Въ 1817 году онъ основалъ *Забавникъ*, котораго онъ издалъ

пять книгъ въ Вѣнѣ (1815, 1816, 1819, 1820 и 1821 гг.) и затѣмъ, послѣ переезда въ Сербію, еще 4 книги (1833—1836 гг.). Забавникъ Давидовича состоялъ по преимуществу изъ переводныхъ произведеній для легкаго чтенія, сантиментальныхъ повѣстей, анекдотовъ, моральныхъ поученій; содержаніе Забавника было лишено народнаго характера. Первый выпускъ сербской лѣтописи, изданный Георгіемъ Магарашевичемъ, въ 1825 году имѣлъ также форму альманаха-календаря. Въ 1826 году Вукъ Караджичъ издалъ первый выпускъ своего альманаха-календаря „Даница“.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ Давидовичъ своему Забавнику, придавъ Вукъ Караджичъ своей „Даницѣ“. Первый выпускъ Даницы вышелъ въ 1826 году и затѣмъ Караджичъ выпускалъ по маленькому томику Даницы въ 1827, 1828 (въ Вѣнѣ), 1829 (въ Будимѣ) и 1834 году (въ Вѣнѣ). Въ этомъ изданіи Караджичъ поставилъ своею задачею распространять свѣдѣнія о Сербіи и ея исторіи и разъяснять вопросы, касающіеся сербской грамматики и сербскаго языка.

Всѣ статьи, вошедшія въ составъ Даницъ, по своему содержанію могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: историческій и филологическій или лучше грамматическій.

Первый томъ этого календаря-альманаха или, какъ его называетъ самъ Караджичъ, „Забавника“ начинается статью подъ заглавіемъ: *Почетак описанија српски манастира*. Караджичъ хотѣлъ въ своей статьѣ описать всѣ сербскіе монастыри въ трехъ отношеніяхъ: мѣстность, въ которой находится монастырь, его исторію и опредѣлить время его построенія, остатки старины, сохранившіяся въ каждомъ изъ

этихъ монастырей: надписи, старыя рукописи, находящіяся въ монастыряхъ и т. д. Караджичъ описалъ лишь десять монастырей, но его описаніе можемъ назвать самымъ полнымъ изъ имѣющихся описаній сербскихъ монастырей.

Описывая монастыри Караджичъ по преимуществу обращалъ вниманіе на старыя литературныя памятники и записи. Въ монастырѣ Никольскомъ, находящемся въ округѣ рудницкомъ, на лѣвомъ берегу Моравы, Караджичъ первый замѣтилъ Никольское евангеліе и обратилъ вниманіе на начертаніе знака ѣ, такъ какъ вопросъ этотъ въ то время его очень интересовалъ *) Далѣе Караджичъ описываетъ монастыри *Јованью* и *Вазнесеііе*, въ то время уже опустѣвшіе, *Преображеніе*, въ которомъ онъ нашелъ нѣсколько рукописныхъ церковныхъ книгъ **). Затѣмъ идетъ краткое описаніе монастырей Благовѣщенія, Троицы, Введенія, Савинца и Вуяна, находящихся въ томъ же рудницкомъ округѣ.

Караджичъ, описывая эти монастыри, обращаетъ вниманіе не только на письменныя памятники, сохранившіеся въ нихъ, но и на народныя сказанія и на то, какъ коснулись ихъ новыя событія въ сербской жизни. Онъ записываетъ народныя преданія, относящіяся къ извѣстной мѣстности или къ извѣстной церкви ***). Караджичъ старается выставить па-

*) Даница, изд. 1826, стр. 15.

**) Г. Миличевичъ воспользовался описаніемъ этихъ монастырей и мѣстности, сдѣланнымъ Караджичемъ, въ Книжевина Србија. См. стр. 317

***) Напр. въ Даницѣ 1826 г. на стр. 34 переданъ слѣдующій разсказъ при описаніи монастыря Введенскаго вблизи Чачка. „Говорятъ, что этотъ монастырь строили святой Савва и его отецъ Симеонъ. Еще разсказываютъ, что какой-то ихъ слуга или приставъ останавливалъ

триотическую дѣятельность того или другаго лица, упомянутаго въ описаніи, какъ образецъ подражанія. Такъ онъ передаетъ разсказъ о томъ, какъ одинъ монахъ Никифоръ, возобновившій монастырь Преображеніе въ 1811 г., скопилъ много денегъ за похороны во время моровой язвы въ 1814 г. и вмѣсто того, чтобы идти въ Іерусалимъ, какъ часто дѣлали монахи въ это время и сдѣлаться „хаци“, рѣшилъ употребить собранныя имъ деньги на возобновленіе монастыря *Срътенскаго*. Вукъ Караджичъ очевидно и въ этомъ своемъ изданіи имѣлъ въ виду возбудить въ своихъ читателяхъ любовь къ родной старинѣ и указать путь для пожертвованій. Свое описаніе монастырей Рудницкаго округа Вукъ Караджичъ оканчиваетъ точнымъ снимкомъ одной надписи съ камня, находившагося въ селѣ „Дрвенглава“, теперь Марковицы *), въ которой сообщаются точныя данныя о смерти Стефана Высокаго.

1 Во второмъ томѣ Даницы (за 1827 г.) помѣщено очень интересное описаніе Сербіи: „Географическо-статистическо описаніе Србије“ (стр. 21 — 120). Тутъ Караджичъ сначала даетъ „описаніе земли“, при чемъ дѣлаетъ точное перечисленіе селъ Бѣлградскаго пашалыка, выписанное имъ въ Крагуевцѣ въ 1822 году изъ правительственнаго акта. Имена селъ въ Сербіи въ предѣлахъ, тогда бывшихъ еще подъ властью турокъ, онъ перечисляетъ въ Даницѣ за 1828 г. (стр. 222—234). Это было первое возможно-

всякую повозку съ камнями, ѣхавшую въ этихъ мѣстахъ, я бралъ по одному камню. Эти камни онъ собиралъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Чачакъ, и изъ нихъ построилъ церкви. А когда его спросили: что ты тутъ дѣлаешь, онъ отвѣтилъ: его чачкамъ нешто* (—вынимаю, беру). И отсюда-то и имя города Чачакъ*.

*) Даница за 1827, стр. 87.

полное описаніе Сербіи со стороны природы этой страны. Вторая часть описанія занята главою: *описаније народа*. Въ ней Караджичъ даетъ понятіе о старой исторіи Сербіи, турецкомъ господствѣ, гайдукахъ, кнезахъ и кметахъ; описываетъ домашнюю жизнь сербовъ, говоритъ о религіи и школахъ. Многія свѣдѣнія, сообщенныя въ этой части описанія Сербіи, вошли за тѣмъ во второе изданіе словаря. Иногда Караджичъ тутъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія для новой исторіи Сербіи. Рассказывая о греческихъ епископахъ и митрополитахъ, иго которыхъ надъ сербскимъ народомъ было не легче ига турецкаго, Караджичъ сообщаетъ для примѣра, какимъ образомъ одинъ греческій священникъ сдѣлался митрополитомъ Бѣлградскимъ въ 1813 году. Онъ, выманивъ обманомъ деньги у сербскихъ торговцевъ, сначала былъ пандуромъ у Реджепа-паши въ Ада-Кале, послѣ былъ надсмотрщикомъ надъ соленою торговлею, которую велъ этотъ паша съ Босніей. Въ награду за свою усердную службу турецкому пашѣ, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ и „хуже грабилъ священство, нежели дѣлали это турки“. Въ 1815 г., когда возстали сербы подъ Милошемъ, онъ убѣжалъ въ Боснію и послѣ чрезъ Сремъ и Банатъ отправился въ Константинополь. Караджичъ говоритъ о недостаткѣ образованія сербскаго духовенства, виною котораго были греческіе епископы. Описаніе обычаевъ и нравовъ у Караджича и теперь можетъ дать весьма много интересныхъ свѣдѣній для этнографа. Караджичъ въ это время занимался составленіемъ карты Сербіи, которую однако не издалъ *).

*) Сѣсор. Muzea král. česk. за 1873, стр. 406. Шафарикъ пишетъ

Что касается исторических статей, вошедших въ составъ Даницъ, то всѣ онѣ относятся къ новой исторіи Сербіи. Между біографіями виднѣйшихъ дѣятелей сербской борьбы противъ турокъ въ началѣ текущаго столѣтія, особенно интересно „житіе Ајдук-Велька Петровића“, этого сербскаго Ахиллеса, достойнаго Гомеровскихъ пѣсень, помѣщенное въ Даницѣ за 1826 г. *). Въ 1829 г. Караджичъ помѣстилъ жизнеописанія нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей и героевъ сербскихъ: архимандрита Стефана Јовановича, архимандрита Хаджи-Рувима, Станка Арамбашича, Радича Петровича, Ђедора Бойковича, Милоя Петровича и Милоша Стойчевича, но всѣ эти жизнеописанія лишь краткія характеристики этихъ участниковъ первой борьбы сербовъ за освобожденіе. Въ нихъ Караджичъ рассказываетъ очень живо нѣсколько главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни описываемыхъ имъ лицъ и въ немногихъ словахъ характеризуетъ каждаго. По своему обычаю, Караджичъ часто передаетъ ихъ слова или разговоры. Это былъ любимый способъ изложенія Караджича, отчего оно было чрезвычайно живо и получало особенный интересъ. Иногда живой анекдотъ, переданный при томъ Караджичемъ въ діалогической формѣ, вполне ясно рисуетъ эпоху и отношенія лицъ и сербовъ къ туркамъ.

Изъ всѣхъ этихъ *житій* особенною полнотою и живостью изложенія отличается житіе гайдуга Велька. Впослѣдствіи Вукъ Караджичъ задумалъ продолжать свои описанія *житій* сербскихъ юнаковъ вре-

въ 1825 г. Коллару: Vuk mi piše, že právě nyní dáva řezati novú mapu Serbie.

* Стр. 70—94.

мень Карагеоргія и Милоша. Въ книгѣ „Правительствующій Совѣтъ Сербскій“, изданной имъ въ 1860 году, онъ помѣстилъ краткія біографіи Миленка Стойковича, Петра Ѳеодоровича Добрица и Ивана Юговича *), основателя „великой школы“ въ Сербіи, какъ тогда называлось училище, въ которомъ преподавалось немного больше, чѣмъ письмо и чтеніе по часослову и псалтирю. И въ этихъ „житіяхъ“ Караджичъ сохранилъ тотъ же анекдотическій характеръ, что давало ему возможность охарактеризовать въ живыхъ образахъ нравы и понятія того времени. Рассказывая о побѣдѣ сербовъ надъ турками подъ Бѣлградомъ въ 1807 г. Караджичъ, напр. вставляетъ слѣдующее описаніе: Сербы тогда перерѣзали много турокъ, и въ Бѣлградѣ осталось много вдовъ и дѣтей безъ нуска хлѣба. Чтобы избавиться отъ нищихъ и голодныхъ, побѣдители нагрузили ими двѣ лодки, которыя и пустили по Дунаю въ сторону Турціи. Когда эти лодки подошли къ Дунайскому острову Поречу, Миленко Стойковичъ, одинъ изъ воеводъ Карагеоргіевыхъ, жившій на томъ островѣ, который имъ же былъ очищенъ отъ турокъ, остановилъ лодки, выбралъ болѣе красивыхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣвочекъ и взялъ къ себѣ, — „и такимъ образомъ устроилъ цѣлый гаремъ“.

Когда умерла у него жена, онъ женился на одной богатой вдовѣ, обѣщавъ распустить гаремъ, но обѣщанія своего не исполнилъ и продолжалъ держать всѣхъ этихъ турчанокъ при себѣ. Этихъ турчанокъ онъ возилъ съ собою, а тѣхъ изъ нихъ, „которыя онъ насытился“, онъ отдавалъ замужъ за своихъ слугъ или дарилъ кому-нибудь.

*) стр. 71—92.

Этотъ разсказъ о гаремѣ одного изъ виднѣйшихъ воеводъ временъ Кара-Георгія даетъ понятие о тѣхъ отношеніяхъ, которыя устанавливались тогда между побѣдителями, такъ долго ждавшими побѣды и свободы отъ своихъ вѣковыхъ угнетателей, и побѣжденными турками.

Примѣръ турокъ, ихъ насилія, отсутствіе образованнаго духовенства, — можно сказать болѣе — развращающее вліяніе фанариотскаго высшаго духовенства, все это естественно должно было отразиться на нравственности народа, который лишь тогда получалъ возможность развиваться самостоятельно и войти въ кругъ цивилизованныхъ народовъ Европы. Извѣстно, что многіе сербскіе воеводы того времени предавались такому же разгулу страстей, какъ и турецкіе паши, и что однимъ изъ обвиненій, взведенныхъ на князя Милоша, было то, что онъ становился первымъ нарушителемъ чистоты семейной жизни. Караджичъ старается вполнѣ объективно изобразить эту замѣчательную эпоху политическаго возрожденія сербскаго народа и дать портреты ея главныхъ дѣятелей.

Затѣмъ въ Даницѣ за 1828 годъ Караджичъ помѣстилъ большую статью (136—221): „Прва година српскога војевања на даије“, которую продолжилъ въ Даницѣ за 1834 годъ подъ заглавіемъ: „Друга година српскога војевања на даије“. Въ этомъ описаніи начала сербской борьбы за независимость, которое извѣстно подъ именемъ *войны противъ даицевъ*, Караджичъ описываетъ событія по разсказамъ и свидѣтельствамъ очевидцевъ *). Онъ показалъ и

*) За этими статьями Н. А. Поповъ въ своей „Россія и Сербія“ признаетъ неполноту и односторонность разсказа. (Т. I, стр. 480, прим. 23).

въ этихъ статьяхъ блестящій талантъ рассказчика, но вслѣдствіе этого его изложеніе не можетъ быть названо полнымъ и всестороннимъ описаніемъ событій, столь важныхъ по своимъ послѣдствіямъ. За то литературная сторона этихъ историческихъ сочиненій Караджича лишь выигрываетъ отъ живости его рассказа. Какъ мы прежде уже упомянули, Караджичъ любилъ прибѣгать къ діалогической формѣ рассказа, и потому весьма часто онъ приводитъ разговоры и рѣчи тѣхъ или другихъ лицъ, а иногда влагаетъ въ уста турокъ и сербовъ вообще тѣ или другія бесѣды. Этотъ характеръ изложенія придаетъ всему рассказу Вука Караджича о войнѣ противъ дахіевъ эпическій тонъ. Для примѣра этого весьма типичнаго изложенія Караджича возьмемъ одинъ эпизодъ.

„Когда Яковъ Ненадовичъ, одинъ изъ вождей возстанія противъ дахіевъ, желая отомстить за смерть своего брата Алексы, убитаго Мемедъ-агою Фочичемъ въ Вальевѣ, двинулся на Шабаци, въ которомъ жилъ Мусъ-ага Фочичъ, братъ Мемеда, убѣжавшаго въ Бѣлградъ,—испуганный Мусъ-ага пишетъ письмо Али-бегу Видаичу въ Зворникъ, что райя усилилась и возстала, и чтобы потому онъ послалъ имъ помощь, какъ и они ему посылали, въ прошедшемъ году противъ боснійскихъ беговъ и спречанъ (Спреча—мѣстность въ Босніи). Какъ только къ Али-бегу пришло это письмо, онъ тотчасъ призвалъ своихъ субашей и собралъ еще нѣсколько сотенъ другихъ турокъ изъ Зворника и паланокъ зворницкой нахіи, и, перешедши въ Лозницу, взялъ еще нѣсколько сотенъ сербовъ изъ Ядра,—а затѣмъ отправился въ Вальевскую нахію. Его субаши и всѣ остальные

турки теперь въ первый разъ шли на сербовъ, словно на свадьбу отправлялись. Сеидинъ, Рунянской субаша, говорилъ въ Лозницѣ при отправленіи: „вѣдь это тѣ влахи, которыхъ я встрѣчалъ по двадцати на коняхъ и подъ оружіемъ, когда они ведутъ невѣсту, а какъ только меня завидятъ, они всѣ слѣзаютъ съ коней, и закрываютъ пистолеты и ножи своими верхними платьями! Я одинъ ударю на пятьдесятъ“. А Мешанъ Авдурамановичъ, торговецъ скотомъ, отвѣчаетъ ему: „да, другъ мой, я ударю на двадцать пять“. А другіе радовались и разговаривали, какъ всякій изъ нихъ пригонитъ къ себѣ сѣрыхъ коровушекъ изъ Тамнавы и изъ Посавины или привезетъ домой много котловъ и всякой другой добычи, какъ прошлой осенью изъ Спреди.—И вотъ вслѣдствіе подобныхъ разговоровъ пошли многіе, которыхъ никто и не звалъ. Пришли къ Вальеву, а Вальево на половину опустѣло: турки убѣжали съ женами и дѣтьми въ Боснію, — бунтъ же перешелъ въ нахію Шабаккую. Тогда турки стали говорить Али-бегу: „идемъ на влаховъ, а влаховъ ведемъ съ собою. Если теперь гдѣ нибудь вступимъ въ бой, мы не будемъ знать, отъ кого намъ слѣдуетъ защищаться: отъ тѣхъ ли, на которыхъ идемъ, или отъ тѣхъ, съ которыми идемъ, ибо влахъ—все таки влахъ; но оставимъ всѣхъ нашихъ (влаховъ) здѣсь, пусть стерегутъ Вальево“. И затѣмъ они сказали ядранамъ: „Райя! чего вы пойдете съ нами и чего вамъ мучиться? останьтесь-ка здѣсь и стерегите Вальево, чтобы не напали гайдуки и не сожгли его; а мы пойдемъ къ Шабцу“. На это всѣ ядрани громко закричали: „не станемъ мы сами, безъ васъ, стеречь Вальево! Мы съ вами

пошли, съ вами хотимъ идти дальше, куда вы пойдете, а въ тылу мы не хотимъ нигдѣ оставаться одни. Какъ станемъ мы тутъ сторожить чужіе дома, а гайдуки перейдутъ черезъ Церъ, да сожгутъ наши?" Тогда имъ Али-бегъ сказалъ: „Ну хорошо! если не хотите, — возвращайтесь назадъ и ступайте по домамъ“. Ядрене этого лишь и ждали и вернулись назадъ, а онъ съ турками отправился въ Шабакъ“.

Такой тонъ разсказа отличаетъ по преимуществу статьи Караджича о войнѣ сербовъ съ дахіями. Какъ историческій матеріалъ, эти двѣ статьи Караджича о началѣ возстанія сербовъ противъ турокъ, представляютъ немаловажный интересъ для историка. Если съ одной стороны по своей формѣ и тону изложенія они походятъ на мемуары, то съ другой—какъ произведеніе челоѣка, дѣйствительно даровитаго и знатока своего народа и своей новой исторіи, онѣ даютъ отличную характеристику тому времени новой сербской исторіи, когда въ средѣ угнетеннаго и измученнаго рабствомъ народа являются люди, неуступающіе по силѣ характера замѣчательнѣйшимъ героямъ всемірной исторіи,—люди, создавшіе нынѣшнее княжество сербское среди необычайно трудныхъ обстоятельствъ. Эпическій тонъ разсказа придаетъ привлекательность этому описанію войны противъ дахіевъ, а эпизоды и характеристика отдѣльных лицъ даютъ матеріалъ для сужденія о всей этой эпохѣ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что односторонность и неполнота разсказа выкупаются живостью и естественностью изложенія, которыя даютъ всему этому произведенію пера Караджича особенное значеніе и быть

можетъ, лучше освѣщаютъ эпоху, чѣмъ записки другихъ современниковъ, какъ Матвѣя Ненадовича и др.

Почти одновременно со вторымъ томомъ Даницы Караджичъ напечаталъ: Житије Ђорђија Арсениевича Емануела (въ Будимѣ. 1827 г.). Русскій генераль Емануэль, герой отечественной войны 1812 года, принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ и бояхъ до взятія Парижа союзниками. Онъ былъ родомъ изъ Вршца въ Банатѣ, сербъ по народности.

Когда въ половинѣ прошлаго столѣтія подъ предводительствомъ сначала Ивана Хорвата и Петра Текели, а затѣмъ Ивана Шевича и Райка Прерадовича въ южную Россію переселилось много сербскихъ семействъ изъ Австріи, гдѣ въ то время правительство покровительствовало уніаченію сербовъ, Россія сдѣлалась для сербовъ страной, въ которой многіе изъ нихъ искали возможности приложить къ дѣлу свои способности и свои знанія, вынесенныя изъ университетовъ Западной Европы. Особенно много сербовъ было въ русскихъ войскахъ, въ которыхъ иные изъ нихъ достигали высшихъ званій, какъ Петръ Текели, Зоричъ, Емануэль и мн. др. Но не только для военныхъ людей Россія представляла возможность выдвинуться: къ братскому народу спѣшили со своими знаніями и ученые сербы, дѣятели на полѣ педагогіи и науки. Имена Янковича Мирьевскаго, дѣйствовавшаго при Екатеринѣ II на полѣ русскаго школьнаго дѣла и ревностно помогавшаго Вецкому, Терлаича, Стойковича, бывшихъ профессорами университетовъ въ Россіи, и другихъ сербовъ, которымъ не представлялась возможность дѣйствовать на родинѣ, заслу-

живають почитенія и доброй памяти со стороны русскаго просвѣщенія и русской науки. Живая связь между сербами и русскими, поддерживаемая русскою политикою и русскими войсками, имѣвшими рѣшительное вліяніе на созданіе сербскаго княжества, отражалась и на сербской литературѣ. Не было, можно сказать, ни одного сербскаго изданія, въ которомъ не было бы видно слѣдовъ знакомства съ русскою литературою и русскимъ языкомъ. Лѣтопись Матицы сербской, основанная въ 1825 году, въ каждомъ своемъ выпускѣ приносила вѣсти и критическія замѣчанія о разныхъ новостяхъ въ русской литературѣ. Терлаичъ и Стойковичъ печатали свои книги по русски и по сербски, а нѣкоторыя ихъ произведенія на русскомъ языкѣ находили свое мѣсто на страницахъ сербскихъ изданій. Такъ, рѣчь Григорія Терлаича, профессора „всемирныя“ исторіи, произнесенная имъ при открытіи Педагогическаго Института въ Петербургѣ 3 января 1804, въ подлинникѣ напечатана въ Лѣтописи Сербской *). Сербскій патріотизмъ находилъ совершенно справедливо особенное удовольствіе въ томъ, что между сербами были многіе дѣятели науки и литературы у русскаго народа, и потому рождающаяся сербская литература заботливо хотѣла сохранить всѣ воспоминанія о людяхъ, прославившихъ въ Россіи сербское имя. Въ Лѣтописи за первые годы ея существованія появляются письма Терлаича, Стойковича, печатаются краткія біографіи различныхъ сербовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ Россіи. Уже въ 1826 г. мы находимъ въ Лѣтописи „біографическія черты Θεодора

*) Часть 4 за 1827 г., стр. 41—62.

Янковича отъ Миріево“, а въ слѣдующемъ году Вукъ Караджичъ напечаталъ въ Будимѣ свою книгу: Житіе Емануела.

Вукъ Караджичъ въ этомъ случаѣ руководствовался общимъ желаніемъ того времени: показать, что и изъ среды сербскаго народа выходили люди, прославившіеся въ наукѣ и въ военномъ дѣлѣ. Этотъ трудъ Вука былъ встрѣченъ похвалою въ Сербской Лѣтописи, единственномъ повременномъ изданіи въ сербской литературѣ того времени *).

Караджичъ въ краткихъ словахъ изложилъ сначала свѣдѣнія о происхожденіи генерала Эмануэля и объ его служебной дѣятельности въ качествѣ австрійскаго офицера, а затѣмъ описываетъ его дѣятельность, какъ русскаго воина. Вукъ Караджичъ въ этомъ своемъ сочиненіи держится по преимуществу формальнаго порядка; онъ старательно перечисляетъ всѣ битвы и сраженія, въ которыхъ отличился этотъ герой отечественной войны, а также и тѣ награды, которыя онъ получалъ за свои подвиги.

Задача, принятая на себя Вукомъ Караджичемъ, была очевидно ему не по силамъ, и сухость изложенія не дѣлаетъ этотъ его трудъ интереснымъ. Жизнь русскаго генерала мало представляла эпическаго матеріала для Караджича, который лишь въ томъ случаѣ, когда приходилось описывать понятную ему жизнь и дѣятельность сербскихъ юнаковъ, умѣлъ дать своему перу художественность. Въ этомъ сочиненіи Караджичъ прежде всего сербъ-патріотъ, гордый славою русскаго генерала, серба по проис-

*) Сербске Лѣтописи за 1827 г. ч. 9, стр. 179—182.

хожденію, и берегущій эту славу. Онъ не могъ не остановиться подробнѣе на разсказѣ о томъ, какъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ генераль Эмануэль взялъ въ плѣнъ Лористона и представилъ своего плѣнника Александру I. „Блюхеру и тогда, и послѣ было очень непріятно, что Лористонъ не былъ прежде представленъ ему, чтобы онъ, какъ главнокомандующій этой арміи, представилъ его царю“, замѣчаетъ Караджичъ и въ этомъ видитъ причину того, „что Блюхеръ выпустилъ изъ своей реляціи этотъ важный и достойный памяти случай, и что до сихъ поръ онъ не описанъ и не разъясненъ, какъ слѣдуетъ“ *). Біографія Эмануэля принадлежитъ къ болѣе слабымъ произведеніямъ Вука Караджича, талантъ котораго искалъ матеріала въ описаніи иной жизни, иной дѣятельности, чѣмъ жизнь одного изъ генераловъ русской арміи.

Иное значеніе имѣетъ описаніе жизни князя Милоша, вышедшее сначала по русски въ Петербургѣ въ 1825 подъ заглавіемъ: Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, а затѣмъ въ 1828 г. оно появилось въ Будимѣ въ пополненномъ видѣ и по сербски: „Милош Обреновић, князь Сербіи; или графа за Српску Историју нашега времена“.

Русское изданіе этого труда Караджича представляетъ переводъ, сдѣланный съ нѣмецкаго перевода біографіи князя Милоша, написанной Вукомъ Караджичемъ. Переводъ этотъ сдѣланъ Михаиломъ Германомъ, которому рукопись попала въ руки въ Петербургѣ „особеннымъ образомъ“, по свидѣтельству самого Вука Караджича **).

*) Житіе Георгія Арсеньевича Эмануэля стр. 54.

**) Вуков одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку, стр. 33.

князя Милоша предпослано введеніе, въ которомъ въ самыхъ краткихъ словахъ дается понятіе о старой сербской исторіи и сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Кара-Георгія. Когда появилась краткая рецензія этого труда Караджича въ Библиографическихъ Листахъ (№ 27) Кеппена, Лѣтопись сербская поспѣшила перепечатать ее и задала вопросъ Вуку Караджичу, почему онъ не напечаталъ своего труда по сербски. *). Вукъ отвѣтилъ на этотъ вызовъ объявленіемъ, что онъ вскорѣ приступитъ къ печатанію этого сочиненія по сербски. Георгій Магарашевичъ, бывшій въ это время редакторомъ лѣтописи, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы Вукъ Караджичъ пополнилъ свое сочиненіе изложеніемъ событій въ Сербіи съ 1821 по 1827 годъ и чтобы авторъ обратилъ болѣе вниманіе на изображеніе „бѣдъ, подвиговъ и геройства народа“, заслужившаго уваженіе всей христіанской Европы **).

Вслѣдъ за этимъ вышла книга: „Милош Обреновић или графа за српску Историју нашега времена“, которая отличается отъ русскаго изданія тѣмъ, что согласно съ желаніями, выраженными въ лѣтописи, описанія событій продолжены до 1827 года, а біографіи князя Милоша предшествуетъ изложеніе главныхъ событій съ того времени, на которомъ остановился Раичъ въ своей „Исторіи славенскихъ народовъ“, т. е. со времени уничтоженія сербскаго патриаршества въ 1765 г. Турками по интригамъ Грековъ. Караджичъ при этомъ ссылается на свою статью въ „Даницѣ“ 1827 г., въ которой онъ опи-

*) Лѣтоп. Мат. Серб. Ч. 9, стр. 170.

**) Лѣтоп. Мат. Серб. Ч. 11, стр. 157.

салъ положеніе Сербовъ до возстанія Кара-Георгія и войны противъ дахіевъ.

Какъ русское, такъ и сербское изданіе въ сущности представляетъ одно и тоже въ главной своей части, въ жизнеописаніи князя Милоша. Впослѣдствіи отвѣчая на нападки Светича, будто онъ хотѣлъ возвысить князя Милоша насчетъ Кара-Георгія и умалить значеніе Кара-Георгія *), Караджичъ благородно замѣчаетъ: „плохи тѣ друзья Кара-георгиевы, которые думаютъ, что Кара-Георгія нельзя хвалить, не осуждая Милоша, какъ и Милошевы, которые думаютъ, что нельзя хвалить Милоша, не обвиняя Кара-Георгія“ **). И дѣйствительно Вукъ Караджичъ старался въ своемъ жизнеописаніи Милоша держаться объективнаго изложенія, на сколько это ему было возможно, если принять во вниманіе уже устанавливающіяся дружескія связи между нимъ и княземъ Сербіи, устроителемъ своей страны. Караджичъ рассказывалъ въ немъ о событіяхъ изъ жизни Милоша, какъ предводителя сербовъ во второмъ ихъ возстаніи. Онъ его изобразилъ не только какъ героя и сербскаго юнака, но и какъ мудраго политика, умѣвшаго угадать планы Турокъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ и рассчитать средства защиты и выгоды уступокъ. Князь Милошъ въ описаніи Караджича—народный герой, у котораго лишь одна цѣль: благо народа, во главѣ котораго онъ сталъ на защиту народныхъ правъ на свободу и жизнь. Этотъ характеръ жизнеописанія князя Милоша придаетъ конечно односторонность самой книгѣ.

*) Сербскій Улакъ, № 5, стр. 20.

**) Вуков одговор на лажи и т. д., стр. 31.

Живое лицо этого гениальнаго челоѣка скрывается за фактами, важными въ исторіи Сербіи, и въ біографіи, написанной Караджичемъ, мы не находимъ изображенія Милоша, какъ челоѣка и семьянина. Вѣроятно въ виду тогда начавшихъ раздаваться жалобъ на самоволіе и жестокость мѣръ, принимаемыхъ Милошемъ для уничтоженія своихъ противниковъ и усиленія своей власти, а также намѣреній Милоша добиться признанія княжескаго достоинства для своего рода и наслѣдственности его династіи на престолѣ Сербіи, Караджичъ старается представить князя Милоша умнымъ правителемъ, который хотѣлъ „господствовать надъ людьми, преимущественно посредствомъ кротости, благоразумія и справедливости“ и тѣмъ отличался отъ многихъ другихъ, которые „вліяніемъ страха и ужаса старались одерживать верхъ“ *). Эта тенденція, проведенная въ книгѣ Караджича, не дозволила ему указать и тѣ случаи изъ жизни Милоша, когда онъ нисколько не отличался отъ тѣхъ, которые „вліяніемъ страха и ужаса старались одерживать верхъ“. Мѣры суровыя, принимаемыя княземъ Милошемъ, правда, находили свое оправданіе въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ приходилось ему дѣйствовать, но біографъ князя Милоша, при его жизни, могъ считать неудобнымъ повѣствованіе о нихъ. Это сочиненіе Караджича важно по тѣмъ фактамъ, которые изложены въ немъ съ достаточною ясностью и полнотою, и потому имъ пользовались почти всѣ главнѣйшіе историки и описатели Сербіи. Эта же книга легла въ основу извѣст-

*) Русское изд. стр. 8 и 9. Сербское изд. стр. 50.

наго сочиненія Ранке о „Сербской революціи“. Главная разница между русскимъ и сербскимъ изданіемъ жизнеописанія князя Милоша заключается въ томъ, что русское отличается характеромъ легитимности. Эта легитимность, которою Караджичъ хотѣлъ оградить Сербовъ отъ обвиненія въ бунтѣ, зависѣла впрочемъ и отъ положенія русской печати въ 1825 году.

Караджичъ является талантливымъ расказщикомъ, который умѣлой кистью рисуеъ читателю картину за картиной тогдашнихъ страданій сербскаго народа. Въ уста отдѣльныхъ лицъ, а иногда и „народа“ Караджичъ влагаеъ рѣчи, отчего его изложеніе отличается живостью. Художественность и живость картинъ и изложенія дѣлають это сочиненіе однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сербскихъ произведеній этой эпохи.

Къ этому времени жизни и дѣятельности Вука Караджича относится и его знакомство съ Леопольдомъ Ранке, который пріѣзжалъ въ Вѣну на нѣкоторое время въ 1828 г. Ранке разспрашивалъ его о Сербіи и, по свидѣтельству Срезневскаго *), почти ежедневно сходилъ съ нимъ. Караджичъ разсказывалъ ему о Сербіи, ея нравахъ и событіяхъ, создавшихъ сербское княжество. Сверхъ того онъ передалъ ему нѣсколько сербскихъ документовъ, которыми и воспользовался Ранке для книги, имъ тогда задуманной. Въ 1829 году онъ напечаталъ въ Гамбургѣ сочиненіе которому далъ слѣдующее заглавіе: „Die Serbische Revolution, aus Serbischen Papieren und Mittheilungen“.

*) Братская Помощь, стр. 353.

Ранке въ своемъ трудѣ „Serbien und die Türkei“ *), упоминая о томъ, что въ основу его перваго сочиненія о Сербіи легли рассказы Вука, замѣчаетъ, что всякое слово въ этомъ трудѣ подтверждалъ Вукъ свидѣтелями очевидцами, такъ что этимъ достигалась полная достовѣрность. Ранке ставитъ въ заслугу Караджичу и собираніе матеріаловъ, какъ для перваго, такъ и для втораго изданія своей книги. Съ этихъ поръ завязались дружескія связи между Караджичемъ и Ранке. Ранке говоритъ, что лишь *составленіе* **) книги принадлежитъ ему, а потому онъ послалъ Вуку половину вырученныхъ книгопродавцемъ денегъ отъ продажи его книги. Въ 1830 году, когда Вукъ Караджичъ былъ въ Бѣлградѣ, Ранке пишетъ ему изъ Рима ***), вспоминая время, проведенное ими въ Вѣнѣ, и проситъ, чтобы Вукъ описалъ для него, „если возможно, по нѣмецки“ событія послѣ 1827 г. Въ 1833 году Ранке убѣждаетъ Караджича въ своемъ письмѣ описать боснійскія дѣла, тогда привлекшія къ себѣ вниманіе Европы ****). Какъ извѣстно, въ 1831 году во всей Босніи вспыхнуло возстаніе, подъ предводительствомъ Гуссейна-капитана, прозваннаго Боснійскимъ змѣемъ. Это движеніе въ Босніи навело Ранке на мысль посовѣтовать Вуку написать рядъ статей о Босніи, которыя Ранке хотѣлъ самъ напечатать въ журналѣ. Онъ, зная стѣсненное матеріальное положеніе Вука, обѣщалъ доставить ему гонораръ, вдвое

*) *Serbien und die Türkei in neunzehnten Jahrhundert*, von Leopold von Ranke. Leipzig. 1879.

**) *Ibidem*: Die Fassung blieb mir überlassen. Стр. V.

***) Србадија 1875, стр. 43.

****) *Ibidem*.

большій, чѣмъ былъ полученъ за „die Serbische Revolution“. И вотъ въ 1834 г. является статья въ Historisch Politische Zeitschrift (2-te Lieferung) подъ заглавіемъ: „Ueber die letzten Unruhen in Bosnien“ *).

Такимъ образомъ, при посредствѣ Вука Караджича, свѣдѣнія въ Германіи о Сербіи и Босніи распространились, что Вукъ Караджичъ съ полнымъ правомъ ставилъ себѣ въ заслугу. Когда Светичъ въ Сербскомъ Улагѣ, нападая на Караджича, между прочимъ замѣтилъ, что Вукъ „свое пристрастіе (къ князю Милошу) прикрылъ авторитетомъ знаменитаго историка Леопольда Ранке“, и что онъ своими неосновательными сообщеніями обманывалъ ученыхъ людей и остальной свѣтъ **), Вукъ Караджичъ такъ отвѣчаетъ на эту злобную выходку приверженца Карагеоргиевича: „когда я въ Даницахъ за 1828 и 1834 годъ писалъ о началѣ бунта противъ дахіевъ, не было мнѣ дѣла до того, чтобы кого нибудь высить или унижить, не думалъ я ни о какой наградѣ, кромѣ радости, что пріобрѣту заслугу у народа; и поѣтому-то я писалъ, согласно съ тѣмъ, что слышалъ и что провѣрилъ распросами. Въ сочиненіи же *Сербской Революціи* вмѣстѣ съ г. Леопольдомъ Ранке, равно какъ и многихъ другихъ моихъ произведеній, у меня было лишь единое намѣреніе—*познакомить Европу съ нашимъ народомъ*,—говоря прямо: *польза и слава народа нашего*; и если бы по какому нибудь счастью сербское правительство назначило комиссію изъ безпристрастныхъ и въ этомъ дѣлѣ

*) Эта статья напечатана вновь въ Serbien und Türkei—Ranke, стр. 283—327 подъ заглавіемъ: Bosnien in seinem Verhältniss zu den Reformen des Sultans Mahmud II.

**) Сербскій Улагъ, за 1843, стр. 19.

знающихъ людей, чтобы они пересмотрѣли эту книгу, я вполне надѣюсь, что оказалось бы, что я и Ранке ею заслужили *награду отъ сербскаго народа*, кто бы ни былъ его государемъ“ *).

И такъ Вукъ Караджичъ заботился о томъ, чтобы слава и имя Сербскаго народа, такъ недавно совершенно неизвѣстнаго въ Европѣ, забытаго въ теченіе столѣтій, приобрѣли сочувствіе къ новому создававшемуся княжеству. Въ этомъ отношеніи Вукъ Караджичъ сдѣлалъ едва ли не больше, чѣмъ кто нибудь другой изъ писателей сербскихъ до и послѣ него.

Исторія сербской революціи, написанная Ранке, сдѣлала свое дѣло, и въ слѣдъ за нею появились труды Поссарта, Тала, Рихтера, Ами Буэ и др., ознакомившіе Европу съ Сербіей. Что касается Поссарта, то его трудъ *Das Leben des Fürsten Milosch* (1828 г.) представляетъ переводъ книги Караджича. Ами Вуэ также пользовался или сочиненіями, или рассказами **) Вука Караджича для своего большаго сочиненія о Турціи, хотя онъ самъ объ этомъ не упоминаетъ.

Такимъ образомъ на историческія произведенія Вука Караджича можно смотрѣть, какъ на начало извѣстности самаго сербскаго народа въ Европѣ, которая до Караджича весьма мало насчитывала сочиненій, въ которыхъ бы говорилось о Сербіи и Сербскомъ народѣ. Ранке внесъ въ исторію Сербской революціи, написанной по рассказамъ Караджича, „широкій историческій взглядъ“,—но художе-

*) Одговор на лажи и т. д., стр. 25—26.

**) Срезнев., стр. 353.

ственность разсказа Ранке принадлежит Вуку Караджичу *). Что касается языка всѣхъ историческихъ трудовъ Караджича, то онъ можетъ быть названъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это совершенно оригинальная проза, которою до него никто не писалъ, и простота разсказа, часто напоминающаго эпическій тонъ сказки, дѣлаютъ эти произведенія Караджича одними изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей сербской литературѣ.

Въ 1829 году Вукъ Караджичъ посѣтилъ Сербію, и къ этому времени относится его дѣятельность въ комиссіи для составленія законовъ для Сербіи. „Въ началѣ 1830 г., по порученію князя Милоша, такъ разсказываетъ Караджичъ **), пришелъ ко мнѣ Яковъ Якшичъ и сказалъ, что государь уполномочилъ его условиться со мною на счетъ платы за участіе въ комиссіи для составленія законовъ“. Караджичъ сначала отказывался отъ участія въ этой комиссіи, но на настоятельныя требованія князя — онъ согласился и просилъ по 600 талер. въ годъ ***) и разрѣшенія отправиться въ Вѣну или куда нибудь въ другое мѣсто, гдѣ онъ найдетъ нужнымъ, чтобы тамъ онъ могъ воспользоваться указаніями юристовъ, причемъ законы должны были бы быть написаны „согласно съ народными обычаями и судебными установленіями“. Но князь Милошъ на это не согласился, и Дмитрій Давидовичъ, секретарь князя, передалъ Вуку, что законы должны составляться въ Крагуевцѣ и притомъ по кодексу Наполеона. Тогда Караджичъ, который былъ принужденъ приняться

*) Н. Поповъ думаетъ иначе, см. Россія и Сербія, т. I, стр. 492.

**) Одговор на лажи и пр., стр. 14, 15.

***) Около 3,000 франковъ.

за это дѣло, не отвѣчающее его способностямъ и знаніямъ, объявилъ, что онъ „прибыль не въ какую-нибудь чужую державу, чтобы служить изъ-за денегъ, но въ свое отечество“, и что онъ „просить лишь столько, чтобы могъ жить, удовлетворяя всѣ свои нужды“. Вслѣдъ затѣмъ ему было назначено 35 тал. въ мѣсяцъ, и Караджичъ сталъ заниматься составленіемъ сербскихъ законовъ. Но вскорѣ онъ былъ назначенъ президентомъ бѣлградскаго магистрата и переѣхалъ изъ Крагуевца въ Бѣлградъ.

Въ комиссіи для составленія законовъ принимали участіе, кромѣ Вука Караджича, Георгій Протичъ, протоіерей Жуевичъ, Лазарь Теодоровичъ и Лазарь Зубанъ. Покоряясь волѣ князя Милоша, требовавшего отъ этихъ лицъ составить законы, они выбрали законникъ Наполеона, какъ лучший, по слухамъ. „Мы слышали, что французскіе законы самые свободные“, рассказывалъ впослѣдствіи Лазарь Зубанъ Іовану Хаджичу (Светичу), приглашенному княземъ Милошемъ въ Сербію для составленія законовъ въ 1837 году *). Никто изъ этихъ составителей законовъ для Сербіи не былъ юристомъ по образованію и не зналъ настолько французскаго или нѣмецкаго языка, чтобы переводить Code Napoleon на сербскій **). Дѣло составленія законовъ при такомъ положеніи вещей, конечно не могло идти впередъ, и Караджичъ постарался освободиться отъ этой обязанности.

*) Огледало сръбско одъ д-ра Іована Хаџића. 1864, стр. 37. Россія и Сербія, Н. Попова, I, 239.

**) Переводъ дѣланъ былъ съ нѣмецкаго (Утук II Светича, стр. 10 и 11).

Проживъ въ Сербіи съ половины 1829 г. до конца 1831 г., Вукъ Караджичъ близко присмотрѣлся къ управленію Сербіи княземъ Милошемъ. Самовластный характеръ Милоша дѣлалъ его тираномъ въ землѣ. Князь Милошъ, въ это время признанный уже наслѣдственнымъ княземъ, по хаттишерифу 1830 года, хотѣлъ уничтожить и всякую возможность оппозиціи со стороны высшихъ чиновниковъ и помощниковъ его въ прежнія трудныя времена, которые претендовали также на власть и значеніе. Онъ смотрѣлъ въ это время на Сербію въ сущности, какъ на свое помѣстье. Народъ былъ недоволенъ княземъ за то, что онъ заставлялъ его даромъ работать въ своихъ имѣніяхъ, будто на государственныхъ работахъ, чиновники не были ничѣмъ обезпечены, потому что князь могъ всегда самовольно уволить и перемѣстить всякаго изъ нихъ, а имѣніе у нихъ отобрать, торговый людъ былъ недоволенъ тѣмъ, что самъ князь ведетъ торговлю и стѣсняетъ разными мѣропріятіями ихъ торговые дѣла. Вукъ Караджичъ, искренно преданный князю Милошу, близко видѣлъ это печальное положеніе дѣлъ въ Сербіи и желалъ указать князю истинныя его причины. Онъ переѣхалъ въ Землинъ, откуда написалъ князю Милошу весьма пространное и искреннее письмо, 18 апрѣля 1832 года *). Письмо это показываетъ, что Караджичъ во многомъ перемѣнилъ свое мнѣніе о правителѣ Милошѣ, сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ думалъ о немъ, издавая его жизнеописаніе въ 1828 году. Весь произволъ самовольства Милоша, хотя гениальнаго человѣка, но страсти котораго ничѣмъ

*) Србскій Улакъ 1843 года, №№ 6, 7, 8, 9.

не были обуздываемы, нашелъ свою оцѣнку въ этомъ историческомъ письмѣ Вука Караджича. Тонъ письма отличается замѣчательною искренностью и прямою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеризуетъ глубокую преданность Караджича князю, устройтелю Сербіи.

Перечисляя всѣ недостатки правительства князя Милоша, указывая общее недовольство княземъ, которое можетъ повести къ самымъ гибельнымъ результатамъ для него же, Караджичъ въ то же время указываетъ и мѣры для лѣченія, и способы, какими бы князь могъ исправить все дурное въ своей землѣ. Между этими мѣрами, необходимыми, по мнѣнію Вука, для развитія Сербіи и забытыми Милошемъ, Караджичъ говоритъ о необходимости устроить школы. Онъ говоритъ, что въ 1820 г. онъ пріѣзжалъ въ Сербію именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побудить князя устроить въ Сербіи школы. Онъ предлагалъ князю выбрать нѣсколько молодыхъ людей сербовъ и для нихъ устроить великую школу, въ которой бы они въ теченіе трехъ лѣтъ учились всеобщей исторіи, географіи, статистикѣ, сербской грамматикѣ, ариметикѣ, немного реторикѣ, законовѣдѣнью и логикѣ, немного естественной исторіи и физикѣ и т. д. *). Онъ тогда же предлагалъ болѣе способныхъ изъ учениковъ этой великой школы, послѣ окончанія въ ней курса, послать въ Европу для изученія высшихъ наукъ и иностранныхъ языковъ. Караджичъ задумывалъ составить специально для князя Милоша нѣсколько книгъ и научить его читать и писать, но какъ извѣстно, князь Милошъ умеръ, не научившись ни тому, ни другому.

*) Срб. Улакъ, стр. 30.

Въ 1830 году, по его настоянію, былъ вызванъ въ Сербію Исайловичъ, „чтобы началась Великая школа“, но безъ помощи и поддержки правительства она не могла имѣть успѣха. Караджичъ указываетъ необходимость устроить три такихъ школы: въ Шумадіи, на югѣ за Моравою и на сѣверѣ за Колубарою, а также и одну гимназію, а затѣмъ постепенно лицей и университетъ. „Но кто все это устроить?“ спрашиваетъ Караджичъ. Признавая Исайловича однимъ изъ самыхъ ученыхъ и способныхъ, Караджичъ замѣчаетъ, что для такого дѣла въ Сербію необходимо было бы вызвать нѣсколько хорошихъ ученыхъ такихъ, „какъ Шафарикъ или Ранке“. „Но, продолжаетъ онъ, пока въ Сербіи не установится и не утвердится правительство, до тѣхъ поръ не легко будетъ привлечь подобныхъ людей въ Сербію“.

Караджичъ въ то время находилъ еще нужнымъ доказывать князю Милошу, что ученые люди всего лучше покоряются власти, что несправедливы обвиненія, будто они поднимаютъ бунтъ противъ правительства, и что для хорошаго управленія землей необходимы образованные люди.

Это указаніе Караджича на необходимость учредить въ Сербіи школы обратило на себя вниманіе князя Милоша, и въ 1832 году стала устраиваться гимназія въ Крагуевцѣ, а по ревизіи „Директора всѣхъ школъ“ Петра Радовановича въ 1836 году оказалось, что всѣхъ народныхъ училищъ въ Сербіи 72 съ 2514 учениками *).

Само собою разумѣется, послѣ такого письма къ князю Милошу, Караджичъ не могъ вернуться въ

*) Гласник, IX, стр. 166.

Сербію; но съ другой стороны и австрійское правительство не хотѣло позволить ему оставаться въ Землинѣ. Оно стало требовать, чтобы онъ удалился за границу, и лишь послѣ многихъ просьбъ, которыя Караджичъ посылалъ въ Вѣну, ему было приказано сначала переѣхать въ Пештъ, а послѣ разрешено поселиться въ Вѣнѣ, куда онъ и переѣхалъ вскорѣ со всей семьей.

Это письмо Вука Караджича къ Милошу в послѣдствіи было для него причиною многихъ непріятностей, и именно съ той стороны, откуда меньше всего онъ могъ ихъ ожидать. Въ 1843 году, когда сербскіе властолюбцы удалили Обреновичей съ престола княжества и возвели на него Александра Карагеоргиевича, одинъ изъ литературныхъ враговъ Караджича, Светичъ, напечаталъ письмо Караджича къ князю Милошу въ газетѣ *Србскій Улакъ*, которая издавалась на двухъ языкахъ: сербскомъ и нѣмецкомъ, приложивъ при этомъ свои замѣчанія. Дѣло въ томъ, что Караджичъ, который пріѣзжалъ въ Сербію въ 1839 году хлопотать, чтобы ему продолжена была пенсія, препроводилъ черезъ Іована Гавриловича копіи съ этого письма въ Совѣтъ и „въ намістничество княжескаго достоинства“ *), сопровождая ихъ письмомъ **), въ которомъ говоритъ, что онъ пересылаетъ копію съ того письма, о которомъ всюду много говорилось, въ виду того, что едвали кто-нибудь имѣлъ оригиналъ или точную копію его письма „бывшему князю Сербскому Милошу Обреновичу“. Въ этомъ же своемъ письмѣ въ совѣтъ

*) Одгов. на лажи, и т. д.; стр. 23.

**) Утукъ II Светича, стр. 15—16.

онъ благодарить его за продолженіе пенсіи. Вслѣдствіе этого, Светичъ обвинилъ Караджича, что онъ этимъ хотѣлъ снискать себѣ благоволеніе со стороны Совѣта, тогда враждебно расположеннаго къ династіи Обреновичей и въ особенности къ князю Милошу.

Нельзя отрицать, что это обвиненіе лишено основаній. Караджичъ вообще принадлежалъ къ числу людей, которые не умѣютъ справляться со своими практическими дѣлами, и потому почти всегда нуждался, не смотря на ту помощь и поддержку, которую ему почти постоянно оказывали князь Милошъ и его сынъ князь Михаилъ.

По свидѣтельству Іована Гавриловича *), одного изъ искреннихъ друзей Вука Караджича, князь Милошъ далъ Вуку 2000 гульденовъ въ 1824 году за одну рукопись, которая была послѣ напечатана на сербскомъ и въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ. Эта „одна рукопись“ — вѣроятно было жизнеописаніе князя Милоша, въ которомъ Милошъ былъ представленъ, какъ герой и мудрый политикъ, и въ которомъ Караджичъ не считалъ, по весьма естественнымъ причинамъ, удобнымъ отмѣтить темныя стороны его характера и дѣятельности.

Въ 1835 году узазомъ князя Милоша Вуку Караджичу назначена была пенсія, наравнѣ съ другими заслуженными лицами въ Сербіи.**). Сначала эта пенсія была 150 талировъ въ годъ, но послѣ увеличена до 400. Правительство Карагеоргиевича нѣсколько лѣтъ удерживало эту пенсію, которая и была

*) Гласник, XXXIII, стр. 270.

**) Српске Новине 1835, № 10, стр. 70.

выдана Вуку, лишь съ возвращеніемъ князя Милоша на сербскій престолъ, въ 1859 году. Кромѣ того во время изгнанія Обреновичей изъ Сербіи Караджичъ получалъ спеціально отъ князя Михаила ежегодную субсидію въ 600 талировъ, что составляло въ то время довольно значительную сумму. Сверхъ того въ трудное время Вукъ Караджичъ находилъ помощь у всѣхъ сербскихъ патріотовъ. Такиъ, находясь въ самомъ затруднительномъ матеріальномъ положеніи послѣ своего отъѣзда изъ Сербіи въ 1832 году, онъ получилъ субсидію во 100 гульденовъ отъ сербской общины изъ Триеста, которая при томъ обѣщала помогать ему и впредь, если его трудъ будетъ также полезенъ и въ будущемъ.

Изъ Вѣны, Вукъ Караджичъ ѣздилъ въ 1833 году въ Петербургъ, гдѣ встрѣтился съ Петромъ II, владыкою Черногорскимъ, котораго онъ тогда узналъ впервые *).

Въ 1834 году Вукъ Караджичъ въ первый разъ посѣтилъ адриатическое приморье, былъ въ Вокъ Которской, Дубровникъ и Черногоріи. Здѣсь онъ велъ свои записки о странѣ и людяхъ, обычаяхъ и правахъ черногорцевъ. Въ Черногоріи въ эту свою поѣздку онъ провелъ болѣе мѣсяца и былъ въ накіяхъ Катунской, Рѣчкой и Черничкой. Отрывокъ своихъ записокъ, въ которыхъ онъ описывалъ отношенія черногорцевъ къ туркамъ, онъ послалъ въ Штутгардъ къ Коттѣ, который и напечаталъ его въ журналѣ *Ausland* **). Затѣмъ при помощи одного нѣмца, Вукъ сдѣлалъ переводъ своихъ записокъ, который

*) Миличевичъ. Кнежевина Србија, стр. 552.

**) Срезневъ. 352.

также послалъ Коттѣ. Этотъ издатель *Ausland'a*, найдя статью достаточно большой, выпустилъ ее отдѣльной книгой подѣ заглавіемъ *Montenegro und die Montenegriner* (Stuttgart und Tübingen 1837 г.), какъ отдѣльный томъ собранія: *Reisen und Länderbeschreibungen*. Караджичъ въ послѣдствіи предполагалъ переработать этотъ свой трудъ и издать его по-иѣмецки, но этого онъ не сдѣлалъ.

Остается указать еще одно историческое произведеніе Караджича: „Правительствующій совѣтъ Сербскій за времена Кара-Ђорђејева“, вышедшее въ Вѣнѣ въ 1860 году. Это сочиненіе Караджича принадлежитъ къ числу болѣе слабыхъ. Въ немъ онъ мало касается дѣятельности совѣта, но за то сообщаетъ много интересныхъ данныхъ для исторіи правленія Кара-Георгія и его отношеній къ тогдашнимъ сербскимъ старѣйшинамъ. Причина, почему Караджичъ не описалъ дѣятельности совѣта, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по заглавію брошюры, лежитъ единственно въ самомъ характерѣ дарованій Караджича: онъ былъ рассказчикъ, не историкъ, и понятно, что исторія отношеній Кара-Георгія къ разнымъ лицамъ давала много матеріала для таланта Караджича, между тѣмъ какъ описаніе дѣятельности совѣта требовало отъ писателя совершенно другихъ качествъ.

Къ этому сочиненію Караджичъ приложилъ нѣсколько краткихъ біографій замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ Кара-Георгія, какъ уже было указано выше *).

*) Эта книга Караджича подала поводъ къ полемикѣ. Въ Сербскихъ Новинахъ за 1860 г. № 96 нѣкто напечаталъ статью, въ которой обвинилъ Караджича въ неточности и оскорбленіи національнаго

4.

Издание Караджича болгарских словъ и тѣснѣе, и его замѣчанія о болгарской орфографіи. Статьи филологическаго содержанія въ Даницахъ. Литературный споръ Караджича со Светичемъ-Хаджичемъ. Сербская Матица и ея отношеніе къ дѣятельности Караджича. Изданіе „Опита Сличноречности“ Луки Жилованова и замѣчанія Караджича о сербскомъ удареніи и размерахъ сербскаго стиха. „Примѣры српско-славенскаго језика“. Второе изданіе словаря. Отношеніе сербскаго правительства къ вуковицѣ. Переводъ Новаго Завѣта.

Обратимся къ исторіи трудовъ Караджича, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ объ установленіи сербскаго литературнаго языка и сербской орфографіи, а также къ его спору съ Хаджичемъ.

Еще въ 1822 году Караджичъ издалъ „Додатакъ санктпетербургскимъ сравнительнымъ рјеченицима сѣвију језика и нарјечија с особитимъ огледима бугар-

чувства Сербовъ сообщеніемъ такихъ фактовъ, которые свидѣлствуютъ о грубости нравовъ помощниковъ Кара-Георгія. На эту неподписанную нѣкимъ статью было написано возраженіе, подписанное Г. В. и появившееся въ № 114 и 117 этой же газеты, защищавшее Вука Караджича; но на нѣкоторые пункты этой статьи сдѣлалъ свои замѣчанія тогдашній редакторъ Сербскихъ Новинъ г. Миличевичъ. Тогда Караджичъ отвѣтилъ на этотъ споръ брошюрой: *Одбрана од ружења и жуђења*, въ которой, опираясь на авторитетъ Карамзина, сказавшаго въ предисловіи къ своей исторіи государства Россійскаго, что „исторія посвящена только истинѣ“, доказываетъ, что правдивый разсказъ о фактахъ, хотя бы и представляющихъ свой народъ въ мрачныхъ краскахъ (какъ напримѣръ, о томъ, какъ сербы, давъ честное слово туркамъ выпустить ихъ изъ Сѣницы, напали на нихъ и стали рѣзать, лишь только тѣ стали выходить изъ укрѣпленій,—или о безнравственномъ поведеніи Миленина, занявшаго островъ Поречъ),—есть необходимое условіе всякаго историческаго сочиненія. Въ этой же статьѣ Караджичъ отвѣчаетъ на извѣстное сужденіе о немъ Гильеердинга, перепечатанное въ Сербскомъ Огледалѣ Хаджича въ 1864 г.

ског језика^{*)}), въ которомъ въ первый разъ было напечатано нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ. Въ этомъ прибавленіи къ Аделунгову словарю Караджичъ напечаталъ 273 болгарскихъ слова, соблюдая ихъ точное произношеніе, но употребивъ свою ореографію и для болгарскаго языка. Что касается болгарскихъ пѣсенъ, то одну Караджичъ напечаталъ еще во второй своей „пѣснарицѣ“, и Копитаръ, разбирая эту книгу, выразилъ желаніе, чтобы всѣ собранныя Вукомъ болгарскія пѣсни, которыхъ было больше двадцати, были имъ напечатаны въ скоромъ времени^{**)}. Караджичъ записывалъ эти пѣсни въ Вѣнѣ отъ одного болгарина изъ Разлога и хотѣлъ провѣрить, такъ ли онѣ поются, какъ ему было сообщено, а также снабдить ихъ акцентами. Всѣ болгарскія пѣсни, напечатанныя имъ въ „Додаткѣ“ (числомъ 27), между которыми есть и двустипшія, принадлежатъ къ числу женскихъ. Къ нимъ присоединилъ Караджичъ отрывокъ перевода евангелія на болгарскій языкъ, сопоставивъ соотвѣтствующее мѣсто въ сербскомъ переводѣ, и небольшой „поговор“, въ которомъ онъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о фонетикѣ и грамматикѣ болгарскаго языка. Считаая свою систему ореографіи лучшей, Караджичъ замѣчаетъ о необходимости ј для болгарской азбуки, а также и о выговорѣ ѣ и ѣ въ болгарскомъ языкѣ. Онъ даетъ образцы склоненія личныхъ мѣстоименій и спряженія глаголовъ. Но всѣ эти замѣчанія о болгарскомъ языкѣ относятся лишь къ языку той

*) У Бечу 1822. „Додатак“ составлялъ приложение къ Серб. Новин. за 1821 г., № 102, за 1822 г. №№ отъ 2-го до 12-го.

**) Kleinere Schriften Kopitar's, стр. 349.

мѣстности, откуда происходилъ болгаринъ, со словъ котораго Караджичъ записалъ эти пѣсни.

Эти замѣчанія о болгарскомъ языкѣ представляють лишь историческій интересъ, какъ первое извѣстіе, но и въ нихъ Караджичъ умѣлъ показать свою чуткость въ анализѣ формъ и звуковъ языка.

Стараясь систематизировать свѣдѣнія о сербскомъ языкѣ и провести точный предѣлъ между сербскимъ и церковно-славянскимъ языками, Караджичъ въ Даницѣ за 1826 годъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: Главне разлике између данашњега славенскога и српског језика *). Она распадается на двѣ части: во 1) на разницу въ словахъ и 2) въ грамматикѣ. Въ первой части Караджичъ указываетъ особенности сербскаго произношенія *л* и его замѣны въ сербскомъ языкѣ *е*. Въ этой особенности произношенія *л*, какъ *е*, Караджичъ видитъ особенно старую черту сербскаго или „южно-славянскаго“ языка, черту, которая нисколько не моложе Кирилла и Методія **). Указывая на замѣну глухихъ *з* и *ѣ* — яснымъ *а* въ сербскомъ языкѣ, Караджичъ заботливо подбираетъ изъ книги проповѣдей, изданной въ 1794 году Райчемъ, котораго сербское духовенство никакъ не могло заподозрить во внесеніи ереси въ языкъ сербской книги, примѣры этой чисто сербской замѣны, какъ аганацъ, земледѣлацъ и т. д. Дальнѣйшую разницу между сербскимъ и славянскимъ языками Караджичъ указываетъ въ переходѣ *лз* или *-эл* въ *у* и въ замѣнѣ *л—о* въ концѣ слова. Доказывая, что сербскій языкъ не имѣетъ словъ съ окончаніемъ на

*) Даница 1826. 41—69.

**) *ibidem*. стр. 42.

іе, Караджичъ вновь приводитъ примѣры изъ собранія поученій Ралча, въ которыхъ такіа слова напечатаны съ окончаніемъ љ, напр. состояѣѣ, сагрешенѣ и т. д. Караджичъ старается доказать этимъ необходимость знаковъ љ, њ, имъ придуманныхъ. Доказывая излишность џ, онъ есылаетъ на старыя рукописи, въ которыхъ этому знаку отвѣчаетъ сочетаніе *шт*, а также отмѣчаетъ соотвѣтствіе между славянскимъ щ и сербскимъ ѣ въ такихъ словахъ, какъ ноѣ, и т. д. Что касается ѣ, то оно произошло изъ *жд*, по мнѣнію Караджича. Въ это время Караджичъ еще отрицалъ необходимость *ѣ* въ сербской азбукѣ, такъ какъ *ѣ* или совершенно не выговаривается, или находитъ свою замѣну въ *е* (по преимуществу), въ Герцеговинѣ въ : на концѣ словъ (прим. доѣог), въ *ј*—особенно въ Бачкѣ, Банатѣ и Сремѣ (греј, чоја), и наконецъ въ *к* (грек, женик). „Это свойство сербскаго языка можетъ быть и самое новое, замѣчаетъ Вукъ, но вѣроятно старше всѣхъ нашихъ книгъ“, подразумѣвая подъ этимъ печатныя книги. Какъ извѣстно, Вукъ Караджичъ уже въ своемъ словарѣ 1818 г. отрицалъ нужду *ѣ* въ сербской азбукѣ, но впоследствии онъ вновь принялъ его въ свой алфавитъ,—именно въ своемъ изданіи пословицъ въ Цетинѣ въ 1836 году.

Разсматривая разницу между сербскимъ и славянскимъ языками въ *грамматикѣ*, Караджичъ указываетъ эту разницу въ формахъ измѣненія глаголовъ, существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій. Что касается разницы въ образованіи формъ глагола, то Караджичъ, указывая различіе въ окончаніи 1-го лица настоящаго времени, (играю —

играм), замѣчаетъ, что сербское окончаніе этого лица глагола на *м* не есть испорченное славянское окончаніе на *у* или *ю*, какъ думаютъ „языко—поправители“, а напротивъ старая форма на столько же, на сколько стара форма съ окончаніемъ *ю*, *у*; затѣмъ останавливается на гласномъ окончаніи 3 лица сербскихъ глаголовъ, на окончаніи 1 лица множ. ч. на *мо* и 2 л. ед. ч. на *м* вм. *ми*, при чемъ замѣчаетъ, что русскій языкъ въ этомъ отношеніи сходенъ съ сербскимъ. Дальнѣйшая разница между сербскимъ и славянскимъ глаголомъ заключается въ томъ, что сербскій не имѣетъ нѣкоторыхъ формъ, которыя имѣются въ языкѣ славянскомъ, напр. *partic. praes. pres.*, но зато русскій языкъ не имѣетъ нѣкоторыхъ временъ, свойственныхъ сербскому, какъ напр. аориста и *imperfectum*.

Что касается измѣненія именъ существительныхъ, Караджичъ замѣчаетъ, что особенная разница между обоими языками состоитъ лишь во множественномъ числѣ именъ *mascul.* и *neutr.* и въ склоненіи именъ женскаго рода. При этомъ Караджичъ отдаетъ преимущество сербскимъ формамъ предъ славянскими во 1) потому, что окончаніе во множественномъ числѣ дат., твор. и предл. *ма* — имѣетъ въ концѣ гласную, а „въ славянскомъ три падежа оканчиваются на полугласную“, во 2) потому что склоненія именъ существительныхъ въ сербскомъ языкѣ „мною правильны“, нежели въ славянскомъ. Подъ *правильностью* Караджичъ очевидно понимаетъ здѣсь однообразіе формъ, ибо доказываетъ эту правильность тѣмъ, что имена женскаго рода на *ма*, *ла*, *жа*, *ча*, *ша*, *ща*, *я* и *ія* въ дат. и предл. пад. имѣютъ

въ славянскомъ языкѣ и вм. ѣ, — а „въ сербскомъ всѣ (имена женскаго рода) имѣють и“ въ этихъ падежахъ.

Указывая разницу въ формахъ именъ прилагательныхъ, Караджичъ особенно большую разницу видитъ между сербскимъ и славянскимъ языками въ образованіи степеней сравненія; его поражаетъ разни́ца между приводимою имъ славянскою формою *богатишій* и сербскою *богатији*, — и потому онъ находитъ больше сходства между приводимою имъ русскою формою *богатѣе* и сербскою *богатији*.

Въ формахъ мѣстоименія Караджичъ видитъ разницу въ томъ, что въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименія *он* сербскій языкъ всюду допускаетъ благозвучное *н*, не обращая вниманія на то, стоитъ ли нѣтъ предъ нимъ предлогъ, и что сербское мѣстоименіе третьяго лица имѣетъ во всѣхъ падежахъ краткія формы, какъ въ род. *и*, въ дат. *му* и т. д.

Проводя эту разницу между языками славянскимъ и сербскимъ, Караджичъ имѣлъ въ виду языкъ церковныхъ книгъ, сдѣлавшійся съ небольшими измѣненіями языкомъ сербской книги времени до Караджича. Но эту разницу провелъ Вукъ слишкомъ поверхностно: онъ, правда, не имѣлъ въ то время и настоящаго взгляда на языкъ церковно-славянскій, ибо и самъ Добровскій въ своихъ „*Institutiones*“ — еще не уяснилъ себѣ значеніе языка нашихъ церковныхъ книгъ. Замѣтно одно: это желаніе Караджича доказать, что сербскій языкъ, т. е. тотъ, который называли его литературные противники „говедарскимъ и свинарскимъ“, — языкъ болѣе правильный, чистый и благозвучный, чѣмъ языкъ писателей славено-сербской школы. Эта тенденція въ сущ-

ности проходить черезъ всѣ грамматическіе труды Вука Караджича.

Въ слѣдующемъ выпускѣ своего альманаха „Даница“ Вукъ Караджичъ помѣстилъ „Оглед српскога буквара“, которому онъ предпосылаетъ введеніе съ цѣлью показать, что способъ обученія по часослову и псалтирю, практиковавшійся въ сербскихъ школахъ, слѣдуетъ оставить. Въ методѣ обученія чтенію и письму онъ видитъ главную причину медленности, съ которою научаются читать и писать въ Сербіи. „Всякій настоящій и умный патріотъ, говоритъ онъ, долженъ желать, чтобы у насъ буквари издавались и школы устраивались сообразно съ требованіями нашего времени“. Онъ вооружается противъ неразумнаго и излишняго стремленія сохранить все постарому и приводитъ въ образецъ русскихъ, которые въ своихъ школахъ больше не употребляютъ именованій *азъ, буки* и т. д., но *а, бе* и т. д. Но Караджичъ идетъ далѣе и указываетъ, что необходимо ввести при обученіи чтенію названія знаковыхъ звуковыхъ: *бе*—слѣдуетъ читать лишь *бз*. „И тогда не для чего читать по слогамъ, но послѣ того, какъ сдѣлаются извѣстны звуки, можно приступить прямо къ чтенію“. Такимъ образомъ Караджичъ указывалъ въ 1827 году необходимость ввести звуковой методъ обученія грамотѣ въ сербскія школы.

Этотъ образецъ буквара онъ дѣлитъ надвѣ половины: на сербскую, въ которой приводитъ буквы и нѣкоторыя ихъ сочетанія, а затѣмъ примѣры для чтенія, состоящія по преимуществу изъ пословицъ,—и славянскую, въ которой онъ даетъ имена буквъ и слова подъ титлами и говоритъ о выговорѣ нѣкоторыхъ изъ буквъ, а для чтенія приводитъ Сим-

воль Вѣры и Молитву Господню. Букварь кончается знаками цѣфрѣ и таблицей умноженія.

Это была первая попытка букваря чисто сербскаго языка. Какъ было выше сказано, сербскій митрополитъ Мойсей Петровичъ (1727—1730), жившій въ Бѣлградѣ, куда послѣ заключенія пожаревацкаго мира 1718 г. перенесъ свою катедру его предшественникъ митрополитъ Викентій Поповичъ, вызвалъ въ Бѣлградскую имѣ основанную школу изъ Москвы учителя Максима Суворова, который привезъ съ собою 400 букварей и 100 славянскихъ грамматикъ *). Съ этого времени книги русской церковной печати становятся общеупотребительными въ сербскихъ церквахъ, и русско-славянскій языкъ дѣлается языкомъ литературнымъ у сербовъ. Этотъ московскій букварь или другой тоже московскій былъ впоследствии нѣсколько разъ перепечатанъ въ Римнѣ, при чемъ, какъ уже было сказано, одно изданіе было въ 1727 г., а другое въ 1734 г.

Затѣмъ идетъ рядъ букварей, которые всѣ носили имена букварей „славянскихъ“. Единственный *сербскій* до временъ Караджича принадлежалъ Јовану Беричу, но онъ остался въ рукописи **). Между этими букварями особенно выдается тотъ, о которомъ упоминаетъ Караджичъ ***); онъ былъ напечатанъ въ Венеціи въ 1767 г. и приписывается Орфелину. Въ немъ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о вы-

*) Први извештај о явиом учитељско-приправническом Заводу србском. У Сомбору. 1863 г. Статја Вукчевича: Србске школе у XVIII в., стр. 17.

**) Шафарикъ. Geschichte des serbischen Senhriftthums. стр. 365.

***) Даница 1826, 58 и Писма Вука Стевановича Караджича Савы Текелія Платону Атанацковичу стр. 54.

говорѣ *ш*, какъ *шч*, о необходимости знака *ћ* для обозначенія *ть* и *дь*, а также и о томъ, что *х* не выговаривается многими сербами въ словахъ *хвала*, *хвалю* и т. д., но вмѣсто нихъ произносятся *вала*, *валю* и т. д., „что не токмо свойству языка противно, но и самому слуху не весьма пріятно“. О томъ, чтобы измѣнить систему обученія грамотѣ въ сербскихъ школахъ думалъ и Соларичъ, который въ 1812 г. издалъ въ Венеціи „Букварь Славенскій тріазбучный *). Онъ говоритъ, что „конечное намѣреніе съ настоящимъ букваремъ есть, избавити сербске сынове отъ оне пагубне дангубе съ неколикократнымъ пустымъ пречитаваніемъ Часослова и Псалтиря, коя толико дуго ніе дала сербомъ отворити очи“. Тутъ же онъ вставляетъ замѣчаніе, что лучше тотъ способъ письма, „гдѣ, како говорисе, тако пишесе, и како е написано, тако читасе“ **), замѣчаніе, — которое Караджичъ выставилъ цѣлью своей орфографической реформы и повторилъ въ своей „писменицѣ“. Въ этомъ букварѣ Соларичъ указываетъ на затруднительность читать по слогамъ при наименованіи буквъ ихъ славянскими названіями. Для облегченія онъ требуетъ, чтобы учитель заставлялъ своихъ учениковъ различать „имя и гласъ писмена“. Къ этому букварю Соларичъ приложилъ и образцы для чтенія патристическаго содержанія. Онъ хотѣлъ пробудить въ сербскихъ дѣтяхъ сознаніе, что они Сербы и Сла-

*) Вотъ полное его заглавіе: Букварь славенскій тріазбучный или первое руководство къ познанію книгъ и писаній во употребленіе Славено-Сербовъ списанъ Павломъ Соларичемъ Велико-Писаничаниномъ. Въ Млетцахъ 1812. Писмены греко-славянскія печати Паны Теодосіа. (печать церковная).

**) Ibidem стр. 4 и 5.

вяне. За Букваремъ „Славено-Сербскимъ“, идетъ букварь азбуки славено-русской и славено-иллирической, подъ которою Соларичъ подразумѣвалъ глаголическую.

Говоря о необходимости совершенствовать азбуку и пополнять ее новыми знаками, Соларичъ замѣчаетъ, что азбука московская насколько „миловиднѣе азбуки Θεсалонитской“, настолько она недостаточнѣе для славянскаго языка *). Такимъ образомъ Соларичъ въ этомъ отношеніи былъ предшественникомъ Вука Караджича. Онъ уже указывалъ тотъ путь, по которому должно идти реформатору сербскаго литературнаго языка и сербскаго письма, но самъ не осмѣливался сдѣлать опредѣленный и ясный шагъ и держался традицій. За Вукомъ Караджичемъ осталась заслуга перваго составителя сербскаго букваря.

Но лучшею статьею Вука Караджича изъ числа его трудовъ объ языкѣ въ то время его дѣятельности была „Главна свршивања сушствителни и прилагателни имена у Српском језику“, которую онъ напечаталъ въ Даницѣ за 1828 годъ **). Эта статья представляла главу изъ грамматики сербскаго языка, которую готовилъ Караджичъ, но не хотѣлъ печатать, пока не посѣтилъ всѣхъ предѣловъ сербскаго племени. Она распадается на четыре части: производныя имена существительныя, сложные имена существительныя, производныя имена прилагательныя и сложные имена прилагательныя. Караджичъ пересчитываетъ суффиксы, которыми образуютъ

*) Букварь Трѣазбучный стр. 108.

**) Даница за 1828 ст. 1—135.

ся существительныя, опредѣляетъ характеръ этихъ суффиксовъ и отмѣчаетъ корни, къ которымъ они прилагаются. Это была первая попытка ученія о суффиксахъ сербскаго языка, попытка собрать матеріалъ и создать систему для этой части сербской грамматики. Вуку Караджичу не доставало основательнаго знанія старо-славянскаго языка, но этотъ недостатокъ былъ совершенно естественъ и понятенъ въ то время, когда лишь было приступлено къ его изученію. Но здравый смыслъ Караджича и совѣты ученаго друга Копитара съ одной стороны удержали его отъ тѣхъ излишнихъ мудрованій, которыя тогда были въ модѣ, какъ доказываютъ это напр. статьи Хаджича-Светича, съ другой дали этому его труду особенно важное значеніе, какъ первому систематическому собранію сербскихъ суффиксовъ и словъ, образованныхъ ими.

Около 1830 года возникаетъ между Вукомъ Караджичемъ и тогда лишь основанною Матицею Сербской споръ, перешедшій въ литературную ссору и вызвавшій длинный рядъ полемическихъ брошюръ, направленныхъ противъ Вука Караджича и его воззрѣній, и съ его стороны полныхъ интереса отвѣтовъ. Самымъ сильнымъ противникомъ Караджича выступаетъ Јованъ Хаджичъ, болѣе извѣстный въ сербской литературѣ подъ именемъ Милоша Светича. Сначала между нимъ и Караджичемъ отношенія были хороши, что доказывается между прочимъ и тѣмъ, что въ Дайницѣ за 1827 г. Вукъ Караджичъ напечаталъ переводъ Светича идиалли Геснера и одну изъ его одъ. Но вскорѣ отношенія между ними приняли совершенно иной характеръ. Если съ одной стороны до болѣзненности чуткое самолюбіе Светича и его са-

момѣніе, вытекавшее изъ сознанія своего ученаго превосходства надъ неученымъ Вукомъ Караджичемъ, побуждало его свысока толковать о трудахъ даровитаго собирателя сербскихъ пѣсенъ, то съ другой стороны и самъ Караджичъ относился чутко ко всякому слову, осуждавшему его реформу въ ореографіи или выражавшему сомнѣніе въ ея полезности. Такъ, еще въ первой части Даницы (за 1826 г.) Караджичъ помѣстилъ отвѣтъ „Русскому рецензенту“, который въ „Сынѣ Отечества“ (26 № за 1824 г.) *) замѣтилъ, что „Вукъ Караджичъ и другіе новые сербскіе литераторы напрасно вздумали портить древнюю славянскую азбуку изобрѣтеніемъ новыхъ буквъ и введеніемъ ореографіи чуждой и дикой для Славянъ“. Рецензентъ сдѣлалъ замѣчаніе, что они этимъ разъединяютъ Сербовъ и Русскихъ. Караджичъ горячо защищаетъ свои ореографическія новизны, причемъ старается доказать, что и ѣ — есть старый знакъ сербской азбуки, и ища защиты въ отзывѣ Греча о недостаткахъ русской азбуки **) и Кеппена, защищавшаго новизны въ ореографіи ***), — заявляетъ, что рецензентъ или простой хвастунъ, который пишетъ о томъ, чего не понимаетъ, или какой нибудь Сербъ, который завидуетъ чужимъ успѣхамъ. Такимъ образомъ рѣзкость полемическаго тона Караджича была отчасти причиною той озлобленности противъ него, которая отличаетъ всѣ статьи, направленные противъ его нововведеній. Въ Даницѣ за 1834 годъ

*) Перепечатана эта рецензія во 2 вып. Лѣтоп. за 1825, стр. 130.

**) Гречъ: Опытъ исторіи русской литературы. С.-Петербургъ. 1822, стр. 98 и 99.

***) Библиографическіе листы, № 18 отъ 29 іюня.

помѣщено письмо нѣкоего П. Б. (Павла Берича?) къ одному изъ основателей Сербской Матицы—Јосифу Миловуку *). Примѣчанія, сдѣланныя къ этому письму, очевидно принадлежатъ Вуку Караджичу: въ нихъ онъ нападаетъ на Сербскую Матицу, которая составивъ нѣчто въ родѣ „ученой партіи“, хочетъ предписывать правила правописанія. Онъ тутъ уже называетъ Светича своимъ личнымъ врагомъ и приписываетъ ему непріятные для себя отзывы въ лѣтописи.

Сербская Матица возникла въ Пештѣ въ началѣ 1826 года. Когда въ 1822 г. Давидовичъ долженъ былъ прекратить свои Сербскія Новины и бѣжать изъ Вѣны отъ долговъ **), въ сербской литературѣ не оказалось ни одного повременнаго изданія. Тогда профессоръ гимназіи въ Новомъ Садѣ Магарашевичъ, извѣстный уже нѣкоторыми своими книгами въ сербской литературѣ, задумалъ основать Сербскую *Лѣтопись* и въ 1825 году издалъ три выпуска при помощи Каулиція, новосадскаго книжнаго торговца. Первый номеръ лѣтописи ничѣмъ не отличался отъ обычныхъ въ то время альманаховъ. Но для изданія въ слѣдующемъ году *Лѣтописи* у Магарашевича не было средствъ, и онъ обратился къ Светичу, жившему тогда еще въ Пештѣ. Светичъ принялъ къ сердцу дѣло *Лѣтописи* и сталъ хлопотать о томъ, чтобы составилось общество для поддержки предпріятія и продолженія изданія. Составилось общество изъ семи лицъ ***), внесшихъ нѣкоторую сумму для изданія

*) Даница, стр. 54—83.

**) Лѣтоп. кн. 114, за 1872, стр. 207.

***) Лѣтоп. Матицы, № 18, стр. 160—въ статьѣ Хаджича.

Лѣтописи и основанія общества. Мысль объ образованіи подобнаго общества, которое бы посвятило свои силы на изданіе полезныхъ книгъ, возникла еще въ 1823 году и принадлежитъ Светичу. Онъ по этому поводу вступилъ въ переписку съ Лукіаномъ Мушицкимъ, произведенія котораго предполагалось собрать и напечатать *). Но это общество составилось лишь въ началѣ 1826 года, а 4 февраля этого же года дали ему имя *Матицы Сербской*. Какъ противъ этого имени, такъ и противъ самаго общества, были весьма многіе въ средѣ тогдашнихъ сербскихъ дѣятелей **), но умный князь Милошъ понялъ значеніе подобнаго общества для развитія сербской литературы и назначилъ въ подарокъ ему 120 талировъ на изданіе Лѣтописи ***).

Но вмѣсто того, чтобы Матица и Лѣтопись, ею издаваемая, стали средоточіемъ всѣхъ важнѣйшихъ сербскихъ писателей того времени, произошло противное. Съ одной стороны подозрѣніе сербскихъ патриотовъ, что въ реформѣ, сдѣланной Вукомъ, скрыто тайное намѣреніе пропагандировать католицизмъ

*) Лѣтопись Матицы сербской кн. 121, стр. 42; въ исторіи Матицы, тутъ напечатанной, перечислены лишь имена 6-ти лицъ-основателей: Іосифа Миловуна, Андрея Розмировича, Іована Деметровича, Петра Ранча, Георгія Станковича и Гаврила Бозитовца, которые дали всѣ вѣсть сумму въ 240 гульд. на основаніе Матицы,—но почему-то не внесенъ въ этотъ списокъ Јованъ Хаджичъ, внесшій также 100 гульд. ассигн. (40 гульд. на серебро) и принимавшій самое живое участіе въ дѣлахъ Матицы. (См. Лѣт. 16, за 1829 годъ, стр. 104).

**) Даница за 1834 въ письмѣ П. В. къ Миловуку. Самое происхожденіе имени Матица Сербская объяснялось тѣмъ, что Хаджичъ, называвшій себя Милошемъ Светичемъ, нарочно составилъ такъ е наименование, которое бы напоминало своими первыми буквами его псевдонимъ: Милош Светић.

***) Лѣтоп. Мат. за 1829 кн. 16, стр. 160.

въ сербскомъ народѣ, а новымъ книжнымъ языкомъ отдѣлить сербскую литературу отъ русской и тѣмъ лишить ее всякой опоры, съ другой соревнованіе и зависть отдѣльныхъ дѣятелей повели къ тому, что въ Сербской Матицѣ приняли участіе лишь люди совершенно противоположныхъ Вуку Караджичу мнѣній. Возникли споры между сербскими писателями о языкѣ и правописаніи, которые были почти безплодны и лишь еще разъ доказали, что здравый смыслъ иногда значить болѣе надутаго и неосновательнаго знанія. Около самой Матицы и ея Лѣтописи возникли различнаго рода альманахи, какъ Сербская Пчела—Стаматовича (съ 1830—1841), Банатскій Альманахъ—Тироля (1827—1829), Ружица—Аванасія Николича (1827—1836), Сербскій Родолюбецъ—Василія Чокрляна (1832). Всѣ эти изданія дробили и безъ того весьма небольшія литературныя силы, собранныя около Матицы. Вскорѣ умеръ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ Матицы Георгій Магарашевичъ (1829), бывший редакторомъ Лѣтописи со дня ея основанія *). Редакцію сербскихъ лѣтописей, переименованныхъ теперь въ *Сербскій Лѣтописъ*, принялъ на себя Милошъ Светичъ, издавшій въ теченіе 1830 и 1831 года 7 книгъ этого журнала. Хаджичъ, воспитывавшійся въ Пештскомъ Университетѣ, гдѣ онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ, и завершившій свое юридическое образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ, принадлежалъ къ числу виднѣйшихъ дѣятелей въ сербской литературѣ того времени. Небудучи филологомъ по воспитанію и весьма

*) Всего онъ издалъ 19 книгъ, изъ коихъ первыя три были напечатаны при помощи книгопродавца Баулиція до основанія Матицы въ 1825 г.

мало понимая въ этой области наукъ, Хаджичъ однако не хотѣлъ признать превосходства Вука Караджича надъ собою и уже въ 1829 году выступаетъ противъ него въ Лѣтописи. Постепенно развился между нимъ и Караджичемъ споръ, который нерѣдко переходилъ предѣлы чисто литературные и получалъ характеръ политическій.

Что касается воззрѣнія тѣхъ сербовъ, которые, въ сохраненіи стараго, русско-славянскаго языка и алфавита для сербской книги и въ перемѣнахъ, производимыхъ Вукомъ Караджичемъ, видѣли посягательство на православіе сербскаго народа, то слѣдуетъ признать, что въ нихъ главнымъ образомъ и заключалась причина того, почему правописаніе и языкъ Вука Караджича такъ долго не могли получить полныхъ правъ въ сербской литературѣ. Савва Текели, одинъ изъ извѣстѣйшихъ сербскихъ патріотовъ и жертвователей на народное дѣло австрійскихъ сербовъ, въ своемъ завѣщаніи, помѣ-^нченномъ 21 Августа 1838 г., говоритъ: „Такъ какъ Матица Сербская возникла для просвѣщенія народа, то она должна стараться уничтожить всѣ тѣ „помраченія“ и смущенія, которыя вводятся въ правописаніе. Она должна принять для своихъ изданій ученый и воздѣланный славянскій церковный языкъ, а всѣ тѣ слова, которыя сербъ понимать можетъ, писать по правилу славянскаго языка“. Текели требуетъ, чтобы Матица никоимъ образомъ не отступала отъ этого направленія, иначе онъ исключаетъ ее изъ числа своихъ наслѣдниковъ. „Я желаю видѣть Матицу болѣе совершенною, чѣмъ какого нибудь писателя“ *).

*) Лѣтоп. кн. 97, стр. 190—191.

тельствѣхъ и взглядахъ главныхъ помощниковъ общества „Сербской Матицы“, дававшихъ средства и помощь для изданій, общество нелегко могло освободиться отъ тѣхъ путей, которыя лишали его свободы дѣйствій. Но въ тоже время вполне ясно сознавали и всѣ тогдашніе писатели, что, разорвавъ съ языкомъ церковной и русской книги, сербская литература лишится той твердой почвы, на которой она стояла до тѣхъ поръ, и будетъ предоставлена себѣ самой. Чтобы избѣгнуть этого зла, Мушицкій совѣтовалъ сохранить оба языка въ сербской литературѣ, но онъ своими славянскими одами лишь могъ дать новое доказательство противникамъ славянины въ сербскомъ языкѣ, что ихъ требованія справедливы. Если бы появился въ сербской литературѣ законодатель языка, подобный Ломоносову и Карамзину въ русской, — нѣтъ сомнѣнія, выработался бы опредѣленный сербскій книжный языкъ на той же основѣ, на которой развился русскій, и Сербская литература не такъ бы разошлась съ Русскою, какъ это произошло послѣ торжества реформъ Караджича.

Выше были указаны полемическія статьи Караджича, написанныя въ самомъ началѣ его дѣятельности въ защиту избраннаго имъ для литературы сербскаго нарѣчія и его новыхъ знаковъ въ сербской азбукѣ. Теперь при столкновеніи съ Хаджичемъ, Вукъ Караджичъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ брошюръ весьма интересныхъ какъ по его замѣчаніямъ и соображеніямъ относительно сербскаго языка и правописанія, такъ и по разсѣяннымъ въ нихъ указаніямъ на событія въ жизни ихъ автора. Споръ былъ начать Хаджичемъ, который напечаталъ въ Лѣтописи статью „Ситнице езикословне“,

(мелочи, относящіяся къ языку) *), на которую Вукъ Караджичъ отвѣтилъ брошюрою подъ заглавіемъ: .
Одговор на ситнице језикословне **). Рѣзкій тонъ Караджича въ этомъ отвѣтѣ и до болѣзненности раздражительное самолюбіе Хаджича были причиною того, что этотъ споръ получилъ дальнѣйшее развитіе и вскорѣ принялъ характеръ политическихъ обвиненій и нападокъ чисто личнаго свойства. Хаджичъ, который въ это время жилъ въ Бѣлградѣ, будучи приглашенъ въ Сербію для составленія законовъ, поспѣшилъ въ томъ же году напечатать отвѣтъ Караджичу, которому далъ оригинальное заглавіе: Утук или одговор на одговор на ситнице езыкословне ***). Караджичъ отвѣтилъ брошюрою: Вуков одговор на Утук Г. М. Светића ****). Когда въ 1843 году въ Сербскомъ Улакѣ появилось его письмо къ князю Милошу, писанное въ 1832 году, съ комментаріями, очевидно вышедшими изъ подъ пера Хаджича, въ которыхъ было желаніе представить Вука искателемъ милостей у всѣхъ правительствъ Сербіи и извратителемъ историческихъ фактовъ, Караджичъ отвѣтилъ брошюрою: Вуков одговор на лажи и опадање у Србскомѣ Улаку *****), въ которой защищается отъ обвиненій, взведенныхъ на него Хаджичемъ въ этой нѣмецко-сербской газетѣ, стоявшей за Карагеоргіевича и такъ называемыхъ уставобранителей. Хаджичъ не заставилъ себя долго ждать съ отвѣтомъ и напеча-

*) Лѣтоп. Кн. 45 за 1838, стр. 83—96.; вышли и отдѣльной брошюрою въ Новомъ Садѣ.

**) У Бечу 1839.

***) У Београду 1839. Было сдѣлано изданіе и въ Новомъ Садѣ.

****) У Бечу 1844.

*****) У Бечу 1844.

талъ въ Бѣлградѣ въ томъ же году Утукъ II *). Тогда Караджичъ не тотчасъ отвѣтилъ Хаджичу, но собравъ свои разныя статьи, относящіяся къ сербскому правописанію и къ вопросу о сербскомъ языкѣ, напечаталъ очень интересную книгу: Вука Стефановића и Саве Текелије писма високопреосвѣщенному господину Платону Атанацковићу православному владици будимского о српскомъ правопису са особитијемъ додацима о српскомъ језику **). Въ этомъ своемъ сочиненіи Караджичъ напечаталъ и свои предложенія, сдѣланныя имъ въ засѣданіи тогда образовавшагося общества сербской словесности, 21 и 27 мая 1845 года, во время посѣщенія имъ Бѣлграда. Тутъ же онъ разбираетъ разныя статьи о языкѣ появившіяся въ тогдашнихъ журналахъ, какъ статьи Лазича въ Подунавкѣ, и Вукашина Радишича въ Сербскихъ Новинахъ. Наконецъ въ той же книгѣ онъ перепечаталъ двѣ свои статьи: одну изъ Пештско-Будимскаго Скоротечи за 1842, и другую изъ Сербскихъ Новинъ за 1820 годъ. Караджичъ въ этой своей книгѣ старается доказать какъ необходимость реформы языка и правописанія, имъ предлагаемой, такъ и ея логичность, причемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ пользуется ошибками и непоследовательностью правописанія своихъ литературныхъ противниковъ, чтобы доказать ихъ полную слабость и неумѣніе пользоваться языкомъ. Въ то время, когда Хаджичъ выставилъ принципомъ дѣятельности Сербскаго филолога, необходимость прежде, чѣмъ

*) Утукъ II или одговоръ на Вуковъ одговоръ на лажи и опаданъ у Србскомѣ Улаку одъ М. Светића. У Београду 1844.

**) У Бечу, 1845.

выработана будетъ „написанная въ системѣ грамматика“, рассмотреть и разъяснить различные вопросы второстепенные въ языкѣ *), Караджичъ считалъ нужнымъ прямо приступить къ созданію грамматики на основаніи изученія народнаго живаго языка. Хаджичъ думалъ, что тяжело выбросить изъ языка принятыя, уже обычныя и узаконенныя ошибки, но слѣдуетъ постепенно хорошо разобрать, что основывается на природныхъ свойствахъ языка, и лишь послѣ долгаго и основательнаго разбора установить правила **), — Караджичъ говорилъ: „нашъ народный языкъ (который долженъ быть и литературнымъ) и сербскій языкъ одно и тоже; что въ нашемъ языкѣ не народно, то не есть сербское, не приноситъ ни малѣйшей пользы, лишь вредить; я лишь потому употребляю выраженіе *народный* языкъ, чтобы отличить его отъ языка нашихъ писателей, который въ сущности *никакой* предъ сербскимъ языкомъ“. Понятно, что подобная коренная разница взглядовъ Хаджича и Караджича должна была вызвать споръ между ними и безъ всѣхъ остальныхъ побудительныхъ причинъ. Въ этомъ спорѣ приняли участіе и многіе современные писатели и ученые. Споръ былъ заключенъ книгою Даничича „Рат за српски језик и правопис“ ***), которою былъ данъ отвѣтъ на *Утукъ* III Светича (1846 г.).

Въ 1833 году Вукъ Караджичъ напечаталъ книгу, составленную Лукою Миловановымъ еще въ 1810 году: *Опит наставлења к србској сличноречности*

*) Лѣтоп. 45, стр. 84.

**) Ibidem. стр. 85.

***) Будимъ, 1847.

и слогомјерју или просодии *). Лука Миловановъ пришелъ къ заключенію, что обыкновенное въ то время сербское правописаніе и книжный языкъ должны быть упрощены и видоизмѣнены такъ, чтобы стали болѣе близки къ живому говору. Съ этой цѣлью онъ написалъ книгу о просодіи, къ которой приложилъ и свои замѣчанія о сербскомъ правописаніи. Исключивъ *з* и *ь* изъ сербской азбуки, онъ ихъ не употребляетъ и въ своей книгѣ, но, утверждая, что необходимо найти новые знаки для звуковъ *дъ*, *лъ*, *нъ*, онъ не придумалъ для нихъ новаго обозначенія и не писалъ даже *ћ* вмѣсто *тъ*. Тогдашняя цензура, сначала разрѣшившая печатать книгу въ 1810, послѣ выхода Азбукопрѣтреса Саввы Меркайля, возбудившаго неудовольствіе со стороны многихъ сербовъ, взяла назадъ свое одобреніе, и книга осталась ненапечатанною до смерти ея автора. Караджичъ познакомился съ Миловановымъ еще въ 1814 году и побудилъ его возстановить рукопись, которую онъ было началъ уничтожать. Разныя обстоятельства помѣшали изданію этого сочиненія тогда же, — и лишь послѣ смерти автора Караджичъ получилъ полную рукопись и напечаталъ ее вскорѣ послѣ своего переезда изъ Сербіи въ Вѣну. Лука Миловановъ самъ писалъ „матернимъ языкомъ“ и требовалъ измѣненій въ кирилловской азбукѣ, при чемъ утверждалъ, что ее слѣдуетъ прибли-

*) Полное заглавіе книги: Луке Милованова опит наставлења к сербској сличноречности и слогомјерју или просодии. По новом правописања начину сматрајући на повод к новој весма нуждној сербској писменици или Језиконауку списан. 1810. А издао га Вук Стеф. Караџић. У Бечу. 1833.

Биографическія свѣдѣнія о Лукѣ Миловановѣ, см. въ приложеніяхъ.

зить къ латиницѣ. Не употребляя j, онъ вмѣсто него писалъ i, которое разсматривалъ, какъ половину u. Онъ признавалъ существованіе 4 удареній въ сербскомъ языкѣ: ' accentus prolongans, ^ accentus superprolongans, ` accentus elevans, ^ accentus superelevans *). Этимъ онъ отличалъ тѣ же акценты, которые отмѣтилъ и Вукъ Караджичъ въ своей *писменицѣ* **) подъ тѣми же именами въ сербскомъ переводѣ. Впослѣдствіи Хаджичъ, нападая на Караджича, утверждалъ, что Вукъ воспользовался лишь трудомъ Милованова, въ своей писменицѣ. Это обвиненіе было несправедливо, хотя по однимъ и тѣмъ же примѣрамъ, приведеннымъ въ *Писменицѣ* (1814 г.) и въ книгѣ Милованова можно предполагать, что Вукъ дѣйствительно въ большой степени воспользовался указаніями и трудомъ Луки Милованова. Во всякомъ случаѣ Лука Миловановъ можетъ быть названъ однимъ изъ предшественниковъ Вука Караджича въ реформѣ, произведенной имъ въ сербскомъ литературномъ языкѣ и орѳографіи.

Къ „Просодіи“ приложены образцы стихотвореній различныхъ размѣровъ по правиламъ, указаннымъ въ самомъ сочиненіи. Эти стихотворенія составлены по преимуществу по нѣмецкимъ оригиналамъ или переведены съ нѣмецкаго и обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ поэтическія дарованія, которыя его значительно возвышаютъ надъ современными ему и многими позднѣйшими сербскими поэтами. Миловановъ первый поднялъ голосъ противъ существовавшаго размѣра въ стихѣ сербской поэзіи, который то былъ

*) Ibidem, стр. 20, 21.

**) Писменица, стр. 12.

силлабическій, то точно соотвѣтствовалъ предписаніямъ классической метрики. Такъ, Лукіанъ Мушицкій, который пользовался славою лучшаго поэта въ то время, въ вопросѣ о размѣрѣ, былъ лишь слѣпымъ подражателемъ Горацию. Хотя Лука Миловановъ не былъ знакомъ ни съ народными пѣснями, ни съ дубровницкою литературою, но онъ уже вѣрно указывалъ, что именно въ поэзіи народной должно искать основаній для законовъ сербскаго стихосложенія.

Караджичъ, еще во второмъ изданіи пѣсенъ *), замѣтилъ, что юнацкія (былевые) пѣсни состоятъ изъ пяти-стопныхъ трохеевъ, съ цезурой послѣ второй стопы. Что же касается женскихъ пѣсенъ, то онъ въ нихъ находилъ нѣсколько размѣровъ: I, тотъ же что и въ былевыхъ; II, пѣсни со стихомъ изъ восьми слоговъ: 1) изъ 4 трохеическихъ стопъ, 2) изъ 3 стопъ, изъ которыхъ двѣ крайнія дактилическія, а въ серединѣ трохеическая; III, пѣсни со стихомъ семисложнымъ изъ двухъ трохеевъ въ началѣ съ дактилемъ на концѣ; IV, пѣсни со стихомъ десятисложнымъ изъ двухъ дактилей и двухъ трохеевъ, которые чередуются, начиная стихъ дактилемъ; V, пѣсни со стихомъ одиннадцатисложнымъ изъ четырехъ трохеевъ и пяти дактилей; VI, со стихомъ двадцатисложнымъ изъ четырехъ дактилей и шести трохеевъ; VII, со стихомъ изъ тринадцати слоговъ въ шесть стопъ, изъ которыхъ четыре трохея предшествуютъ цезурѣ, а послѣ цезуры трохей и дактиль, которые могутъ стоять и наоборотъ, или трохей и амфибрахій; VIII, со стихомъ четырнад-

*) Народне пјесме Т. I, изд. 1824, стр. LIII.

цатисложнымъ изъ семи трохеическихкихъ стопъ; IX, со стихомъ шестисложнымъ изъ трехъ трохеевъ или двухъ дактилей безъ цезуры, и наконецъ X, со стихомъ пятисложнымъ изъ одного дактиля и одного трохея.

Вукъ Караджичъ касался вопроса о сербскомъ удареніи и стихосложеніи въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ. Такъ въ 1846 г. онъ въ письмѣ къ Бабукичу *) и въ 1858 г. въ письмѣ къ Іовану Стеріи Поповичу **), „о српској просодији“ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о размѣрахъ, свойственныхъ сербскому стиху. Караджичъ замѣчаетъ, что метрика Гундулича и вообще дубровницкихъ писателей заимствована изъ итальянскаго.

Отвѣчая на различныя статьи и замѣтки въ различныхъ газетахъ, направленныя противъ него, Вукъ Караджичъ часто касался вопросовъ объ орфографіи и особенностяхъ сербскаго языка. Такъ онъ отвѣчалъ на вопросы, заданныя въ Будимскомъ Скоротечѣ (№ 32 за 1842) Нинковичемъ,—въ той же газетѣ (№ 47). Этотъ его отвѣтъ напечатанъ въ „Писма“ подъ заглавіемъ: „Одговор на задатакъ Србскомъ Филологу“ ***). Подъ конецъ своей дѣятельности Караджичъ еще разъ вернулся къ вопросу о разницѣ между церковно-славянскимъ и сербскимъ языками. Онъ въ 1857 году издалъ „Примѣри Српско-славенскога језика“, интересныя по примѣрамъ старосербскаго языка. Караджичъ, который въ это время уже имѣлъ обширную извѣстность и знакомство съ

*) Kelo Stanka Vraza IV, 72—79.

**) Slavische Bibliothek Миллошича, II, стр. 232—236.

***) Писма, стр. 54—59

лучшими учеными и славистами того времени, какъ Линде, Надеждинымъ, Погодинымъ, Бодянскимъ, Срезневскимъ, Миклошичемъ, интересовался и изучалъ рукописи и старопечатныя книги, которыя онъ, между прочимъ, покупалъ и пересылалъ Погодину*). Теперь онъ старался найти основанія для своей реформы въ сербской орѳографіи въ историческихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ старыхъ сербскихъ рукописей и книгъ. Въ „Примѣрахъ“ онъ дѣлитъ *старый* славянскій языкъ на два вида: болгарскій и сербо-славянскій и указываетъ существенныя отличительныя черты обоихъ. Теперь Караджичъ, знакомый со многими славянскими нарѣчіями, прибѣгаетъ къ указанію ихъ особенностей для подкрѣпленія своихъ выводовъ. Приводя выдержки изъ сербскихъ рукописей и старо-печатныхъ книгъ, Караджичъ останавливается на современной замѣнѣ ж и л въ сербскомъ, русскомъ, польскомъ и болгарскомъ языкахъ. Находя въ старопечатныхъ сербскихъ книгахъ е вмѣсто љ, Вукъ Караджичъ замѣчаетъ, что знаки эти смѣшивались уже въ старину въ сербской письменности, и что слѣдовательно разницы въ ихъ произношеніи не было. Тутъ онъ останавливается и на книгѣ Матіи Дивковича „наукъ карстиански“, въ которой не употреблено ни ѝ и љ, ни я, ю, љ, а для смягченія л и љ предъ ними ставится ѣ, напр. спаситеѣл, свагдашѣни. „Примѣри“ былъ послѣдній трудъ Караджича, въ которомъ онъ насался вопроса о своей орѳографіи.

*) Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель изд. проф. Ниломъ Поповымъ. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1880, кн. I, или 3 вып. писемъ, стр. 678; 683 и др.

Но самымъ важнымъ и лучшимъ трудомъ Караджича по языку, безъ сомнѣнія, второе изданіе словаря, вышедшее въ Вѣнѣ въ 1852 году. Переработка перваго изданія словаря была начата Караджичемъ лѣтъ за десять до втораго его изданія. *) Онъ и самъ собиралъ слова, невошедшія въ первое изданіе словаря, извлекая ихъ изъ пѣсенъ, и пользовался помощью многихъ другихъ. Какъ и въ первый разъ, такъ и теперь сначала Копитаръ былъ главнымъ его помощникомъ въ переводѣ сербскихъ словъ на латинскій языкъ, а затѣмъ Даничичъ. Въ своемъ предисловіи Караджичъ благодаритъ Юрія Даничича за помощь при переводѣ словъ на нѣмецкій и латинскій языки. Даничичъ въ это время началъ уже свою ученую дѣятельность, какъ сербскій филологъ, и издавъ *Rat za srpski jezik* въ 1847 г. въ защиту Вука, чрезъ три года — въ 1850 г., напечаталъ Малую сербскую грамматику, которая сдѣлала излишнимъ присоединеніе ко второму изданію словаря Вука Караджича грамматики, подобно тому, какъ это было сдѣлано имъ при первомъ изданіи.

При сравненіи втораго изданія съ первымъ (1818 г.), прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что онъ значительно пополненъ многими новыми словами и выраженіями, собранными и Вукомъ, и его помощниками. Вукъ Караджичъ теперь уже объѣхалъ главныя страны сербскаго племени, хотя ему не удалось быть въ Босніи, Герцеговинѣ, Старой Сербіи, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ этому изданію Рјечника**), но ему помогали и знатоки боснійскихъ

*) Срезневскій стр. 359.

**) Српски Рјечник у Бечу 1852., Предговор.

говоровъ, какъ напр. Вукъ Врчевичъ и священникъ Вукъ Поповичъ.

Караджичъ и до изданія и послѣ изданія словаря нѣсколько разъ ѣздилъ въ Далмацію и въ австрійскія земли, населенныя сербами: такъ въ 1837 году онъ ѣздилъ въ Венгрію, Славонію и Хорватію, въ 1838 г. былъ въ Славоніи и Далмаціи, въ 1841 г. онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ Надеждинымъ и Княжевичемъ по Далмаціи, Черногоріи, Хорватіи, Славоніи и Сербіи *) и т. д. Такимъ образомъ Вукъ Караджичъ могъ во всѣхъ главнѣйшихъ мѣстностяхъ, занятыхъ Сербскимъ племенемъ, слышать и изучать особенности различныхъ говоровъ.

Въ словарь вошли выдержки изъ всѣхъ важнѣйшихъ трудовъ Караджича: народныя пѣсни, пословицы, сказки, имѣ издавныя, преданія и историческія событія, этнографическія наблюденія и географическія замѣтки — все давало матеріалъ для его словаря и отчасти вошло въ него, то какъ примѣръ, подтверждающій то или другое значеніе сербскаго слова, то какъ разъясненіе и пополненіе. По количеству вошедшихъ въ новое изданіе словаря сербскихъ словъ, онъ почти удвоился въ объемѣ **). Караджичъ, исключившій изъ сербской азбуки для сербскихъ словъ *x* и потому не помѣстившій ни одного слова подъ *x* въ первомъ изданіи словаря, перемѣнилъ теперь свое мнѣніе, и во второмъ изданіи *рјечника* находимъ цѣлый рядъ словъ подъ

*) Срезнев. стр. 351.

**) Въ письмѣ къ Надеждину отъ 13 Марта 1851 г. Караджичъ говорить, что онъ прибавилъ 20,000 новыхъ словъ. — Русск. Архивъ за 1873 г., стр. 1216.

буквою *ж*, помѣщенныхъ прежде подъ другими буквами *).

Что касается системы удареній и знаковъ для нихъ, то и тутъ Караджичемъ сдѣланы нѣкоторые измѣненія: такъ просодіи, о которыхъ Караджичъ говорилъ въ своей *писменици* очевидно подѣ влияніемъ видѣнной имъ рукописи Милованова, были уже усовершенствованы въ первомъ изданіи словаря, а во второмъ онъ принялъ вмѣсто циркумолекса знакъ двойнаго грависа**).

Теперь значеніе Вука Караджича и его литературной дѣятельности было понято всѣми, и появленіе втораго улучшеннаго изданія словаря не возбудило бури, подобной той, которую ему пришлось вынести при появленіи перваго изданія въ 1818 г. Изъ этого изданія онъ исключилъ всѣ слова ругательныя или оскорблявшія нравственное чувство, противъ чего такъ сильно вооружились его противники послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія Рјечника въ 1818 году. Значеніе этого труда Караджича не можетъ быть подвергнуто никакому спору: *Рјечник* — во второмъ изданіи представляетъ не только словарь живаго сербскаго языка, но и собраніе обычаевъ, и описаніе нравовъ сербскаго народа и имѣетъ равную цѣну какъ для филолога, такъ и для этнографа. Внося турецкія слова въ словарь, Караджичъ имѣлъ въ виду записать все, что употребляетъ народъ для выраженія своихъ мыслей. Это было тѣмъ естественнѣе, что долгая власть Турокъ внесла въ самую жизнь сербовъ новыя для нихъ понятія, которыя получали и свое

*) Оцѣнка словаря сдѣлана Гатталою. Rad. IV, 127—135 стр.

**) Подробности см. въ трудѣ Романа Бранта — Начертаніе славянской акцентологіи. С.-Пбргъ. 1880, стр. 75—79.

имя оттуда, откуда они были принесены. Ставилось въ упрекъ Караджичу, что онъ не внесъ словъ, употребительныхъ въ сербскомъ литературномъ языкѣ того времени *); но задача Вука Караджича именно и состояла въ томъ, чтобы показать богатство народнаго языка и измѣнить самый языкъ сербской книги, очистивъ его отъ элементовъ русскаго и церковно-славянскаго, противъ которыхъ онъ ратовалъ.

Но оппозиція противъ нововведеній Вука Караджича въ языкѣ и въ орфографіи не прекращалась. Особенно же сильныхъ противниковъ она встрѣчала въ средѣ сербовъ Венгріи, которые въ трудахъ Караджича видѣли уступку правительственному давленію въ Австріи на православныя народности. Это отразилось и въ Сербіи, гдѣ Яковъ Живановичъ, секретарь князя Милоша, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ правописанія Вука Караджича. 19 Декабря 1832 г., вѣроятно подъ вліяніемъ раздраженія противъ Вука за его письмо о правленіи въ Сербіи, князь Милошъ издалъ приказаніе, чтобы въ Сербію даже не привозились книги, печатанныя по правиламъ Вуковой орфографіи. Съ тѣхъ поръ это запрещеніе вуковицы въ Сербіи повторялось нѣсколько разъ, и хотя Общество Сербской словесности въ 1848 и въ 1849 г. просило правительство снять это запрещеніе, но противники Вука Караджича имѣли перевѣсъ, и это запрещеніе было возобновлено 29 Марта 1850 и 14 Апрѣля 1852 года. Даже въ 1858 г. „попечительство просвѣщенія“, какъ въ то время называлось въ Сербіи Министерство Народнаго Просвѣщенія, сдѣлало замѣчаніе редактору Сербской оффи-

*) Серб. Лѣтопись за 1864, кн. 109., стр. 125.

ціальной газеты за употребленіе нѣкоторыхъ словъ и правописанія по системѣ Вука Караджича. Оно предписывало вмѣстѣ съ тѣмъ редактору держаться правилъ сербской орфографіи, указанныхъ въ IV т. Гласника и выработанныхъ обществомъ Сербской словесности, а также указаній грамматик Вучича *).

На „Малогосподинской“ скупщинѣ, т. е. бывшей 8 Сентября, въ 1859 г. было сдѣлано предложеніе о разрѣшеніи вуквицы въ Сербской литературѣ, вслѣдствіе котораго правительство, послѣ нѣкотораго колебанія, издало 23 Января 1860 г. законъ, которымъ разрешалось употребленіе азбуки Вука Караджича во всѣхъ изданіяхъ, за исключеніемъ официальныхъ и книгъ учебныхъ. Наконецъ 12 Марта 1868 г. уже послѣ смерти Вука Караджича былъ снятъ всякій запретъ съ его орфографіи, и съ тѣхъ лишь поръ вуквица стала употребительною и въ официальныхъ изданіяхъ въ Сербіи **).

Къ разряду трудовъ Вука Караджича имѣющихъ ближайшее соотношеніе и связь съ установленіемъ сербскаго литературнаго языка слѣдуетъ отнести и его переводъ Новаго Завѣта, изданный имъ въ 1847 г. Караджичъ, ратовавшій противъ церковно-славянскаго языка въ сербской литературѣ, былъ того мнѣнія, что славянскій текстъ священныхъ книгъ почти совсѣмъ непонятенъ Сербу. Мы видѣли, что по порученію библейскаго общества въ Петербургѣ онъ занялся переводомъ священнаго писанія на сербскій языкъ. Рукопись его, переданная Стойковичу, исчезла, и Кара-

*) Србске Новине за 1858 г. Приказаніе Министра Просвѣщенія Црнобарца подъ № 948 отъ 31 Мая. Редакторомъ этой газеты былъ въ то время Милошъ Поповичъ.

**) Србја, 1868 г. № 27 отъ 3 Апрѣля, стр. 106.

джичъ сталъ исподоволь готовить новый переводъ Новаго Завѣта на чисто-сербскій языкъ. Къ своему переводу онъ отнесся чрезвычайно заботливо: почти каждый день, говоритъ Срезневскій, читалъ онъ, хоть по немногу, Новый Завѣтъ; соображая, какъ перевести прочитанное на чисто-сербскій языкъ *). Плодомъ этихъ заботъ былъ Новый Завѣтъ — на сербскомъ языкѣ. Но онъ напечаталъ этотъ переводъ по своей орфографической системѣ. Это подняло противъ Вука Караджича цѣлую бурю, особенно въ средѣ духовенства, видѣвшаго во внесеніи j въ священную книгу оскорбленіе ея святости. Это негодованіе было такъ сильно, что въ Сербіи было издано особенное постановленіе въ 1850 г. о запрещеніи употребленія вукорицы и ввоза перевода Новаго Завѣта въ Сербію. — Караджичъ хлопоталъ передъ правительствомъ и письменно, и лично просилъ, отправившись въ Сербію, о снятіи запрета, — но многіе, особенно изъ среды духовенства, рѣшительно не хотѣли допустить этотъ переводъ къ распространенію въ народѣ. Сначала недовольство это не переходило въ печать, но вскорѣ появились нападки на него и въ современныхъ газетахъ и журналахъ.

Одно изъ первыхъ нападеній на переводъ Новаго Завѣта было вызвано статьею, помѣщенною въ приложеніи *Lupa* къ Загребской нѣмецкой газетѣ **). Въ этой статьѣ подробно рассказывалась исторія Вукова перевода Новаго Завѣта на сербскій языкъ, при чемъ авторъ отвѣчалъ на нападки, которыя слышались на этотъ трудъ Вука. Въ ней доказывалась потребность этого

*) Братская помощь, стр. 361.

**) № 98 за 1847 г.

перевода на живой сербскій языкъ примѣромъ Грековъ, которые также нуждаются въ новогреческомъ переводѣ, такъ какъ теперешніе Греки такъ же плохо понимаютъ старый Греческій языкъ, какъ Сербы славянскій, тѣмъ болѣе что славянскій переводъ больше соблюдалъ точность въ передачѣ словъ, чѣмъ содержанія и мысли греческаго подлинника Новаго Завѣта. Далѣе авторъ этой замѣтки старается защитить переводъ отъ нападеній на неточность перевода и подварѣній, что онъ изданъ по наговору Римской пропаганды, желающей внести разладъ въ среду православныхъ Сербовъ. Переводу Вука ставилось въ заслугу то, что переводчикъ, самъ извѣстный знатокъ языка, наблюдалъ, чтобы передать точно мысль подлинника и поэтому не обращалъ вниманія на точность перевода словъ. На эту статью отозвался В. Лазичъ, секретарь сербскаго Митрополита Петра, въ Подунавкѣ *), въ которой онъ, доказывая необходимость развивать книжный языкъ, какой въ ту пору господствовалъ въ сербской литературѣ, а не принимать неприиспособленный для выраженій науки и высшихъ знаній — языкъ простаго народа, богатство котораго вынесъ въ своихъ изданіяхъ Вукъ Караджичъ, между прочимъ замѣчаетъ, что въ изданіи Вукова перевода встрѣчаются слова, оскорбляющія нравственное чувство, какъ напр. курва, вмѣсто котораго онъ совѣтовалъ употребить слово: блудница. На эти замѣчанія Лазича отозвался Даничичъ, помогавшій Вуку Караджичу въ этомъ переводѣ Новаго Завѣта, издавъ брошюру: В. Лазичу I. Въ ней онъ, защищая переводъ Караджича, съ горячностью нападаетъ на Лазича, виня его въ невѣжествѣ, по обычаю сербской

*) Подунавка, еженедѣльное приложеніе къ Серб. Нов. № 3 за 1848 г.

критики того времени, и оправдывалъ употребленіе въ этомъ переводѣ такихъ словъ, какъ *курва* *).

Въ другой своей статьѣ противъ Вукова перевода **). Лазичъ, повторяя прежнія свои возраженія, прибавляетъ, что Караджичъ имѣетъ связи съ „фратрами“ и „другими иновѣрцами“, заподозривая такимъ образомъ самую благонамѣренность Караджичеваго перевода Новаго За-вѣта. И на эту статью отвѣтилъ Даничичъ брошюрой, въ которой защищаетъ Вука или, правильнѣе сказать, доказываетъ неосновательность сужденій самаго Лазича. Даничичъ выступаетъ теперь горячимъ защитникомъ правописанія Вука Караджича, ссылаясь на мнѣнія Греча и Надеждина о несовершенствѣ русскаго право-писанія.

Но и Караджичъ не оставилъ безъ возраженій на-падки на его переводъ Новаго Завѣта. Когда появился благосклонный отзывъ о его переводѣ въ „Сѣверной пчелѣ“, на который отозвалась *Подунавка* ***), въ ста-тѣѣ, обозначенной двумя крестами, Караджичъ издалъ брошюру: Господину са два крста. Въ Подунавкѣ къ прежнимъ обвиненіямъ прибавлено, что во 1) языкъ пере-вода не можетъ быть названъ ни языкомъ книги, ни языкомъ разговора, но представляетъ смѣсь Черногор-скаго и Герцеговинскаго нарѣчій, во 2) Караджичъ не имѣлъ подъ руками греческаго оригинала, что доказыва-лось переводомъ слова *акриды* словомъ *скакавици* (са-ранча), въ 3) что переводъ былъ напечатанъ на счетъ мекхитаристовъ въ Вѣнѣ и былъ изданъ безъ всякаго одобренія или участія со стороны духовныхъ властей,

*) В. Лазичу I. стр. 10 и 11.

**) Подунавка № 8 за 1848.

**) 49 за 1847.

которые могли бы быть единственно компетентными въ этомъ дѣлѣ. Караджичъ, доказывая, что переводъ *акриды* сдѣланъ имъ вѣрно, и что это слово не значитъ верхушки растенія, какъ доказываетъ авторъ статьи въ Подунавѣ, ссылается на церковно-славянской словарь Алексѣева и объясненіе, сдѣланное въ изданіи славянскаго евангелія 1820 г. въ Петербургѣ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что какъ Даничичъ, такъ и Караджичъ защищали переводъ Новаго Завѣта ссылками на русскія сочиненія и на то, что онъ переведенъ и на русскій языкъ. Эта ссылка имѣла особенно вѣское значеніе, такъ какъ значеніе русскихъ, какъ строго православныхъ, было особенно высоко цѣнимо въ то время въ средѣ родственныхъ намъ единовѣрныхъ племенъ.

Но это было лишь начало полемики, и вскорѣ появились довольно вѣскія замѣчанія на переводъ Караджича. Јованъ Стеичъ, секретарь Совѣта и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества сербской словесности, напечаталъ „Съясловіе примѣтбе на предговоръ“ Караджича къ Новому Завѣту, *) а въ 1852 году появились *примѣтбе* Никанора Груича, въ то время архимандрита, а впоследствии епископа Награцкаго и Славонскаго. **)

Стеичъ, признавая заслуги Вука Караджича, какъ лучшаго сербскаго филолога, указываетъ, что „самъ

*) Гласник. II, 1—42.

**) Примѣтбе Никанора Груича, архимандрита кувединскаго на переводъ новаго завета ком е господинъ Вукъ С. Караџићъ писао и у Бечу у штампарији Јерменскогата манастира печатао 1847. У Земуру. 1852 г. (138 стр.). Противъ перевода писашъ Јовановић Еугеније: О преводу новаго Завѣта. г. Вука Стее. Караџића у Карловцу 1850. Было много другихъ брошюръ и статей объ этомъ переводѣ.

Вукъ не могъ соблюсти своего принципа: пиши, какъ говоришь—въ своемъ переводѣ Новаго Завѣта и принужденъ былъ оставить 49 славянскихъ словъ, 47 словъ произвелъ изъ славянскаго языка и 84 придумалъ *) Это отступленіе Вука Караджича, который до того времени сильно нападалъ на каждаго изъ писателей, употреблявшаго то или другое славянское слово, казалось Стеичу признаніемъ съ его стороны, что онъ понялъ невозможность постронть новый книжный языкъ на языкъ чисто народномъ и признаетъ силу возраженій тѣхъ сербскихъ писателей, которые старались создать на основѣ славяно-сербскаго языка новый литературный языкъ. Что касается выбора нарѣчія, на который переведенъ Новый Завѣтъ, то Стеичъ указываетъ Караджичу, что лучше было бы выбрать Сремское вмѣсто Герцеговинскаго, которому Вукъ Караджичъ отдавалъ предпочтеніе. Стеичъ считалъ неразумнымъ отказываться отъ историческаго начала правописанія и не могъ согласиться съ „фонетическимъ письмомъ“ Вука Караджича. Въ подробное разсмотрѣніе самаго перевода Стеичъ не входитъ.

Но эту задачу принялъ на себя Никаноръ Груичъ, который тщательно прослѣдилъ стихъ за стихомъ переводъ Караджича, указавъ неточности выраженій и срав-

*) Въ своемъ предисловіи къ переводу Новаго Завѣта Караджичъ пересчитываетъ 30 Турецкихъ словъ, имъ употребленныхъ изъ числа вошедшихъ въ общее употребленіе у Сербовъ, 49 Славянскихъ, 47 „посербленныхъ изъ славянскихъ“ и 84 имъ произведенныхъ, но не употребляющихся въ народномъ языкѣ. (см. предговор. къ изданію Новаго Завѣта 1847 г. стр. V—VIII). Завѣтимъ кстати, что не всѣ экземпляры этого перваго изданія Новаго Завѣта снабжены предисловіемъ и объясненіями Вука Караджича. Сколько намъ извѣстно, предисловіе это не перепечатывалось послѣ этого ни въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій.

нивъ соотвѣтствующія мѣста съ греческимъ и латинскимъ текстами. Ученый архимандритъ дѣлаетъ Караджичу много весьма основательныхъ упрековъ за то, что онъ, стараясь упростить выраженія евангелія, придавалъ имъ тривиальный характеръ. Такъ въ гл. I, стр. 23 евангелія отъ Маттея онъ называетъ Богородицу *девојка*, хотя всякій сербъ могъ бы понять слово *дѣва*; славянский переводъ греческаго привѣтствія *χαῖρε* — радуйся, Караджичъ передалъ словами: *добро утро* *), что въ сущности не имѣетъ никакого смысла, какъ напр. въ гл. 25 ст. 49 евангелія отъ Маттея. Нѣкоторые сербскія слова, совершенно несоотвѣтствующія по своему значенію смыслу славянскаго подлинника, такъ и остались въ тенерешнемъ сербскомъ языкѣ, благодаря переводу Караджича, въ томъ значеніи, какое онъ имъ придалъ. Такъ остались напр. слова *незнабожачни*, *незнабожци* въ смыслѣ язмычскій, идолопоклонники. На неправильность перевода слова идолопоклонникъ указывалъ и архимандритъ Груичъ. **) Всѣ замѣчанія Никанора Груича сводятся къ тому, что Караджичъ слѣдуя то славянскому, то греческому тексту, ***) то не слѣдуя ни одному изъ нихъ, не имѣлъ возможности перевести всюду правильно, вслѣдствіе чего духъ того времени, къ которому относится евангеліе, не получилъ достаточнаго выраженія въ переводѣ; что же касается языка, то кромѣ неточности перевода Груичъ указываетъ на то, что въ переводѣ Новаго Завѣта употреблены выраженія, оскорбляющія стыдливость.

*) Вслѣдствіе это выраженіе замѣнено словомъ *здравио*. Матѣ. 26 гл., 49 ст. въ изданіи англійскаго библейскаго общества. Будапештъ 1877 г.

**) Привѣтбе, стр. 10.

***) Копитаръ переводилъ съ греческаго, спеціально для Караджича. нѣкоторые мѣста евангелія.

Вотъ тѣ главныя замѣчанія, которыя были сдѣланы сербскими критиками на переводъ Новаго Завѣта Вука Караджича.

Объ этомъ трудѣ Караджича были отзывы и въ русской печати. Выше было уже упомянуто о похвальномъ замѣчаніи о немъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 243 за 1847 г.). Покойный И. И. Срезневскій написалъ весьма обстоятельную статью по поводу выхода въ свѣтъ перевода Новаго Завѣта на сербскомъ языкѣ *). Хотя Срезневскій признавалъ за нимъ высокое достоинство въ глазахъ филолога, но въ то же время считалъ этотъ трудъ Караджича неудачнымъ и недостигающимъ цѣли. Онъ указываетъ примѣры излишней заботливости Караджича употреблять лишь общепонятныя сербскія слова, напр. *свѣтло* вмѣсто *свѣтъ* (въ переводѣ выраженія: и свѣтъ во тмѣ свѣтитсѣ), между тѣмъ, какъ слово *свѣтъ* и въ сербскомъ языкѣ имѣетъ и то значеніе, въ которомъ оно употребляется въ славянскомъ текстѣ Новаго Завѣта. Срезневскій полагалъ также, что при переводѣ Новаго Завѣта Караджичъ могъ бы обойтись безъ турецкихъ словъ, оставивъ старославянскія, русскія или греческія слова текста и сдѣлавъ объясненія въ сноскахъ. Самое фонетическое правописаніе Вука Караджича онъ не считалъ умѣстнымъ въ переводѣ Новаго Завѣта, не говоря уже о томъ, что вообще признавалъ эту орфографію *странною* и лишенною характера кириллицы **).

Впослѣдствіи обвиненія этого перевода Новаго Завѣта приняли особый характеръ: критики стали находить

*) Журн. Министерства Народ. Просвѣщ. за № 1848 г. Т. LVII, отдѣленіе VI, 139—157.

**) Ibidem. стр. 156. и 157.

въ немъ погрѣшности и противъ ученія православной церкви.

Въ 1858 году Гильфердингъ напечаталъ въ Парижѣ книгу *les slaves occidentaux*, которая почти одновременно появилась и въ русскомъ подлинникѣ въ Русской Бесѣдѣ за 1858 г. *) Онъ, высказывая тогда широкораспространенное подозрѣніе между противниками Вука Караджича, что Копитаръ былъ подкупленъ Австрійскимъ правительствомъ, чтобы и въ наукѣ проводить католическія тенденціи, обвиняетъ Вука Караджича, что онъ служить лишь орудіемъ Копитара въ его интересахъ. Самая азбука Караджича, по мнѣнію Гильфердинга, въ этомъ случаѣ лишь отражавшаго мнѣніе многихъ сербовъ того времени, — также служить орудіемъ латинской пропаганды. Что же касается перевода Новаго Завѣта, то въ немъ одно мѣсто, по словамъ Гильфердинга, „имѣло цѣлью приписать св. Петру верховную власть надъ апостолами; узнали также, что переводъ этотъ былъ изданъ на счетъ Римской пропаганды.“ Караджичъ не оставилъ этого обвиненія безъ возраженій; онъ совѣтуетъ Гильфердингу обратиться къ изученію старой сербской письменности, въ которой онъ бы нашелъ, что сербы никогда не держались вполне кириллицы, и указываетъ на своихъ предшественниковъ въ реформѣ правописанія, на Меркайля, Лукіана Мушицкаго и т. д. Возражая на обвиненія его перевода Новаго Завѣта въ ереси, Вукъ Караджичъ требуетъ доказательствъ и называетъ ложью и клеветою, будто переводъ его изданъ на счетъ Римской пропаганды *).

*) Собр. соч. Гильфердинга: Развитие народности у западныхъ Славянъ. т. II. (о Копитарѣ и Вукѣ стр. 79—81.

*) Одбрана од ружења и кућења. Караджича.

Мѣсто, которое вѣроятно и подало поводъ къ обвиненію перевода Караджича въ пропагандѣ латинства, заподозрѣно еще Никаноромъ Груичемъ *). Оно находится въ первомъ посланіи Апостола Петра въ 5 гл. 1 ст., въ которомъ слово славянскаго текста *старецъ* (въ лат. текстѣ *senior*, въ греч. *ἐμπρεσβύτερος*, относящееся къ Петру, Караджичъ перевелъ на сербскій словомъ *старѣшнина*—старѣйшина. Но Груичъ не выражаетъ подозрѣнія, что Караджичъ проводитъ здѣсь мысль о главенствѣ Петра подъ *вліяніемъ* ученія латинской церкви или римской пропаганды. Онъ просто замѣчаетъ, что здѣсь можно вывести (хотя слѣдуетъ признаться — съ большими натяжками), что апостолъ Петръ называетъ себя *старѣйшиною* апостоловъ, что противно ученію православной церкви. „Отсюда видно, говоритъ Груичъ, какъ опасно дать въ руки переводъ священнаго писанія тому, который долженъ бы былъ самъ признаться, что это ему не по силамъ“. Гильфердингъ въ этомъ обвиненіи Караджича былъ лишь выразителемъ общественной молвы.

Но нельзя не признать, что переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Вукомъ, давалъ слишкомъ обыденный характеръ такой священной книгѣ, какъ Новый Завѣтъ. Принижаясь до пониманія самаго простаго человѣка, Вукъ Караджичъ старался и самыя евангельскія понятія принаровить къ понятію простаго серба. Этимъ лишь избыткомъ усердія сдѣлать изъ Новаго Завѣта книгу для чтенія и можно объяснить, что Караджичъ употребилъ такія выраженія, какъ: *трудна од Духа светого* (Матѣ. I. 18), что соответствуетъ русскому: беременна отъ Духа святаго, или

*) Примѣчаніе и т. д. стр. 92.

уже за право, выраженіе, имѣющее въ простомъ обыкновенномъ сербскомъ языкѣ смыслъ ругательный. Онъ не соблюлъ той мѣры, которая необходима при переводѣ священнаго писанія для сохраненія высоты выраженій Новаго Завѣта.

Эту черту подмѣтили всѣ критики перевода Вука Караджича, и одинъ изъ нихъ, Евстафій Михайловичъ, выразилъ убѣжденіе, что Вукъ переводилъ съ нѣмецкаго текста, а не со славянскаго *).

5.

Новыя изданія сербскихъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и Ковчежіа. Связи Караджича съ учеными и писателями.—Смерть Вука Караджича.

Перейдемъ теперь къ исторіи дѣятельности Вука Караджича, какъ собирателя и издателя устной словесности сербскаго народа съ того времени, какъ онъ задумалъ сдѣлать новое изданіе пѣсенъ, которое заставило забыть о его пѣснарицахъ. Это второе изданіе Вукъ Караджичъ началъ въ Лейпцигѣ и сначала, какъ было выше указано, издалъ III томъ, въ 1823 г., посвятивъ его князю Милошу Обреновичу, съ которымъ онъ уже сблизился въ послѣднія поѣздки свои въ Сербію, затѣмъ II томъ, а въ слѣдующемъ году I томъ, въ которыхъ были напечатаны женскія и юнацкія пѣсни о Маркѣ Краевичѣ. Причиною того, что эти томы пѣсенъ Караджича не были отпечатаны

*) Обрана езика Србскогъ одъ изопачаваня и простачени нѣговогъ и Кирилице одъ Вуковице писао Евстати Михайловичъ. У Великогъ Бечкерку. 1863 г. стр. 48—68.

въ Вѣнѣ, а появились въ Лейпцигѣ, была Вѣнская полиція. Не смотря на то, что Копитаръ, какъ цензоръ славянскихъ изданій, конечно, не нашелъ никакихъ препятствій для ихъ напечатанія въ Вѣнѣ, полиція не дала своего разрѣшенія, потому что между пѣснями была одна, очень бодьшая, о возстаніи Сербовъ въ 1804 г., которая, по мнѣнію вѣнской полиціи, могла „нарушить спокойствіе государства“. Не смотря на всѣ старанія Караджича и Копитара, полицейское запрещеніе не было снято, и Караджичу пришлось издать эти три тома пѣсенъ въ Лейпцигѣ. Когда они появились въ продажѣ въ Вѣнѣ, Копитару и Караджичу пришлось долго оправдываться передъ полиціей *).

Къ первому тому этого изданія пѣсенъ Караджичъ приложилъ большое предисловіе, въ которомъ опредѣляетъ характеръ юнацкихъ и женскихъ пѣсенъ. Знатокъ обычаевъ и нравовъ своего народа, Караджичъ рассказываетъ, какъ поются тѣ и другія пѣсни. Юнацкія, которыя по взгляду народа имѣютъ значеніе исторической были, поются въ ладъ гуслей для того, чтобы слушали и поучались, а женскія поютъ всѣ присутствующіе, всего чаще двое въ одинъ голосъ. Онъ указываетъ, что юнацкія пѣсни сохранились по преимуществу въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ сбереглось больше историческихъ традицій, и гдѣ образъ жизни населенія проще, какъ напр. въ Герцеговинѣ, Черногоріи, Босніи. Караджичъ замѣчаетъ, что въ городахъ Срема, Бачки и Баната, гдѣ уже преобладаетъ жизнь цивилизованнаго запада, не знаютъ даже женскихъ пѣсенъ.

*) Kopitarjeva Spomenica. Josipa Marna. V Ljubljani. Strp. 51 и 59.

Караджичъ останавливается и на исторіи пѣсенъ и приводитъ доказательство того, что и въ данное время могутъ создаваться въ народѣ пѣсни по поводу какихъ нибудь важныхъ и интересныхъ событій или случаевъ. Въ своемъ предисловіи къ первому тому Караджичъ впервые говоритъ о размѣрѣ сербскихъ пѣсенъ. Первый томъ посвященъ издателемъ Великой княгинѣ Марѣ Павловнѣ, наслѣдной Великой Герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, второй—Канцлеру графу Румянцеву. IV томъ, посвященный Татищеву, русскому послу при Австрійскомъ дворѣ, вышелъ лишь десять лѣтъ спустя послѣ третьяго. Различныя обстоятельства, какъ было указано выше, отвлекли Караджича отъ его дѣятельности издателя народныхъ пѣсенъ. Въ этотъ IV томъ вошли юнацкія пѣсни различнаго содержанія; между ними имѣются пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ и о новѣйшихъ событіяхъ, какъ напр. о бѣгствѣ Карагеоргія изъ Сербіи (1813) и боѣ на Морачѣ (1820 г.) Въ предисловіи издатель называетъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ получалъ, пѣсни и перечисляетъ пѣвцовъ, со словъ которыхъ онъ записывалъ главнѣйшія свои пѣсни, при чемъ даетъ характеристику каждого изъ нихъ.

Но въ десятилѣтній промежутокъ между изданіемъ перваго и четвертаго томовъ, Караджичъ напечаталъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ въ своихъ *Даницахъ*. Такъ, въ Даницѣ за 1826 г. онъ напечаталъ пѣсню: „Марко Кралевичъ и вила“, вошедшую впоследствии во второй томъ изданія 1845 г. и историческую пѣсню *Срби у Донаверту* (1744), записанную Орфелиномъ и присланную ему Лукіаномъ Мушицкимъ; въ Даницѣ за 1829 г. были напечатаны пѣсни „Женидба Јове Будимлије“ и „Ускок Караман“.

Это изданіе пѣсенъ привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе въ Европѣ. Яковъ Гриммъ привѣтствовалъ каждый новый томъ Вука Караджича статьями въ „Геттингенскомъ ученомъ указателѣ“. Отъ его вниманія не ускользнула и пѣсня о *Маркѣ Кралевичѣ и Вилѣ*, напечатанная въ Даницѣ. Онъ сравниваетъ сербскія пѣсни съ Гомеровымъ эпосомъ и восхваляетъ Вука *).

Въ тоже время Вукъ Караджичъ собиралъ и народные рассказы, анекдоты и сказки. Въ Даницѣ за 1828 и 1829 г. онъ помѣстилъ нѣсколько рассказовъ и анекдотовъ, болѣе или мѣнѣе народныхъ, и въ этомъ

*) Критическія статьи Якова Гримма появлялись въ Göttingische gelehrte Anzeigen. О второй и первой части пѣсенъ онъ писалъ въ 1824 г., о „Даницѣ“ за 1826 г., вскорѣ послѣ ея выхода въ свѣтъ, отзывался и на переводъ Тальей и Евгенія Веселаго, издаваемаго въ 1826 г. нѣмецкій переводъ первыхъ 50 женскихъ пѣсенъ изъ собранія Караджича: Serbische Hochzeitslieder, metrisch ins deutsche übersetzt und von einer Einleitung begleitet von Eugen Wesely, professor am K. K. Gymnasium zu Winkoveze in Slavonien. Pest 1826. 96 стр. Яковъ Гриммъ хвалитъ Вука Караджича за то, что онъ обозначилъ въ календарѣ при Даницѣ всѣ праздники сербскими ихъ названіями, какъ напр. вмѣсто *пасха* — *васкресеније*, Успеніе Божіей Матери — *Велика Госпођа*, а Рождество Богородицы — *Мала Госпођа*. Въ рецензіи на переводъ Тальей: Volklieder der Serben. 2 Bände. Halle 1825 и 1826. Яковъ Гриммъ такъ отзывался о сербскихъ пѣсняхъ и Вука (Kleinere Schriften von Jacob Grimm, IV т. Berlin 1869, стр. 419): Seit den Homerischen dichtungungen ist eigentlich in ganz Europa keine erscheinungen zu nennen, die uns wie sie über das wesen und entspringen des epos klar verständigen könnte. Wir sehen sich jedes bedeutende ereigniss bis auf die allerneueste zeit herunter zu liedern gestalten, die im munde der sänger lebendig fortgetragen werden; deren dichter niemand verräth.

О Караджичѣ Яковъ Гриммъ замѣчаетъ: Vuk hat durch ihre bekanntmachung einen unvergänglichen ruhm, keinen zweideutigen wie Macpherson, errungen, zugleich hat er sich um das studium der slavischen sprachen ein grosses verdienst erworben. dieser lieder wegen, glauben wir, wird man jetzt slavisch lernen.

же альманахъ за 1834 г. напечатана краткая народная легенда о силѣ молитвы и о Святомъ Николаѣ.

Побывавъ въ Черногоріи, Караджичъ издалъ въ Цетинѣ въ 1836 г.: Народне српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Онъ далъ и объясненія къ весьма многимъ пословицамъ, вошедшимъ въ его собраніе. Хорошо понимая цѣну точности подобныхъ изданій, Караджичъ означаетъ даже мѣсто, гдѣ онъ слышалъ пословицу, если пословица не была изъ числа общеизвѣстныхъ, а также при нѣкоторыхъ сообщаетъ и народный разсказъ, отъ котораго, по его мнѣнію, произошла пословица, или который можетъ объяснить значеніе самой пословицы *).

Этому изданію сербскихъ пословицъ Вукъ Караджичъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ сообщаетъ весьма много интересныхъ данныхъ о разныхъ особенностяхъ сербскаго языка и произношенія въ раз-

*) Пословицы въ этомъ изданіи напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, и объясненія къ нимъ обыкновеннымъ гражданскимъ. Въ Цетинѣ былъ лишь одинъ шрифтъ, и для того, чтобы отмѣтить и по виду пословицы отъ разъясненій, Караджичъ употребилъ для первыхъ славянскій наборъ. До Вука Караджича нѣкоторые народныя пословицы были однажды собраны и изданы Мушкатировичемъ: Притче илити по простому пословице, тѣмже Сентенціе илити Рѣченіа, трудомъ и прилежаніемъ Мушкатировића Јована, у Бечу. 1787. Второе изданіе собранія Мушкатировича было сдѣлано въ Будимѣ въ 1807 г., откуда перевелъ Добровскій въ Словака на нѣмецкій языкъ нѣкоторыя изъ пословицъ.

Затѣмъ, въ басняхъ Досея Обрадовича, въ отдѣлѣ нравоученій, попадаются отдѣльныя сербскія пословицы. Нѣкоторыя сербскія пословицы попали въ число изреченій, приложенныхъ къ книгѣ: Оумная наставленія или нравоучительныя правила въ пользу славено-сербске дѣтице съ греческаго на простый славено-сербскій языкъ преведена Михаиломъ Бояцїи Риторикѣ Слышателемъ въ Пештанской Гимназіи. Въ Будимѣ 1808 г. — Въ 1820 г. вышло въ Вѣнѣ собраніе пословицъ Илича, какъ приложение къ 63—66 №№ Сербскихъ Новинъ Давидовича.

ныхъ мѣстностяхъ, занимаемыхъ сербами. Посѣтивъ Далмацію и Черногорію, Караджичъ ближе ознакомился съ особенностями языка этихъ сербскихъ мѣстностей, которыя и отмѣтилъ въ своемъ предисловіи къ пословицамъ. Между прочимъ онъ теперь убѣдился, что необходимо принять букву *x* въ сербскую азбуку, такъ какъ этотъ звукъ произносится въ Черногоріи, Дубровникѣ и адриатическомъ приморьѣ, и потому съ этихъ поръ въ его изданіяхъ появляется *x* тамъ, гдѣ „его мѣсто, по этимологii“. Такимъ образомъ Караджичъ уже въ это время ощутилъ недостаточность своего правила: пиши, какъ говоришь. Тутъ же онъ отмѣчаетъ и выдающуюся разницу между произношеніемъ нѣкоторыхъ звуковъ у Черногорцевъ и Далматинцевъ которое господствуетъ въ другихъ краяхъ сербскаго племени, но ни въ чемъ больше не дѣлаетъ уступокъ этимологическому правописанію. Пословицы были вновь изданы Караджичемъ въ 1849 *), въ пополненномъ видѣ. Будучи въ Черногоріи послѣ еще нѣскольکو разъ и посѣтивъ различныя страны сербскаго племени, Караджичъ и самъ собиралъ пословицы, и просилъ о томъ же и другихъ. Онъ самъ обращаетъ вниманіе читателя на собраніе заклѣтій, отчасти собранныхъ имъ самимъ въ Черногоріи, а отчасти Вукомъ Врчевичемъ, **) которому онъ обязанъ и за матеріалъ для шестаго тома сербскихъ пѣсенъ (женскихъ), изданнаго уже послѣ его смерти.

Караджичъ началъ собраніе загадокъ и издалъ ихъ еще въ 1821 году, какъ прибавленіе къ „Приповѣд-

*) У Бечу. у штампарији јерменскога манастира 1849.

**) Заклѣтія эти напечатаны на стр. 297—311, но нѣкоторыя изъ нихъ были уже въ первомъ изданіи сказокъ 1821 г.

камъ“, вышедшимъ въ качествѣ приложенія къ 29 № Сербскихъ Новинъ этого года*). Это собраніе онъ впоследствии пополнялъ и въ предисловіи къ своей книгѣ „Правительствующій Совѣтъ“ замѣчаетъ, что онъ собралъ около тысячи загадокъ, которыя и намѣренъ былъ издать, но, какъ извѣстно, не успѣлъ этого сдѣлать **).

Что касается собранія сербскихъ сказокъ, то Вукъ Караджичъ издалъ ихъ вторично въ 1853 году, посвятивъ это свое изданіе Якову Гримму ***). Онъ дѣлитъ сказки на два рода: мужскія, въ которыхъ разсказывается возможное, похожее на дѣйствительность, и женскія, содержаніе которыхъ основано на чудесномъ, невѣроятномъ.—Въ это время примѣръ собранія народныхъ произведеній, поданный Вукомъ Караджичемъ, нашелъ уже своихъ послѣдователей, и его изданію сербскихъ сказокъ предшествовало изданіе Аѳанасія Николыча, издавшаго въ Бѣлградѣ въ 1842 и 1843 гг. двѣ книги Сербскихъ народныхъ сказокъ, а въ 1846 г. въ Сербской Лѣтописи была напечатана одна изъ сказокъ, собранныхъ Георгіемъ Стефановичемъ. Но языкъ въ всѣхъ этихъ напечатанныхъ сказкахъ былъ подправленъ согласно съ воззрѣніями, господствовавшими въ то время въ школѣ писателей, несогласныхъ съ Вуковой реформой. Въ предисловіи Вукъ Караджичъ сообщаетъ о лицахъ, отъ которыхъ онъ записалъ или получилъ записанныя сказки. „Приповиѣтке“ обратили на себя всеобщее вниманіе, а вышедшій нѣмецкій ихъ переводъ дочери Вука, съ предисловіемъ Якова Грим-

*) Загадки напечатаны на стр. 33—48.

**) См. Правит. Совѣтъ, стр. II. Лучшее изданіе сербскихъ загадокъ сдѣлано Стояномъ Новаковичемъ. (Панчево 1877).

***) Сербскіе народныя приповиѣтки у Бачу 1853 г.

ма, сдѣлалъ ихъ извѣстными и европейской литературѣ *). Караджичъ въ концѣ своего предисловія проситъ собирать и присылать ему сказки, по преимуществу же изъ Герцеговины, Босніи и Старой Сербіи. И дѣйствительно, его собраніе сказокъ пополнялось, но онъ самъ не успѣлъ напечатать ихъ вновь, и лишь послѣ его смерти, въ 1870 году, вышло новое изданіе сербскихъ сказокъ въ которомъ прибавлены и новыя, не вошедшія въ изданіе 1853 года.

Караджичъ съ конца 1832 года постоянно жилъ въ Вѣнѣ, но часто на болѣе или менѣе продолжительное время ѣздилъ въ Сербію, въ Далмацію, Черногорію и вообще путешествовалъ по землямъ, занятымъ сербскимъ и хорватскимъ племенемъ. Однако не смотря на частыя его поѣздки въ Далмацію и Сербію, ему не пришлось побывать въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, хотя о своемъ желаніи посѣтить эти мѣста онъ вспоминаетъ нѣсколько разъ въ своихъ книгахъ **). Всѣ поѣздки Караджича были плодотворны для литературы, и онъ постоянно расширялъ поле своихъ занятій. Въ 1849 году онъ издалъ „Ковчежій“, въ которомъ помѣстилъ нѣсколько статей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ описанію Далмаціи. Первая статья въ этой книгѣ Караджича озаглавлена: Сербы всѣ и всюду; въ ней онъ дѣлаетъ общее опредѣленіе жилища сербскаго племени и числа сербовъ (около 5

*) Вотъ заглавіе нѣмецкаго перевода этихъ сказокъ: *Volksmärchen der Serben. Gesammelt und herausgegeben von Wuk Stephanowitsch Karadschitsch. In's Deutsche übersetzt von dessen Tochter Wilhelmine. Mit einer Vorrede von Jakob Grimm. Nebst einem Anhang von mehr als tausend serbischen Sprichwörtern. Berlin. Druck und Verlag von Georg Reimer. 1854.*

**) Ковчежій. примѣчаніе на стр. I. Рѣчник. 2 изд. предисловіе стр. 1.

милліоновъ). Онъ указываетъ, что Сербами себя зовутъ лишь православные сербы, между тѣмъ, какъ сербы, исповѣдующіе магометанскую вѣру, называютъ себя турками, а католики—сербы, живущіе въ Босніи, Герцеговинѣ и въ предѣлахъ австрійской имперіи, какъ въ Хорватіи, Славоніи и т. д., носятъ имена или по мѣсту жительства, какъ напр. католикъ сербъ, въ Дубровникѣ называетъ себя лишь Дубровчаниномъ, или извѣстны подъ прозвищами, какъ напр. въ Бачкѣ зовутся Буньевцы и т. д. — Караджичъ старается отыскать причину, почему самое имя *Серба* сдѣлалось ненавистнымъ для магометанъ и католиковъ сербовъ, и находитъ ее въ религіозной распрѣ и старой борьбѣ двухъ вліяній на сербовъ: католическаго запада и православнаго востока; въ Босніи же присоединяется и гордость дворянина магометанина, не желающаго носить одинаковое имя со своей райей. Въ общихъ чертахъ Караджичъ рисуетъ и социальныя условія жизни сербовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ далматинскаго говора обитателей приморскихъ острововъ, которые, по мнѣнію Караджича, представляютъ остатки стараго хорватскаго населенія, онъ переходитъ къ дѣленію южныхъ славянъ, исключая Болгаръ, на Сербовъ штокавцевъ, мѣняющихъ *л* на *о* въ концѣ слога, Хорватовъ—чакавцевъ, и Славенцевъ—кайкавцевъ, къ которымъ причисляетъ и теперешнихъ Хорватовъ въ округахъ Загребекомъ, Вараждинскомъ и Крижевачкомъ.

Караджичъ, такимъ образомъ, выходитъ изъ тѣснаго круга собирателя народныхъ произведеній и установителя правилъ новаго сербскаго литературнаго языка,—онъ уже ищетъ существенныхъ отличій въ языкѣ сербовъ и хорватовъ и старается найти оправданіе своей ре-

формы въ историческихъ традиціяхъ сербско-хорватской литературы. Съ этою цѣлью онъ приводитъ выписки изъ Рельковича и Канижлича, писателей 18 вѣка, которые, по мнѣнію Караджича, писали на сербскомъ языкѣ болѣе чистомъ, чѣмъ многіе писатели его времени.

Въ Ковчежичѣ Караджичъ даетъ весьма интересное описаніе Боки Которской (27—42), о которой впрочемъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія и въ предисловіи къ цетинскому изданію пословицъ. Но большая половина этой книги Караджича посвящена описанію народнаго быта въ Риснѣ. Онъ пользовался тутъ помощью священника Вука Поповича изъ Рисна. Описывая свадебные и похоронные обычаи въ Риснѣ, онъ приводитъ нѣсколько пѣсень, которыя поются на свадьбахъ, и причитанья („покајнице“) по умершимъ, употребляемыя въ этомъ краѣ. Онъ обратилъ уже вниманіе на приплавки и причитанья въ первомъ томѣ новаго изданія сербскихъ народныхъ пѣсень, *) гдѣ помѣстилъ причитанья Паптровичей, присланныя ему Вукомъ Врчевичемъ. Наконецъ Караджичъ пополнилъ и собраніе *здравлицъ*, т. е. приговоровъ, употребительныхъ у сербовъ на праздники домашней *славы*. Въ первомъ томѣ пѣсень онъ напечаталъ 7 такихъ здравлицъ, употребительныхъ у Паптровичей **), а здѣсь онъ напечаталъ еще 7, употребительныхъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Такимъ образомъ Караджичъ постепенно расширилъ кругъ своихъ занятій. Онъ задумалъ выдѣлить всѣ свои описанія обрядовъ и обычаевъ сербскаго народа, которыя по частямъ попадали и въ его изданія пѣсень, и въ его словарь, въ особую книгу, которая и вышла послѣ его смерти:

*) Изданіе 1841 г., стр. 37—97.

**) *ibidem* стр. 77—84.

Живот и обичаји српскога народа. Караджичъ очевидно готовилъ полное описаніе народныхъ обычаевъ, вѣрованій и преданій, но не успѣлъ пополнить тѣ бѣлыя страницы, на которыхъ онъ озаглавилъ имена и названія предметовъ, которые онъ намѣренъ былъ описать. Такимъ образомъ посмертное изданіе этого труда Караджича представляетъ въ сущности лишь простую перепечатку многихъ мѣстъ изъ Ковчежича, словаря, пѣсенъ и т. д. съ весьма рѣдкими видоизмѣненіями текста и прибавками *). Караджичъ высоко цѣнилъ народные обычаи и давалъ особенную цѣну ихъ сохраненію еще въ 1817 году, разбирая романъ Видаковича „Любомиръ у Елисіуму“. Онъ между прочимъ, сильно нападаетъ на романиста за то, что тотъ описываетъ въ извращенномъ видѣ сербскую *славу* и ея празднованіе. „Нашъ Любомиръ, иронически замѣчаетъ Караджичъ, вѣроятно слышалъ, какъ Доскеей и Рельковичъ нападали на народные обычаи, но не умѣлъ сообразить, что въ этомъ они *напутим*. У всякаго народа самыя святыя — три предмета: вѣра, языкъ и обычаи: этимъ народы одинъ съ другимъ опредѣляютъ свое родство и этимъ же одинъ отъ другаго раздѣляются. Когда народъ потеряетъ эти три святыни, онъ теряетъ и свое имя“ **).

Въ 1841 году Караджичъ началъ новое изданіе сербскихъ пѣсенъ, которое можно разсматривать, какъ совершенно самостоятельное и имѣющее мало сходства съ предшествующимъ: такъ оно отличается богатствомъ матеріала. Въ это время онъ напечаталъ первый томъ сербскихъ пѣсенъ (всѣхъ 793.), въ который вошли однѣ

*) Такъ напр. новая вставка *копаче новаца* (238—299) *сватовски обичаји у Сријему* (стр. 302—322) *Дјевојачка врачања у Сријему* (322—327)

**) Новине српске 1817 г., № 60, стр. 478.

женскія. Мы видѣли, что въ первыхъ изданіяхъ пѣсень Караджичъ иногда измѣнялъ выраженія пѣсень. Теперь, по свидѣтельству Срезневскаго, онъ не позволялъ себѣ никакихъ поправокъ и передѣлокъ въ пѣсняхъ и, свыкшись со складомъ пѣсни и народнаго выраженія, онъ чувствовалъ и инстинктивно угадывалъ всякую прибавку, всякое измѣненіе. Срезневскій рассказываетъ, что онъ однажды читалъ вмѣстѣ съ Караджичемъ „Пѣванія Черногорска и Херцеговачка“ Симы Милутиновича, и Караджичъ, лишь только замѣчалъ, что стихъ или выраженіе передѣланы или что пѣсня поддѣлана, поднималъ голову и восклицалъ: „9, Чубро!“ *) Убѣжденіе, что народныя произведенія должны быть издаваемы въ точности такъ, какъ они существуютъ въ устахъ народа, а затѣмъ тонкое чутье ко всякой поддѣлкѣ и прекрасный опытъ, пріобрѣтенный Караджичемъ въ теченіе почти 30 лѣтъ его дѣятельности, какъ собирателя народныхъ произведеній, оградили его собраніе пѣсень отъ всякихъ фальсификацій и поддѣлокъ.

Второй и третій томы послѣдовали очень скоро: второй вышелъ въ 1845 г., а третій въ 1846 г. Въ нихъ распределены юнацкія пѣсни въ хронологическомъ порядкѣ: во второй томъ вошли пѣсни съ содержаніемъ изъ стараго времени (всѣхъ 101), въ третій — относящіяся къ тому времени (89), когда сербское государство окончательно подпало подъ власть турокъ. Четвертый томъ, вышедшій въ 1862 г., занятъ пѣснями (62), въ которыхъ воспѣваются событія новѣйшей сербской борьбы съ турками, подъ предводительствомъ Кара-Георгія и Милоша. Этотъ томъ посвященъ князю Михаилу Обреновичу, который постоянно

*) Срезневскій стр. 357.

оказывалъ помощь Вуку Караджичу и давалъ ему пенсію.

Послѣ смерти Караджича составленъ былъ редакціонный комитетъ изъ Огнеслава Утѣшеневича, Миллошича и Іована Субботича, который продолжалъ изданіе трудовъ Караджича. Пятый томъ, посвященный пѣснямъ Черногорскимъ (18) изъ временъ новѣйшихъ, и шестой, въ который вошли Герцеговинскія женскія пѣсни, изданы этимъ редакціоннымъ комитетомъ. Последний былъ составленъ Караджичемъ изъ собранія пѣсенъ, переданнаго ему Вукомъ Врчевичемъ, который во многомъ помогалъ ему, какъ говорить самъ Караджичъ въ нѣсколькихъ своихъ изданіяхъ и который извѣстенъ въ Сербской литературѣ, какъ лучший собиратель произведеній народной словесности послѣ Караджича *). Этотъ послѣдній томъ вышелъ въ 1866 году.

Для полноты очерка литературной и издательской дѣятельности Вука Караджича слѣдуетъ упомянуть еще объ одной книгѣ, приготовленной имъ къ печати и изданной въ 1864 г., послѣ его смерти. Дмитрій Владисавлевичъ, бывшій учителемъ въ Триестѣ, перевелъ, по указанію Караджича, съ нѣмецкаго языка краткое введеніе въ исторію для дѣтей. Караджичъ исправилъ этотъ переводъ, упростивъ языкъ и приспособивъ къ пониманію дѣтей различныя свѣдѣнія о людяхъ и землѣ и начальной исторіи человѣчества до Ноя. Эта книга носитъ заглавіе: Приправа за историју свега свијета ради дјеце **).

*) См. Біографическія свѣдѣнія о Вукѣ Врчевичѣ, а также о его дѣятельности въ сербской литературѣ Сриска Зора 1881 г. вып. II, стр. 35—36, Slovinac 1881 г. 144—145.

**) Дмитрій Владисавлевичъ умеръ въ 1858 г. — Караджичъ упоминаетъ

Въ 1872 г. напечатанъ былъ въ Вѣнѣ Deutsch-serbisches Wörterbuch, составленный Караджичемъ.

Вукъ Караджичъ предполагалъ также написать исторію времени Карагеоргія *) и оставилъ много разныхъ начатыхъ трудовъ.

Со времени своего отъѣзда изъ Сербіи въ 1831 г., Караджичъ, женатый на Аннѣ Краусъ, уроженкѣ Вѣны, и самъ сдѣлался почти постояннымъ жителемъ этого города. Но онъ часто пріѣзжалъ въ Сербію и проводилъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ, а также принималъ путешествія и поѣздки по славянскимъ областямъ Австріи, особенно въ мѣста, заселенныя Сербами и Хорватами. Почти каждую весну или лѣто онъ употреблялъ на такія поѣздки, которыя всегда были полезны для его трудовъ, такъ какъ онъ собиралъ матеріалы для своихъ изданій, записывалъ пѣсни, сказки, пословицы и разыскивалъ рукописи и старопечатныя книги какъ мы уже говорили выше.

Въ 1845 году онъ, посѣтивъ Бѣлградъ, принималъ участіе въ засѣданіи Общества Сербской словесности, въ которомъ обсуждался вопросъ о составленіи словаря техническихъ и научныхъ словъ и выраженій. Въ 1841 году два профессора Бѣлградскаго Лицея сдѣлали заявленіе о необходимости найти замѣну для иностранныхъ словъ, все болѣе и болѣе употребляющихся въ сербскихъ книгахъ, а также установить единство въ употребленіи всякихъ терминовъ. Общество начало работы для составленія такого словаря и при этомъ при переводѣ терминовъ держалось русскаго

назетъ о немъ въ Словарѣ sub v. школа, замѣчая, что въ Триестѣ лучшая сербская школа въ Австріи.

*) Объ этомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Надеждину въ 1848 г. Русск. Архивъ, за 1873 г. стр. 1162.

языка: такъ употреблялись слова: двобрачіе, двосупружіе, безбрачность, полковникъ и т. п. Вукъ Караджичъ посовѣтовалъ Обществу обратиться къ изученію исторіи сербскаго языка и искать замѣны для техническихъ иностранныхъ выраженій въ языкѣ народномъ. *) Онъ указываетъ причину, почему сербскіе писатели и ученые не находятъ словъ для терминовъ, въ томъ, что они сами не *думаютъ* по сербски, но по нѣмецки или по латыни **). Общество однако не приняло предложенія Караджича, совѣтовавшаго ему критиковать со стороны языка всѣ выходящія сочиненія на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ изученія исторіи языка и живаго его употребленія, и рѣшило собирать матеріалъ для сербской фразеологіи.

Въ 1848 году Караджичъ принималъ участіе въ Славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ.

Свои связи съ учеными и писателями Караджичъ поддерживалъ весьма старательно. Кромѣ Лукіана Мушицкаго, который принималъ живое участіе и въ реформѣ сербской орфографіи, задуманной Караджичемъ, и въ собираніи народныхъ пѣсенъ, хотя Вукъ впоследствии и отвергалъ это, — съ нимъ былъ особенно близокъ Сима Милутиновичъ Сарайлія, пѣвецъ „Сербіанки“ и наставникъ черногорскаго владыки и знаменитаго сербскаго поэта Петра II Нѣгоша. Караджичъ и Милутиновичъ въ молодости были такъ близки между собою, что мать Симы называла Вука сыномъ. ***)

*) Гласник. I, стр. 10. Писма, стр. 14—30.

**) ibidem стр. 16.

***) Вуков одговор на Утук, стр. 22. Сима Милутиновичъ написалъ motto къ виньеткѣ, приложенной къ первому выпуску пѣснарицы Караджича: Србска мома, ил'а дома и. т. д.

Сима Милутиновичъ, бывший побратимомъ Вука, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Виддинѣ, куда онъ отправился разыскивать своихъ родителей, бѣжавшихъ туда въ 1813 году. Отсюда онъ переписывался съ Вукомъ Караджичемъ, и Лукіанъ Мушицкій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вуку проситъ его написать Симѣ, чтобы онъ собиралъ болгарскія пѣсни и перевелъ какую нибудь сербскую комедію на болгарскій языкъ.*) Разсказывается, что Милутиновичъ условился съ Караджичемъ описать борьбу сербовъ за независимость 1804-1815 гг., при чемъ первый долженъ былъ сдѣлать это описаніе въ стихахъ, а второй въ прозѣ, и дѣйствительно, первая часть Сербіанки появилась одновременно съ первымъ выпускомъ Даницы Вука Караджича (1826 г.), въ которой помѣщено „житије Ајдук-Велька,“ славнаго героя временъ Карагеоргія.***) Но Сима Милутиновичъ не держался ни языка, ни правописанія Вука Караджича: онъ замѣнялъ *j* и *i* вмѣсто *љ* и *њ* употреблялъ *ли*, *ни*, хотя высоко цѣнилъ заслуги Вука Караджича въ сербской литературѣ***). Онъ считалъ Караджича лучшимъ сербскимъ „языкоиспытателемъ“. Когда въ 1847 году въ Обществѣ Сербской Словесности задумывали планъ устройства Архива, въ которомъ были бы собраны документы и свидѣтельства, относящіеся къ новой сербской исторіи, Сима Милутиновичъ внесъ предложеніе, чтобы на

*) Српска Зора за 1877, стр. 30; письмо отъ 7 мая 1817 г. Slovinac, за 1881, стр. 86.

**) Годишњаца Николе Чушѣна. Т. II, стр. 307. статья Св. Вуловича о Симѣ Милутиновичѣ. Въ 1837 г. Милутиновичъ напечаталъ въ Лейпцигѣ исторію Сербіи отъ начала 1813 г. до конца 1815 г.

***) Дјела Јакова Игњатовића. Т. I стр. 258.

должность начальника такого архива былъ приглашенъ Вукъ Караджичъ *).

Къ реформѣ языка и правописанія въ хорватской литературѣ Вукъ Караджичъ относился съ полнымъ одобреніемъ, хотя самого Гая онъ не высоко цѣнилъ **). Подобно Копитару, онъ былъ противъ буквъ съ надстрочными знаками (č, ć, ž, š, ě) и совѣтовалъ ихъ замѣнить новыми придуманными буквами. ***) Станко Вразъ, намѣреваясь въ 1839 г. напечатать первый томъ народныхъ пѣсень, собранныхъ имъ въ Крайнѣ и Штирии, просить Вука Караджича о позволеніи посвятить ему эту книгу. Вразъ познакомился съ сербскими пѣснями въ *нѣмецкомъ* переводѣ и послѣ учился сербскому языку по грамматикѣ Вука Караджича †). Въ 1845 г. Станко Вразъ пишетъ изъ Вѣны Ербену, что онъ бы желалъ „провести всю свою жизнь въ томъ городѣ“, гдѣ живетъ Вукъ Караджичъ: такъ высоко онъ цѣнилъ Вука ††). Около Вука Караджича въ Вѣнѣ собирались лучшіе сербскіе писатели и начинающіе въ то время ученые. Между первыми отмѣтимъ Алексѣя Радичевича, известнаго въ сербской литературѣ подъ именемъ *Бранка Радичевича* (1824—1853), Вукъ Караджичъ особенно высоко

*) Гласник. II, стр. 162.

**) Письма къ Надеждину. Русск. Арх. за 1873, стр. 1158, 1164, 1206.

***) Писма, стр. 23.

†) Српска Зора 1877, стр. 204. Poklč bi u Vašoj gramatici na toliko dotčrao bio, da sam pomoću narečja svoga zavičaja (štajersko-slovenskog) već nekoliko od izvorne 1 knjige (ženske pśeme) razumčeo bio, čitah ju jutrom i vecerom; metah nočju pod uzglavje kanoti kakova satravljena dčvojka list od svoga ljubovnika. O! od Vaših knjigah svaku više čėnim, nego sva ostala sarbeke literature, ako iznimemo deset do dvanajst svezakah.

††) Dčla Stanka Vraza, т. V, стр. 373.

цѣнили дарованія этого такъ рано умершаго поэта. *) Бранко первый между сербскими поэтами окончательно порвалъ всѣ связи съ преданіями ложно классицизма и сталъ писать свои стихотворенія на чисто народномъ языкѣ. Онъ уже въ дѣтствѣ читалъ народные пѣсни въ изданіяхъ Караджича, и первыя его произведенія поражаютъ правильностью и чистотою своего языка. Въ стихотвореніи „Пут“ (Путь) Бранко Радичевичъ осмѣиваетъ враговъ ореографическихъ нововведеній Караджича и защитниковъ з и ѣ и ложноклассическихъ правилъ въ поэзіи, представляя при этомъ Вука подъ видомъ человѣка, одареннаго чудодѣйственною силою и извлекающаго плевелы изъ поля сербской словесности **). Поэтическія произведенія Радичевича показали, на чьей сторонѣ стоитъ молодое поколѣніе Сербовъ въ спорѣ между защитниками старыхъ началъ сербской литературы и Вукомъ Караджичемъ ***).

Молодые ученые слависты видѣли въ Вукѣ Караджичѣ — своего учителя. Срезневскій, Миклошичъ и Даничичъ принадлежали къ кружку Вука, который въ своихъ письмахъ называлъ молодыхъ ученыхъ сербовъ *вученятами*. †) Даничичъ — ученикъ Караджича и ревностный защитникъ всѣхъ его реформъ.

Не смотря на свой разрывъ съ княземъ Милошемъ въ 1831 году, Вукъ Караджичъ всегда оставался однимъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ князя Милоша

*) Явор, 1877, стр. 1355. Письмо дочери Караджича Минны Вукмановичъ къ издателю календаря „Орао“ за 1877 г.

**) Песме Бранка Радичевича. изд. 1878 стр. 74—109.

***) Стоянъ Новаковичъ: Ђуро Даничичъ или Филологија и књижевни језик Српски стр. 8.

†) Русск. Арх. за 1873 стр. 1211 г. въ другихъ мѣстахъ.

и династїи Обреновичей. Когда въ 1843 году были назначены вторичные выборы князя въ Сербїи по требованію Россїи, и Александръ Карагеоргіевичъ долженъ былъ на время сложить княжескую власть, Вукъ Караджичъ прїѣзжалъ изъ Вѣны въ Новый Садъ и убѣждалъ сербскихъ бѣглецовъ, въ то время туда перебѣжавшихъ изъ Сербїи, что великія державы допускаютъ къ выбору въ сербскіе князья лишь князя Милоша или Александра Карагеоргіевича. Онъ былъ на сторонѣ хотя деспотическаго, но прекрасно знавшаго свой народъ князя Милоша. *) Караджичъ, не смотря на свои новаторскія стремленія относительно сербской литературы, убѣждалъ своихъ соплеменниковъ бережно хранить все, что осталось отъ старины и что составляетъ отличительныя черты сербской народности. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ, что сербы должны сохранить свою народную одежду, и при этомъ ссылается на примѣръ „теперешнихъ родолюбцевъ въ Россїи“, которые обвиняютъ Петра Великаго въ томъ, что онъ заставилъ образованный классъ народа оставить свое національное платье. Онъ не видитъ нужды въ томъ, чтобы чиновники по платью отличались отъ остальнаго народа, и утверждалъ, что войска должны носить народное платье. — Самая реформа въ сербскомъ литературномъ языкѣ и вся дѣятельность Вука Караджича можетъ быть объяснена лишь его преданностью своей народности. Онъ называетъ свою дѣятельность „служеніемъ славянству на поприщѣ сербской литературы“. *)

*) Нилъ Поповъ. Россія и Сербія, II, стр. 220.

**) Русс. Арх. за 1873 стр. 1208. — Письмо Караджича къ князю П. А. Ширинскому — Шихматову, когда онъ сталъ Министромъ Народнаго

Въ 1863 году въ Дмитріевъ день (26 Октября) Вукъ Караджичъ праздновалъ пятидесяти-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности и со слезами слушалъ привѣтствія молодаго поколѣнія сербовъ, оцѣнившаго его стремленія и принявшаго его нововведенія. Вскорѣ послѣ юбилея онъ ѣздилъ, по порученію сербскаго князя Михаила, въ Черногорію, на возвратномъ пути оттуда онъ заболѣлъ и, пріѣхавъ въ Вѣну уже больной, умеръ 26 Января 1864 г. Надъ его могилой на Марксовомъ кладбищѣ воздвигнуть памятникъ со скромной надписью: „Вук Стеф. Караџић. 1864.“ — Караджичъ умеръ въ то время, когда всѣ препятствія, стоявшія на пути его дѣятельности, были уже устранены, и когда его реформа и сербскаго литературнаго языка, и сербской орфографіи почти не встрѣчала враговъ среди сербскихъ писателей. Правда, нѣкоторыя ограниченія въ употребленіи *вуковицы* въ Сербскомъ княжествѣ еще существовали, но они были лишь временныя и, какъ выше сказано, въ 1868 году вуковица получила въ Сербіи полное господство. Вукъ Караджичъ былъ на столько счастливъ, что онъ видѣлъ побѣду всего того, что онъ такъ заботливо и такъ послѣдовательно проповѣдывалъ всю свою жизнь.

Прослѣщенія. Караджичъ въ это время чрезъ Надеждина и другихъ хлопоталъ объ увеличеніи ему русскои пенсіи со 100 на 300 червонцевъ.

Г Л А В А III.

**Значеніе Вука Караджича въ сербской литературѣ.
Его предшественники и исторія реформы сербскаго
литературнаго языка и сербской орфографіи.**

Историки сербской литературы обыкновенно разсматриваютъ Вука Караджича, какъ явленіе исключительное, какъ дѣятеля вполне оригинальнаго, не имѣвшаго своихъ предшественниковъ. Патріотическая гордость сербо-хорватскихъ ученыхъ, вполне понятная и оправдываемая при нынѣшнемъ положеніи сербскаго племени, боится уменьшить великую славу и значеніе этого замѣчательнаго преобразователя сербскаго литературнаго языка и сербской азбуки, признаніемъ того факта, что предшественники Вука Караджича намѣтили уже путь для всѣхъ его нововведеній и что многія его положенія и аргументы, которыми онъ защищалъ свое дѣло отъ своихъ противниковъ, были имъ заимствованы у предшествовавшихъ ему сербскихъ писателей. Самое вліяніе Копитара на Вука Караджича и его участіе въ реформаторской дѣятельности послѣдняго еще далеко недостаточно оцѣнено.—Въ противникахъ Вука Караджича историки сербской литературы видятъ людей безъ всякихъ знаній, даже безъ способности пониманія, тупыхъ филистеровъ или безразсудныхъ консерваторовъ, которые видѣли лишь ересь въ буквѣ j, вве-

денной Караджичемъ въ сербскую азбуку, и которые сами не понимали тѣхъ основаній, на коихъ они защищали старое правописаніе и прежній языкъ сербской книги. *) Но если побѣда, какъ естественно было ожидать, осталась за новыми началами національной сербской словесности, такъ блестяще защищаемыми Вукомъ Караджичемъ и при томъ во время возрожденія сербской государственной жизни, то нельзя не признать, что эта побѣда досталась дорогою цѣною: она уединила Сербовъ и ихъ литературу въ средѣ восточнаго славянства, не давъ имъ въ замѣнъ опоры въ славянствѣ западномъ, и безъ того раздѣленномъ на многія мелкія единицы, на что имѣнно и указывали нѣкоторые изъ противниковъ Вука Караджича; она предоставила сербскую литературу, и въ наше время, весьма слабую и бѣдную, всѣмъ случайностямъ, оставивъ ее беззащитною предъ усиливающимся вліяніемъ западно-европейскихъ литературъ, при чемъ и самый языкъ, и способъ выраженія сербской книги подвергается вліянію не русско-славянскому, а нѣмецкому, французскому и даже мадьярскому.

Какъ собиратель и издатель народныхъ пѣсенъ и вообще народныхъ произведеній, Вукъ Караджичъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми дѣятелями новаго времени въ этой области во всѣхъ славянскихъ литературахъ. Если не считать его предшественниками дубровницкихъ писателей XVI и XVII вѣковъ, какъ Гекторовича и Бараковича, которые иногда вносили въ свои сочиненія народныя пѣсни, и „Разговоръ угодни“ Качича-Миошича XVIII в., то Вукъ Карад-

*) Стоянь Новаковичъ. Историја српске књижевности стр. 228. Ягичъ, Književnik, I, стр. 467.

жичъ занимаетъ и по времени первое мѣсто между собирателями сербскихъ пѣсенъ. Вукъ Караджичъ, тѣсно связанный съ живымъ источникомъ народной пѣсни — селомъ и народомъ, богато одаренный отъ природы, инстинктивно умѣлъ опредѣлить цѣну каждого изъ произведеній народной словесности. Онъ не издавалъ всего, что получалъ отъ другихъ или самъ записывалъ, потому что умѣлъ найти въ массѣ матеріала именно то, что имѣетъ дѣйствительно высокую цѣнность. Близко знакомый съ жизнью сербскаго народа, онъ зналъ цѣну народныхъ обычаевъ и преданій, умѣлъ описать и записать ихъ и при томъ такъ просто, такъ ясно, что его изданія даютъ вѣрное и точное понятіе о сербской жизни и сербскихъ нравахъ. Его изданія народныхъ произведеній сверхъ того оказали большую услугу Сербамъ и чисто политическаго свойства: сербскія народные пѣсни привлекли общее вниманіе западной Европы къ этому славянскому племени, которое тогда отстаивало свои права на самостоятельность. Оцѣнка дѣятельности Вука Караджича въ этомъ отношеніи, а также и критическій разборъ его сборниковъ народныхъ произведеній не входитъ въ планъ этого моего труда. Замѣтимъ одно: позднѣйшіе собиратели и издатели сербскихъ народныхъ пѣсенъ не могли сравняться съ Вукомъ Караджичемъ въ отношеніи точности и систематичности изданія.

Вторая заслуга Вука Караджича состоитъ въ томъ, что онъ создалъ сербскую національную литературу, съ одной стороны сдѣлавъ народный сербскій языкъ — языкомъ книжнымъ и очистивъ его для этой цѣли отъ всѣхъ чужихъ, неживыхъ элементовъ, съ другой опредѣливъ извѣстное единообразіе въ самомъ правописа-

ни, до тѣхъ поръ зависѣвшемъ почти исключительно отъ прихоти писавшаго. Провозгласивъ лишь правило: пиши, какъ говоришь, Караджичъ не могъ бы создать сербскаго литературнаго языка, — онъ долженъ былъ выработать и подходящее правописание, которое однако давало бы возможность держаться этого правила, и указать правила для правильной рѣчи. Поэтому орфографическая реформа Вука Караджича тѣсно связана съ возведеніемъ живаго сербскаго языка на степень языка литературы. Караджичу предстояло сдѣлать выборъ между сербскими говорами, и въ началѣ онъ выбралъ для сербской книги говоръ восточный, но очень скоро замѣнилъ его южнымъ или герцеговинскимъ. Этотъ его выборъ однако не рѣшилъ вопроса, и большинство сербскихъ писателей настоящаго времени пущутъ говоромъ восточнымъ. „Рѣчник“ Вука Караджича опредѣлилъ матеріальное богатство сербскаго языка, а грамматика, приложенная къ первому изданію Словаря, положила начало изученію сербскаго живаго языка со стороны формы.

Первые учителя, пришедшіе изъ Россіи въ Бѣлградъ, Карловцы и Новый Садъ, первая славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, введенная ими въ сербскихъ школахъ, и церковныя книги русской печати, которыя привозились ежегодно русскими купцами на ярмарку, вѣроятно въ Адріанополь*), и отсюда расходились по церквамъ православнаго югославянства, — все это надолго закрѣпило господство русскаго церковно-славянскаго языка среди всего югославянства. Онъ сдѣлался языкомъ и обыкновенной свѣтской литературы. На немъ переписывались между собою образо-

*) Соларичъ. Поминакъ книжескій, стр. 58.

ванные люди, на немъ печатались учебныя и ученыя сочиненія, на него переводились даже иностранныя произведенія беллетристическія. Самое начертаніе церковно-славянскоѣ азбуки представлялось священнымъ тогдашнему грамотному Сербу, а введеніе гражданскаго алфавита казалось профанаціею и оскорбленіемъ литературы. Но уже Орфелинъ началъ вводить гражданскій шрифтъ въ сербскую печать.

Его „Славено-сербскій Магазинъ“ (1768) и по языку можетъ быть названъ первою сербскою книгою, хотя онъ умѣлъ такъ выражаться, что *Магазинъ* можетъ казаться написаннымъ русскимъ языкомъ половины прошлаго столѣтія. Но въ этой книгѣ Орфелина мы находимъ род. прил. *сербскогъ*, форму мѣстоим. *нѣму*, *нѣгово*, нарѣч. *садъ*, выраженія: *све наредбе* и *распоредке* (стр. 33), дабы у исполненію по *онима* не *потакнуосе* (стр. 33), обаче *никакавъ* подчиненный *нѣ обвезанъ* исполнявати и т. д. Въ букварѣ, вышедшемъ не позже 1768 г. и приписываемомъ Орфелину, даже указываются неудобства при обученіи дѣтей грамотѣ слѣдовать старому способу обученія по *азамъ* и при этомъ дается совѣтъ употреблять звуковой методъ и передвижныя буквы. — Это былъ смѣлый шагъ въ то время.

Первый сербскій, писатель поднявшій свой голосъ въ защиту правъ сербскаго языка на литературу, былъ Досиѣей Обрадовичъ. Въ 1783 г. онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ свою первую книгу *Жизнь и приключенія*, въ которой языкомъ по возможности чисто сербскимъ онъ изложилъ свои приключенія, съ тою цѣлью, какъ онъ объясняетъ, чтобы дать „прикладъ“ ученымъ „моего народа“ писать и печатать сочиненія на „прос-

томъ діалектѣ“ *). Въ предисловіи онъ объясняетъ, что его сочиненіе будетъ написано на чисто сербскомъ языкѣ, такъ чтобы его могли понимать всѣ „сербскіе сыны и дочери отъ Черногоріи до Смедерева и до Баната“. Указывая на примѣръ „просвѣщенной Европы“, Досиѳей приглашаетъ сербскихъ писателей усовершенствоваться сербскій живой языкъ такъ, чтобы на немъ могли издаваться сочиненія объ ученыхъ предметахъ, которыя такимъ образомъ сдѣлаются доступными пониманію всѣхъ, не однихъ только знакомыхъ съ книжнымъ языкомъ. „Какая намъ польза отъ языка, который въ цѣломъ народѣ понимаетъ, какъ слѣдуетъ, изъ десяти тысячъ лишь одинъ человѣкъ и который чуждъ матери моей и сестрамъ?“ восклицаетъ Досиѳей. Онъ однако не отрицалъ значенія „старого“, т. е. церковно-славянскаго языка: съ помощью стараго, говоритъ онъ, новый языкъ постоянно будетъ улучшаться. Успокоивая читателей, что языкъ *старый* не пропадетъ вслѣдствіе введенія въ книгу *живаго сербскаго* языка, Досиѳей Обрадовичъ ссылается на примѣръ „Москалей“, которые „всѣ свои лучшія книги пишутъ на своемъ діалектѣ и печатаютъ гражданской азбукою“ *). Сообразно съ этимъ отступленіемъ отъ обычнаго литературнаго языка, Досиѳей Обрадовичъ долженъ былъ отступить и отъ обычной орфографіи. Онъ почти совсѣмъ пересталъ употреблять *ѣ* и *ѣ*, замѣтивъ, что въ сербскомъ языкѣ они не имѣютъ того значенія, которое имъ дается въ языкѣ русско-славянскомъ. Онъ перемѣшалъ эти знаки, такъ какъ сербы произносятъ слово *нутъ*, какъ *нутъ*, не обращая вниманія на *ѣ*, и *ѣ*

*) Животъ и приключенія изд. Вазаровича Т. I, стр. 120.

**) *ibidem*, XIII—XVII.

совершенно исключилъ изъ своей азбуки, потому что его „у насъ нѣтъ“ *).

Но этотъ разрывъ съ преданіями церкви и съ господствовавшимъ тогда въ сербской письменности церковно-славянскимъ языкомъ не могъ совершиться такъ скоро и рѣшительно. Самъ Досиѳей Обрадовичъ, касавшійся въ своихъ сочиненіяхъ вопросовъ философскихъ и богословскихъ, не могъ обойтись безъ помощи языка русско-славянскаго. Причина этого, конечно, лежала въ самой неприспособленности сербскаго языка къ литературѣ, и поэтому, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ проф. Ягича, объяснявшаго, между прочимъ что языкъ въ сочиненіяхъ Досиѳея Обрадовича не достигъ той ступени, на которой онъ могъ бы быть названъ *чисто-народнымъ*, — незнакомствомъ Досиѳея съ хорватскою литературою Далмаціи и Славоніи**). Хорватская литература, современная Досиѳею, немногимъ превосходила сербскую, а впоследствии и сами хорваты приняли сербскій языкъ въ свою литературу, сдѣлавъ въ немъ лишь нѣкоторые видоизмѣненія. Досиѳей употреблялъ нѣкоторые русско-славянскія слова и выраженія, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не находилъ для нихъ удобной замѣны въ языкѣ сербскомъ ***). Нарѣчіе сербскаго языка, которымъ писалъ Досиѳей, было восточное или сремское.

Примѣръ Досиѳея Обрадовича нашелъ своихъ послѣдователей, но не увлекъ всѣхъ сербскихъ писателей. Если съ одной стороны мысль Досиѳея о литературѣ

*) Собр. сочин. Дос. Обр. Т. II, стр. 121.

**) Književnik Т. I, стр. 453.

***) *ibidem*. стр. 454—455. Проф. Ягичъ указываетъ важнѣйшіе слѣды вліянія русскаго и церковно-славянскаго языка въ сочиненіяхъ Досиѳея Обрадовича.

на народномъ языкѣ, которая такимъ образомъ послужить скорѣйшему просвѣщенію сербскаго народа, должна была найти отзывъ въ средѣ патріотическихъ сербскихъ писателей, то съ другой стороны нападки Досіея на монашество и духовенство, въ связи съ рационалистическимъ направленіемъ всѣхъ его сочиненій и разрывомъ съ языкомъ церковно-славянскимъ, удерживали тѣхъ же патріотовъ отъ подраженія его примѣру. Къ тому же, именно въ это же время, австрійское правительство стало искать способовъ вытѣснить кириллицу изъ сербскихъ книгъ и замѣнить ее латиницей. Въ царствованіе Маріи Терезіи было издано нѣсколько указовъ о томъ, чтобы изъ школъ *греко-несоединеннаго* т. е. православнаго вѣроисповѣданія былъ постепенно удаленъ кирилловскій алфавитъ, которому отводилось мѣсто лишь въ церковныхъ книгахъ, и замѣненъ „славонскими письменами,“ т. е. латиницей *). Въ 1784 году былъ изданъ указъ на имя Архіепископа и Митрополита Карловацкаго Мойсея Путника, въ которомъ называется *злоупотребленіемъ* обученіе дѣтей въ школахъ языку церковному, который можетъ употребляться лишь въ церковной службѣ и долженъ считаться бесполезнымъ и мертвымъ (*pro inutili ac mortuo reputari debet*) и приказывается печатать учебныя и свѣтскаго содержанія книги языкомъ простымъ, илирскимъ и буквами латинскими (*alii vero libri scholastici et profani dialecto vulgari, illyrica cultiori et characteribus Latinis typis excudantur*) **). Хотя благодаря ходатайству митрополита у императора Іосифа II и удалось пріостановить исполненіе этого правительственнаго распоряженія, но подозрѣніе въ томъ, что дѣло идетъ

*) Гласник I, стр. 131.

**) *ibidem*, стр. 136.

о насильственномъ совращеніи православныхъ сербовъ въ католицизмъ, могло найти въ подобномъ указѣ лишь явное доказательство прозелитическихъ стремленій австрійскаго правительства. Послѣ этого понятно, что немногіе писатели рѣшались послѣдовать примѣру Досифея Обрадовича, печатать свои произведенія на языкѣ сербскомъ и дѣлать отступленія отъ славяно-русской орфографіи. Архимандритъ Раичъ написалъ свою „исторію разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ,“ (1794—1795 г.) на славяно-русскомъ языкѣ, который значительно ближе къ языку русскихъ писателей половины XVIII вѣка, чѣмъ языкъ въ „Славено-сербскомъ Магазинѣ“ Орфелина (1768 г.), хотя онъ же напечаталъ „Бой змая съ орловы,“ на языкѣ сравнительно чистомъ отъ славянизмовъ. Такимъ образомъ русско-славянскій языкъ церковныхъ книгъ сдѣлался особенно дорогимъ достояніемъ православныхъ сербовъ, какъ знакъ православія и народности,—и введеніе народнаго языка въ сербскую литературу должно было встрѣтить особыя затрудненія.

Но и въ эту пору появлялись въ сербской литературѣ писатели, которые осмѣливались издавать сочиненія на языкѣ народномъ. Къ числу такихъ принадлежитъ Янковичъ, который въ 1789 издалъ въ Лейпцигѣ первую оригинальную комедію „благодарный сынъ“ гражданскимъ шрифтомъ, а въ Пештѣ въ томъ же году церковно-славянскимъ переводъ нѣмецкой комедіи Старка „Злой отецъ и негодный сынъ“. Обѣ эти комедіи написаны на сербскомъ языкѣ, на столько чистомъ, что въ этомъ отношеніи Янковичъ можетъ быть названъ вполне справедливо предшественникомъ Караджича *).

*) Терговци, комедія у три акта приведена с' италіанскогъ изъ Карла

Еще раньше (1787) онъ перевелъ на сербскій языкъ и напечаталъ гражданскимъ шрифтомъ въ Лейпцигѣ комедію Гольдони „Терговци“. Но Янковичъ никакъ не могъ совладать съ правописаніемъ, которое не соотвѣтствовало потребностямъ новаго въ литературѣ языка.

Между выдающимися послѣдователями Досиеея Обрадовича обыкновенно называютъ Павла Соларича, одного изъ ученыхъ сербовъ начала текущаго столѣтія. Соларичъ (1781 — 1821) писалъ о разныхъ предметахъ, попреимуществу же извѣстенъ, какъ составитель первой Географіи на сербскомъ языкѣ и переводчикъ философско-поучительныхъ сочиненій. Онъ писалъ на языкѣ сербскомъ, но съ значительно большею примѣсью русско-славянскихъ выраженій, чѣмъ его учитель Досиеей Обрадовичъ, котораго онъ особенно высоко цѣнилъ за содержаніе его сочиненій. Языкъ въ сочиненіяхъ Соларича далеко не всюду одинаковъ: такъ въ „Землеописаніи“ Соларичъ старается избѣгать славянскихъ выраженій, а въ такихъ сочиненіяхъ, какъ „Букварь Тріазбучный“ (1812 году) и „Римляни славенствовавшіи“ (1818), которыя при томъ напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, онъ болѣе держится языка и правописанія церковныхъ книгъ. Соларичъ считалъ русскій церковно-славянскій языкъ *ветхимъ сербскимъ*, какъ было сказано выше, но при-

Гольдониини. Комедіа отъ Е. Јанковича, студента Медицине. Щампано у Ланцигу. У типограѣи госп. Тапбеля. 1787 године. — Въ предисловіи къ ней Јанковичъ между прочимъ говоритъ: Италианска имена персона ове комедіе нисамъ хотео са Српскимъ променути, аъ з њиме, било Италианско или српско, а друго опоминѣмъ дасе нисамъ непрестано италианскогъ аутора речи держао него кадъ кадъ ицелу конструкцію променуо, за датнои српски јикъ. Аџо нисамъ (писао) у славенскимъ негъ у матернимъ Језику, то њими сваки опростити, кадъ помисли, да я нисамъ Славјиниъ негъ Србљиниъ, и да не пишемъ за Славјане, негъ за Србљѣ.

знавалъ существованіе и славянскаго языка „перваго кроа“, по его выраженію *), между тѣмъ какъ *ветхо-сербскій*, наравнѣ съ латинскимъ и греческимъ, онъ причисляетъ къ языкамъ „второго кроа“. Онъ требуетъ чтобы всякій писатель, священникъ и учитель хорошо зналъ этотъ *сербскій ветхій* языкъ, при чемъ признаетъ его удобнымъ и для свѣтской литературы **), но въ то же время, по его мнѣнію, народъ долженъ получать просвѣщеніе на родномъ, новомъ сербскомъ языкѣ, за которымъ Соларичъ признаетъ, какъ его отличительную черту, особенную мягкость, приравнивающую его къ итальянскому. Въ другомъ сочиненіи Соларичъ замѣчаетъ: „всякому свой языкъ, будь онъ мягкій или грубый, кажется самымъ удобнѣмъ и самымъ лучшимъ, — это естественно; но говоря безпристрастно, какъ между коренными языками, такъ и между нарѣчіями одного кореннаго языка одно должно одержать побѣду надъ всѣми другими. Между нарѣчіями языка славянскаго россійское въ письменности самое совершенное, а сербское самое мягкое“ ***). Онъ обращается къ сербскимъ писателямъ съ воззваніемъ

*) Римл. Слав. стр. 56.

**) Сравни Литоп. Мат. Серб. за 1826, № 6 стр. 196. Въ письмѣ къ Байчевичу (отъ 17 іюля 1814 г.) Соларичъ, высказывая ту же мысль о церковно-славянскомъ языкѣ, замѣчаетъ, что русская гражданская азбука недостаточна и хуже славянской. „Гражданскую азбуку сербовъ доваѣваше присвоити у Букварѣхъ и не далше“. Сербы не любятъ этой азбуки, и въ Далмаціи Сербскія Новины, выходявшія въ Вѣнѣ, не имѣли читателей, потому что печатались гражданскимъ шрифтомъ.

***)) Улог ума человѣческаго с'ѣмцакаго преведен Павломъ Соларичемъ, 1808. стр 159. Соларичъ въ этой книгѣ (182 стр.) доказываетъ излишность буквы *ѣ* въ Сербской азбукѣ, такъ какъ народъ. выговариваетъ *ѣ*, какъ *е*, и между прочимъ замѣчаетъ, что слово *грамматика* слѣдуетъ перевести *письменица*, географія — *землеопиоаніе*, *Фрсіка* — *Эстетосеница* и т. д.

составить словарь и грамматику, которые введутъ единообразіе въ говорѣ и письмѣ. Но онъ замѣтилъ, что употребляемыя имъ многія слова, какъ славянскія, такъ и чисто сербскія, непонятны читателямъ, и потому къ нѣкоторымъ изъ своихъ сочиненій онъ приложилъ маленькіе словари, въ которыхъ попадаются объясненія словъ чисто сербскихъ, какъ напр. *надничар*, и въ оригинальной формѣ, какъ *сталиш* (обыкновен. серб. *сталеж*) и русскихъ, какъ нравъ, мошенничество, *насъкомо* и т. д. *).

Если Соларичъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ того практическаго духа, который такъ отличаетъ всѣ сочиненія Досисея Обрадовича, то съ другой стороны онъ не показалъ и того умѣнія владѣть живымъ языкомъ, какое поражаетъ въ сочиненіяхъ перваго.

Раньше, чѣмъ началъ Соларичъ свою дѣятельность въ сербской литературѣ, другой сербскій писатель Терлаичъ издалъ книгу: Забавленіе одинаго лѣтнаго утра или удивленіе естественнымъ красотамъ (1793) **), въ которой въ качествѣ пополненія или приложенія онъ напечаталъ весьма характерную статью: Увѣщаніе представляющее Серблемъ причино—побужденія къ присвоенію себѣ Славянскаго языка своего. Отдавая все уваженіе Обрадовичу какъ „преславному первопроевѣтителю рода“ Сербскаго***), Терлаичъ доказываетъ необходимость сохранить для сербской литературы и *Славянской языкъ*. Свое сочиненіе онъ начинаетъ восхваленіемъ

*) *Сверх Воспитанія к челоуколюбію*. У Венеціи. 1809, стр. 165 — 173. Улог ума челоу. стр. 164—176.

**) Переводъ съ нѣмецкаго *Николаи*, см. Шафарикъ *Geschichte des Serbischen Schriftthums*, стр. 397.

***) *Забавленіе* и т. д. стр. 67.

богатства и красота славянскаго языка, подъ которымъ онъ понимаетъ языкъ русскихъ церковныхъ книгъ, и затѣмъ доказываетъ, что славянскій языкъ понятенъ всякому сербу. Онъ старается опровергнуть тѣ упреки, которые сдѣлалъ Досиѣей Обрадовичъ современнѣмъ сербскимъ писателямъ, призывая ихъ писать на понятномъ народу сербскомъ языкѣ. Терлаичъ признаетъ славянскій языкъ болѣе удобнымъ для произведеній науки во 1) потому, что „простой языкъ зѣло недостаточенъ есть“, во 2) что „съ простымъ языкомъ, понеже его никто кромѣ насъ не разумѣть, въ тѣснѣмъ и темнѣмъ предѣлѣ нашемъ оставшеся, останемъ, яко же и до днесъ есмы, темны и забвенны во очію всѣхъ прочихъ во Европѣ народовъ“ *). При этомъ онъ указываетъ, что сербскій языкъ понятенъ лишь немногимъ непросвѣщеннымъ „народамъ“, а сохранивъ славянскій языкъ, „Россійскія книги“ много могутъ содѣйствовать просвѣщенію сербскаго народа, и русскіе будутъ понимать произведенія сербскихъ писателей. Славянскій языкъ представлялся Терлаичу вполне обработаннымъ и удобнымъ для „высокой матеріи“, между тѣмъ какъ простой сербскій языкъ нуждается въ обработкѣ, быть можетъ, въ теченіе столѣтій, чтобы стать удобнымъ для употребленія въ сочиненіяхъ науки. Онъ предполагаетъ, что на народномъ языкѣ придется „въ началѣ низшія науки писать, то есть таковыя, яже ко увеселенію паче кратковременному, или къ внѣшнему благоображенію читателей служить“, и потому естественно для остальныхъ отраслей литературы слѣдуетъ оставить славянскій языкъ. Возражая

*) ibidem стр. 64.

на то замѣчаніе, что народъ скорѣе просвѣтится, если писатели станутъ употреблять въ своихъ сочиненіяхъ языкъ простаго народа, Терлаичъ замѣчаетъ, что нужна постепенность и въ этомъ отношеніи. Онъ говоритъ, что слѣдуетъ заботиться о просвѣщеніи „вящей“ части народа на славянскомъ языкѣ и выражаетъ надежду, что придетъ время, когда по славянски станутъ читать „и саміи пастыре въ невинныхъ и благощастливыхъ колибахъ своихъ“. Досиеей Обрадовичъ указывалъ на примѣръ Французовъ, Итальянцевъ и Русскихъ, употребляющихъ языкъ народный въ литературѣ, какъ на достойный подраженія со стороны Сербовъ,—Терлаичъ пользуется этимъ примѣромъ и доказываетъ, на примѣръ нѣмцевъ, что литературный и разговорный языкъ у нихъ значительно разнятся между собою, и что разница между ними значительно большая чѣмъ между славянскимъ письменнымъ и сербскимъ — разговорнымъ. „Нѣмцы пишутъ, замѣчаетъ онъ, ихъ хабе гезагтъ, а просто говорятъ: і аб' ксоктъ“, и перечисляетъ нѣсколько словъ, употребительныхъ лишь въ письменномъ языкѣ нѣмцевъ, непонятныхъ и неизвѣстныхъ простому народу. — Онъ справедливо замѣчаетъ, что для пониманія „высокописанныхъ книгъ“, подъ которыми онъ разумѣетъ, между прочимъ, и сочиненія философскія слѣдуетъ имѣть „великое искусство, пространная же о вещахъ понятія“.

Терлаичъ приводитъ образцы славянскаго и сербскаго языковъ, при чемъ отдаетъ предпочтеніе славянскому.

Такимъ образомъ, Терлаичъ въ своемъ возраженіи, очевидно направленномъ противъ Досиеея, указываетъ и на возможное единство литературнаго языка въ русской и сербской литературѣ, если сербская начинающая тогда литература, останется при употребленіи славян-

скаго языка. Онъ признаетъ, что между языкомъ живымъ разговорнымъ и языкомъ книги всюду существуетъ разница, что у Нѣмцевъ или у Французовъ, у которыхъ „гражданинъ Парижскій селянина нимаго не разумѣетъ“, много самыхъ различныхъ говоровъ, смотря по мѣстностямъ и что разница между ними значительно больше, чѣмъ между языкомъ Сербъ и его славянской книги. Такъ рѣшительно высказавшись за сохраненіе за славянскимъ языкомъ его литературнаго значенія, Терлаичъ и не касается вопроса о правописаніи. Свою книгу онъ написалъ не только на своеобразномъ языкѣ, но и издалъ церковнымъ шрифтомъ. Это было его первое сочиненіе.

Ко времени выступленія Вука Караджича въ сербской литературѣ, слѣдовательно, выяснилось два направленія въ разрѣшеніи вопроса о сербскомъ литературномъ языкѣ: одни видѣли необходимость сдѣлать его болѣе народнымъ, хотя еще не рѣшались отказаться и отъ славянскаго языка, какъ напр. Соларичъ, другіе же твердо держались убѣжденія, что развитіе сербской литературы возможно лишь на языкѣ русско-церковно-славянскомъ, за которымъ признавалось даже имя „Сербскаго ветхаго“ языка.

Но Соларичъ уже понималъ, что необходимо регулировать новый литературный языкъ, и надѣялся, что при помощи грамматики и словаря введется единообразіе языка у сербскихъ писателей. И поэтому, онъ заявляетъ о необходимости составить словарь и грамматику сербскаго языка.

Между тѣмъ сербскіе писатели стали каждый по своему мѣшать сербскія слова и формы со славяно русскими, пользуясь въ этомъ отношеніи полною свобо-

дою, не ограниченной никакими правилами, никакою мѣркою. Если бы въ сербской литературѣ явился свой Ломоносовъ, онъ бы, быть можетъ, указалъ предѣлы этой смѣси, но между сербскими учеными и писателями того времени не было ни одного, которому бы пришлось по силамъ такая задача.

Въ церкви, въ школѣ, въ официальныхъ сношеніяхъ между собою какъ у сербовъ австрійскихъ, такъ и у сербовъ задунайскихъ употреблялось смѣшеніе сербскаго и церковно-славянскаго языковъ, въ которомъ однако давался перевѣсъ послѣднему составному элементу. Въ произведеніяхъ свѣтской литературы и даже въ поэзіи и въ стихахъ всякій изъ писателей дѣлалъ это смѣшеніе по своему вкусу, по своему произволу.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ сербскихъ писателей и патріотовъ стали указывать, что необходимо образовать двѣ литературы, два литературныхъ языка у Сербовъ, чтобы представилась наконецъ возможность выйти изъ этого лабиринта произвольнаго смѣшенія выраженій, словъ, формъ и установить какое нибудь общее правило орѳографіи. Лукіанъ Мушицкій сталъ пѣть свои оды на сербскомъ и славянскомъ языкахъ и въ „Гласѣ Народолюбца“ *) указываетъ необходимость „книжества славенскаго“ и „книжества сербскаго“ съ двумя языками. Но онъ явился и поздно, и неудачно со своими „славянскими“ одами, уже повѣяло новымъ духомъ въ сербской литературѣ.

Къ этому факту полнѣйшей неурядицы въ языкѣ сербской литературы относится извѣстное восклицаніе Кентельца: у насъ книги по правиламъ бабы Смиляны

*) Ода напечатана въ первый разъ въ Сербскихъ Новинахъ за 1819 г. № 44.

пишутся *). Кенгелацъ не былъ на сторонѣ тѣхъ писателей, которые желали писать такъ, какъ говорятъ. Онъ называетъ языкъ современныхъ ему сербскихъ

*) Естествословіе. Павломъ Кенгэльдомъ архимандритомъ Свято-Георгіевскимъ сочиненное. Въ Будинѣ Градѣ. 1811. Печатано церковно-славянскимъ шрифтомъ. Кенгелацъ писалъ по церковно-славянски. Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ, между прочимъ, такъ оправдываетъ свой языкъ: Аще тако книги писати будемъ, якоже нѣцми нынѣшняго вѣка книжники ниже славянски, ниже сербски, но тако да реку: славено-сербско-нѣмецко-мадѣаро-турско-цыгански, и Богъ единъ вѣсть, какова реченія въ своя книги спряташа, и написаша, то всегда останемъ, еже есмь, сирѣчь на послѣднемъ степени языкораспространенія и оукрашенія, и никогда инымъ языкъ свой паче и паче оукрашающимъ просвѣщеннымъ народомъ оуравнимся. Людѣ лстается, иже мнятъ, яко славянину не можетъ все то на своемъ языкѣ списати и рещи, еже Еллинъ, Латинъ, Галліанинъ, Британинъ и Нѣмецъ на своихъ языкѣхъ списаша и рѣша. Не училися матерней, но странноязычній грамматицѣ, и не члиа своя, но странныя книги: и того ради скудоязычии въ своемъ языкѣ остаа. Гдѣ суть тіа славянскія книги? вопросити мя кто можетъ. Шедъ въ церковь, и обрящещи тамо многое множество оумоудрити тя могущихъ книгъ, оуише мало, и мудрѣ паче многихъ суесловнаго содержанія преводовъ, въ нынѣшнемъ вѣдѣ славянски списанныхъ и преведенныхъ. Латинскаго языка кромѣ, иже единъ неправильно говорити не теритъ, вси прочіи народи погрѣшно говорятъ, обаче книгописатели, не обовражающе, како простый людѣ говорятъ, но како правила языка взыскують, тако пишутъ. Аще бы кто, на прикладъ, нѣмецки онако писалъ, яко же обыкновеніи говорится, оубо бы и проста нѣмецка баба книги писати могла. Тако изды нашего рода книжники книги своя списавше, вѣдцемъ книжническимъ оу люда оувѣнчашася, и суетную похвалу оулоучиша. Вси народи и сами язычници книги свои по граматіейскимъ прывиламъ списаша, оу насъ по правиламъ бабы Смиаяны пишутся.“

И такъ Кенгелацъ, раньше Вука Караджича (Писма, стр. 16 и 17), видѣлъ существенную помѣху для развитія литературнаго сербскаго языка въ отсутствіи національной школы. Но Кенгелацъ былъ того мнѣнія, что языкъ народа, который казался ему неправильнымъ, не можетъ быть языкомъ книги, а лишь языкъ книги церковной, языкомъ славянскій, представлялся ему достойнымъ сдѣлаться книжнымъ языкомъ въ сербской литературѣ.

Біографическія свѣдѣнія о Кенгельцѣ смотри въ приложеніи.

писателей „славено-сербо-нѣмецко-мадьяро-турско-цыганскимъ“ и указываетъ на языкъ церкви, какъ на такой, который имѣетъ и правила, и грамматику, и сочиненія, достойныя вниманія и изученія. Вукъ Караджичъ въ послѣдствіи толковалъ по своему выраженіе Кенгелца: по правиламъ бабы Смиляны, объясняя его въ томъ смыслѣ, что Кенгелъ требуетъ введенія чисто-сербскаго языка въ литературу, но такое объясненіе со стороны Караджича было лишь натяжкою. Въ 1821 году въ своемъ „Сбытіясловіи“ Кенгелъ сравниваетъ *Славяно-сербовъ* и Іудеевъ въ отношеніи къ ихъ знанію ихъ стараго языка. Онъ замѣчаетъ, что какъ Іудеи не понимаютъ своего ветхаго завѣта и прочихъ своихъ книгъ, писанныхъ до Рождества Христова, такъ и *Славяно-сербы* лишь немногіе „разумѣютъ витійство и составъ“ переведенныхъ съ греческаго на славянскій языкъ книгъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. „Охромоса и они, якоже и мы, отъ правописанія и правоглаголанія своего языка“, замѣчаетъ Кенгелъ, который можетъ быть названъ самымъ лучшимъ знатокомъ церковно-славянскаго языка изъ сербскихъ писателей, употреблявшихъ славянскій языкъ въ своихъ сочиненіяхъ *).

Вотъ въ это-то время, когда въ сербской литературѣ господствовало полнѣйшее смѣшеніе языковъ сербскаго, русскаго и церковно-славянскаго, когда произволъ писателей въ этомъ отношеніи достигъ крайнихъ предѣловъ, и сербскія книги писались „по правиламъ бабы Смиляны“, является Караджичъ сначала со своей „Пѣс-

*) Всемирнаго сбытіясловія, Часть первая. Павломъ Кенгельцемъ, архимандритомъ Святогеоргіевскимъ сочиненная. Въ Будинѣ Градѣ. 1821 стр. 302.

нарицей“, а послѣ съ „Писменицей“, (1814 г.) какъ онъ называлъ свою первую грамматику сербскаго языка, пользуясь терминомъ, придуманнымъ Соларичемъ.

Въ этой первой сербской грамматикѣ Караджичъ впервые подводитъ подъ грамматическія рубрики особенности сербскаго языка и намѣчаетъ тѣ свои орфографическія новизны, которыя преобразили сербскую азбуку и сербское письмо и удалили его отъ русскаго. Тутъ онъ намѣтилъ основы своей фонетической системы правописанія, которую онъ потомъ развилъ въ „Речникъ“ и „Пословицахъ“. Но въ Писменицѣ Караджичъ еще не касается вопроса о выборѣ нарѣчія или лучше говора сербскаго языка для сербской Литературы. На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ лишь въ 1818 году, когда, издавая словарь, Караджичъ переиздалъ и свою „Писменицу“, переработавъ ее и давъ ей имя грамматики.

Если Кенгелацъ, Мушицкій и другіе нападали на постоянное и произвольное смѣшеніе языка у Славяно-сербовъ и требовали, чтобы сербскіе писатели ввели однообразіе въ своемъ литературномъ языкѣ, употребляя или славянской, или сербскій, то Вукъ Караджичъ пошелъ дальше: онъ отрицалъ всякое значеніе церковно-славянскаго языка въ сербской письменности и требовалъ, чтобы сербскій языкъ сдѣлался единственнымъ языкомъ сербской литературы въ той его формѣ, какая выработана народомъ. Съ этою цѣлью онъ и составилъ свою писменицу, которою хотѣлъ опредѣлить какъ формы этого языка, такъ и дать новую орфографію для выраженія сербскихъ звуковъ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, какое изъ сербскихъ нарѣчій болѣе удобно, какъ литературное, Караджичъ сначала руководствовался чисто личными соображеніями. Издавая словарь, Караджичъ замѣчаетъ, что онъ

составилъ эту книгу на герцеговинскомъ нарѣчїи во 1) потому, что такъ говорится на еѹ родинѣ, во 2) чтобы видѣли австрійскіе сербы, какъ говорятъ Сербы въ Герцеговинѣ *). Дѣленіе сербскихъ говоровъ на три вида: Герцеговинскій, Ресавскій и Сремскій Караджичъ вообще не мѣнялъ, но впослѣдствїи переименовалъ эти говоры на: южный, западный и восточный **). Основой для этого подраздѣленія Караджичъ вѣлъ почти исключительно произношеніе ѣ въ разныхъ мѣстахъ сербской территорїи, а впослѣдствїи дополнилъ его указанїями нѣкоторыхъ особенностей произношенія которыя онъ нашелъ въ пѣсняхъ. Въ первомъ томѣ втораго изданія пѣсенъ ***) онъ замѣчаетъ, что босняки по городамъ, въ особенности магометане, не измѣняютъ *dj* и *tj* въ *h* и *h*, выговаривая напр. *djed*, не *hed*. Но впослѣдствїи онъ немного видоизмѣнилъ это свое дѣленіе и въ „Рѣчникѣ“ 1852 г. находимъ часто четыре вида написанія словъ и ихъ произношенія: напр. где — восточн., гди — западн., гдје — югозападн., гђе — южн., дед, дид, дјед и ѣед и т. д. Караджичъ требовалъ, чтобы писатель держался одного опредѣленнаго нарѣчїя въ своемъ сочиненїи, и ставитъ въ упрекъ Хаджичу, что онъ въ своей статьѣ: Ситнице језикословне употребилъ разное обозначеніе для выговора ѣ: такъ Хаджичъ пишетъ *векз* по восточному, *дѣло* — по южному и *иди* — по западному говору †). Самъ Караджичъ выбралъ для литературы югозападный говоръ, который онъ еще въ 1845 году называлъ *южнымъ* ††). Причины

*) Рѣчник 1818, XVII.

**) Одговор на ситнице језикословне, стр. 16.

***) Пѣсни изд. 1824., стр. XXXV.

†) Одговор. стр. 16. Писма, стр. 94.

††) Писма стр. 19.

такого выбора отъ основывается на томъ, что онъ самый распространенный, что почти всѣ народныя пѣсни возникли среди народа, говорящаго южнымъ нарѣчіемъ, что на немъ при помощи различнаго произношенія *n* могутъ быть отличены однозвучныя слова различнаго значенія, какъ напр. *сједим* (сизу) и *сиједим*, сѣдѣю, что онъ ближе всѣхъ къ славянскому языку, отъ котораго, „какъ многіе кричатъ“, не слѣдуетъ удаляться, и наконецъ, что это нарѣчіе употреблялось и у Дубровницкихъ писателей, а слѣдовательно можетъ сдѣлаться общимъ у сербовъ православныхъ и католическихъ. Но Караджичъ писалъ нѣкоторыя свои сочиненія и на восточномъ нарѣчій. Такъ, на этомъ послѣднемъ было имъ издано въ 1828 жизнеописаніе князя Милоша.

Одна изъ причинъ порчи сербскаго языка лежитъ, по мнѣнію Караджича, въ самихъ писателяхъ, которые по своей прихоти пользуются славянскимъ языкомъ и не обращаютъ вниманія на языкъ народный. „Первый сербскій писатель, былъ ли онъ Досиѣей, или Орфелинъ, или кто нибудь другой, какъ началъ писать, такъ началъ и портить свой языкъ, и это продолжается и, говоря правду, прогрессируетъ и теперъ“ *). Въ другомъ мѣстѣ Караджичъ замѣчаетъ, что тамъ всего больше испорченъ языкъ, гдѣ всего больше писателей, т. е. въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ, гдѣ разговорный языкъ всего болѣе подвергается вліянію *исправленнаго* книжнаго языка сербскихъ писателей. Съ развитіемъ просвѣщенія и сербской литературы на этомъ произвольномъ языкѣ сербскихъ писателей въ области сербскаго княжества, эти ошибки

*) Писма стр. 17—18.

противъ народнаго языка проникають и въ рѣчь жителей. Гдѣ же самое чистое нарѣчіе сербскаго языка?, спрашиваетъ Караджичъ, и отвѣчаетъ, что всего чище и правильнѣе говорятъ въ Босніи и Герцеговинѣ *).

Но этотъ выборъ нарѣчія не обошелся безъ борьбы для Вука Караджича. Въ приложеніи къ Сербскимъ Новинамъ 1821 г. **) появилась статья, подписанная псевдонимомъ *Штипкаловичъ* (Григорій Гершичъ, по указанію Райковича ***), въ которой между прочимъ дѣлаются упреки Караджичу за то, что онъ выбралъ Герцеговинское, а не Сремское нарѣчіе. При этомъ авторъ полемической статьи, увлеченный узкимъ провинціальнымъ патріотизмомъ, не признаетъ права на имя Сербовъ за Герцеговинцами. Караджичъ, отвѣчая заразъ на многія нападенія, попадавшія на страницы прибавленій къ Сербскимъ Новинамъ, въ одной статьѣ: Неколько рѣчи моимъ овогодишнимъ рецензентамъ, а особливо Благоју Штипкаловићу и старцу Куцкалу †), признаетъ, что онъ первый началъ писать Герцеговинскимъ говоромъ, но въ то же время замѣчаетъ, что онъ и не думалъ никогда, чтобы нарѣчіе Срема или Бачвы было хуже нарѣчія Герцеговинскаго,—напротивъ того, онъ въ эту пору еще думалъ, чтобы всякій писалъ на своемъ нарѣчіи, а впоследствии присоединилъ къ этому лишь одно условіе, чтобы писатели не мѣшали нарѣчій. Интересно замѣтить, что Стеичъ въ своихъ замѣчаніяхъ на переводъ „Новаго Завѣта“ въ 1849 точно также от-

*) Писма. 85—87, стр. 86 примѣчаніе.

**) № 25. Нов. Сербск. Неколько речи за старца од сѣдмдесет година Благоја Штипкаловића.

***) Јавор 1877. 151 стр.

†) Додатакъ № 49 Серб. Нов. за 1821 г.

даетъ предпочтеніе Сремскому нарѣчію предъ Герцеговинскимъ. Причины этого предпочтенія заключаются въ томъ, что, по мнѣнію Станча, этимъ нарѣчіемъ говоритъ большинство Сербовъ, что оно благозвучнѣе въ выговорѣ ѣ, какъ е и какъ и, и въ отсутствіи звука х, что оно — языкъ старыхъ сербскихъ памятниковъ и Досидея Обрадовича, и наконецъ, что большинство образованныхъ сербовъ говоритъ именно на этомъ нарѣчіи. И дѣйствительно, этотъ восточный говоръ удержалъ за собою довольно значительное большинство писателей, такъ что теперь онъ можетъ быть названъ преобладающимъ въ сербской литературѣ.

Принципъ Караджича, что языкъ народный долженъ быть литературнымъ, какъ вытекающій изъ природы вещей, конечно одержалъ верхъ. Но въ этомъ у Караджича было много противниковъ, изъ которыхъ многіе находили крайности въ стремленіяхъ Вука и указывали, что онъ лишаетъ языкъ почвы для правильнаго развитія. Караджичъ, въ предисловіи къ первому изданію своего словаря, уже спѣшилъ себя оградить отъ обвиненій въ неуваженіи къ славянскому языку. Онъ говоритъ, что отдѣленіемъ сербскаго и славянскаго лишь возвышается достоинство языка церкви. Уже въ 1821 году въ письмѣ своемъ къ Фрушичу *) онъ разъясняетъ, что сербо-славянскій и русско-славянскій языки старыхъ книгъ далеко не одно и то же, что, конечно, было новинкою для сербскихъ писателей того времени, которымъ представлялся языкъ русскихъ церковныхъ книгъ — настоящимъ славянскимъ, и даже *сѣтско-сербскимъ*. Но побѣдить господствовавшее предубѣжденіе противъ введенія народнаго сербскаго языка

*) Додатакъ къ № 68 за 1821 г. Серб. Нов.

въ книгу и мнѣніе, что славянскій и сербскій языки одно и тоже, было не такъ легко. Еще въ 1842 г. Савва Текели въ своемъ письмѣ къ епископу Платону Атанасковичу замѣчаетъ: „не лучше и похвальнѣе бы было намъ возвратитися нашему правилному Славенскому языку, еже есть истинный Сербскій, Русси бо от насъ взяша, и предѣлаша по своему, обаче основаніе наше остало“ *)... По его мнѣнію, русскіе лишь замѣнили сербское е—знаками ѣ и а (я),—и слѣдовательно, возстановивъ е въ его правахъ, сербскіе писатели получаютъ чисто сербскій языкъ. Старый сербскій патриотъ, который даже нѣкогда договаривался съ Обрадовичемъ и Ненадовичемъ о томъ, чтобы быть правителемъ сербскаго народа **), когда онъ отвоюетъ себѣ свободу, цѣнилъ славянскій языкъ особенно потому, что онъ языкъ церкви. „Славянскій языкъ есть языкъ вѣри, сеи и Русси с почитаніемъ великимъ имѣютъ, яко Петр I тому нос отрѣзати повелѣ, иже едино слово погрѣшитъ в' печатнѣ. Примѣтити можемъ, яко от того времени, что не наблюдаемъ правила вѣри держати, и языкъ церковный не токмо пренебрегаемъ, но даже хулимъ“. Въ своемъ завѣщаніи Текели, какъ мы видѣли выше, прямо требуетъ, чтобы Матица сербская издавала лишь книги, писанныя на славянскомъ языкѣ. Онъ высказывается противъ употребленія какого бы то ни было изъ народныхъ сербскихъ говоровъ въ литературѣ, называя ихъ провинціализмами, и выражаетъ надежду, что и католическіе Хорваты и остальные Славяне примутъ славянскій языкъ для своей литературы. Народ-

*) Писма, 9.

**) Лѣтоп. Мат. Серб. № 120, стр. 22, автобіографія Саввы Текели.

ному языку онъ отводитъ мѣсто лишь въ народныхъ пѣсняхъ *).

Если Саввѣ Текели простительно было отождествлять церковно-славянскій языкъ съ старосербскимъ, то едва ли можно найти оправданіе для Хаджича, который всегда прикрывался ученой мантиею и въ 1864 году въ *Огледамъ* утверждалъ, что Остромирово Евангеліе писано на старосербскомъ языкѣ **).

Но и между ожесточенными противниками Вуковой ореографіи являются сторонники его взгляда на литературный языкъ. Такъ, Евстаѣй Михайловичъ издалъ въ 1843 году сочиненіе „Иллури и Србљи“, въ которомъ, не оправдывая ореографическихъ нововведеній Караджича и его крайняго нерасположенія къ славянскому языку, онъ признаетъ необходимость избрать одно изъ нарѣчій сербскаго языка для сербской литературы. Но онъ указываетъ иной путь для этой цѣли: между тѣмъ какъ Караджичъ требовалъ, чтобы писатель держался одного нарѣчія, Михайловичъ утверждаетъ что слѣдуетъ то, что окажется неправильнымъ въ избранномъ нарѣчій, замѣнять заимствованіями изъ другаго ***).

Стенчъ въ своихъ замѣчаніяхъ на переводъ Новаго Завѣта, признавая Караджича первымъ сербскимъ филологомъ, не отрицаетъ, что языкъ народный можетъ быть языкомъ литературы; но въ тоже время указываетъ, что это возможно лишь тогда, когда

*) Писма, стр. 10 и слѣд.

**) Огледамо, Свезка II, стр. 53.

***) Иллури и Србљи или прегледъ народности старосръбскаго Иллурика и имена, писмена и начина писанія даваншњи Србљи отъ Евстаѣя Михайловича. У Новомъ Саду. 1843, стр. 103.

въ немъ достаточно выражений чтобы писать на немъ „и для поселяннина, и для работника, и для литератора, и для ученаго“.

Вукъ Караджичъ дѣйствительно убѣдился, что не такъ-то легко разрывать связи съ историческими преданіями языка и литературы. Въ своемъ письмѣ въ Общество Сербской Словесности въ 1845 г. онъ говоритъ: „я не утверждаю, что мы при писаніи книгъ можемъ совершенно обойтись безъ славянскихъ и новыхъ словъ, но я бы хотѣлъ, чтобы эти слова не выдумывались безъ нужды“ *). Такимъ образомъ Караджичъ нѣсколько измѣнилъ поставленному имъ принципу писать такъ, какъ говорить простой народъ.

Но онъ въ тоже время требуетъ строго соблюдать границу между сербскимъ и церковно-славянскимъ языками. Самъ онъ очень часто останавливается надъ формой того или другаго слова и указываетъ, какова она въ славянскомъ и сербскомъ языкѣ. Такъ онъ замѣчаетъ, что слово *књижевност* болѣе соотвѣтствуетъ духу сербскаго языка, нежели *књижество*, *отачаство*, въ виду сербской формы *отача*, вм. отечество, *члан* вм. членъ **), *кнез* вм. князь, *начелник* вм. начальник ***), опредѣляетъ разницу въ значеніи словъ *част* и *чест*, которыя соотвѣтствуютъ русскимъ *честъ* и *часть*. Онъ вполне основательно и научно допозываетъ сербскимъ писателямъ, что именно слово *част* соотвѣтствуетъ старо-славянскому *чъсть*, а *чест* старо-славянскому *чъсть*.

Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ языка для литературы постепенно разрѣшался въ пользу начала,

*) Писма 17.

**) Писма 21, 23.

***) Огговор на лажи 17, 18.

провозглашеннаго Вукомъ Караджичемъ. Вукъ Караджичъ засталъ славянскую и славяно-сербскую школу писателей. Число защитниковъ первой постоянно уменьшалось. Лукіанъ Мушицкій, обѣщавшій передать свой „варвитонъ“ тому кто станетъ послѣ него писать на славянскомъ языкѣ, не нашелъ себѣ послѣдователей, да и самъ онъ примѣшивалъ въ свои славянскія оды сербскія слова и выраженія. Славяно-сербы были значительно сильнѣе: съ одной стороны ихъ поддерживало духовенство, которое боялось нововведеній въ сербской литературѣ, опасаясь что за ними скрываются политическія цѣли австрійскаго правительства, желавшаго привести сербовъ въ унию или обратить въ католичество, съ другой они руководствовались и надеждами создать обще-славянскій языкъ по крайней мѣрѣ для всего православнаго славянскаго востока. Близкое знакомство многихъ литературныхъ дѣятелей того времени съ русскою литературою и громадный интересъ къ Россіи, а также возраставшія связи между Сербіею и Россіею были причиною того, что знакомство съ русскимъ языкомъ и русскою литературою было очень распространено въ то время между сербами. Имена Карамзина и Шишкова, споръ, возникшій о языкѣ русской литературы въ то время, Державинская поэзія — все это казалось образцовымъ для сербскихъ писателей. Въ альманахѣ „Србска Пчела“ издаваемомъ Стаматовичемъ, мы находимъ переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ сочиненій Шишкова, Карамзина, и даже перепечатку съ небольшими измѣненіями подлинника оды Державина: на смерть князя Мещерскаго. Но распространеніе просвѣщенія между Сербскимъ народомъ и развитіе литературы естественно требовало развитія и народнаго языка, который и сталъ языкомъ сербской литературы.

Эта побѣда начала: пиши, какъ говоришь — получаетъ еще большее значеніе, когда и Гай въ Хорватіи принялъ сербскій языкъ Караджича литературнымъ языкомъ Хорватовъ. Если Лукіанъ Мушицкій дѣлалъ попытки ввести нѣкоторыя буквы кириллицы въ латинской азбукѣ и напечаталъ австрійскій гимнъ латиницею съ замѣною с—ч, ѝ—ж *) и т. д., то Караджичъ шелъ далѣе: онъ старался писать по сербски такъ, чтобы „братья римскаго закона“ могли свободно перепечатывать своею латинскою азбукою, не измѣняя ее, все, что напечатано *вуковичей*. Говоря о выборѣ нарѣчія Герцеговинскаго, Караджичъ между прочимъ въ числѣ доказательствъ, что именно это нарѣчіе должно сдѣлаться литературнымъ сербскимъ, замѣчаетъ, что чрезъ него возможно единеніе съ „братьями римскаго закона, которые радостно простираютъ къ намъ руки: мы всѣ должны стараться довести языкъ до того, чтобы онъ былъ въ книгахъ одинаковъ, чтобы всякую книгу можно было перепечатывать буква въ букву съ латиницы — кириллицею и наоборотъ“. Но для этого нужно было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ хорватскомъ алфавитѣ. На это не были согласны Хорваты, и Вѣкославъ Бабукичъ въ письмѣ къ Караджичу не признаетъ нужнымъ „ковать новыя письмена“ въ хорватской азбукѣ, потому, что это было бы излишне и портило бы видъ латинскихъ, или лучше, западно-европейскихъ писменъ**). Караджичъ лишь предлагалъ найти простые знаки для ѣ, ж, њ, љ, ѣ, ч, ш, ц. Хорваты, какъ извѣстно,

*) Собр. соч. Лукіана Мушицкаго Т. IV, стр. 206.

**) Kolo. IV, стр. 76. Письмо Бабукича къ Вуку Караджичу. Što se pismenah novih tiče, koja namjeravate kovati, ja mislim da bi to suviše i nespretno bilo; jer bi se time obličje latinskih, ili bolje rekuć zapadno-europejskih pismenah poremetilo i nagárdilo.

приняли для своей азбуки чешскую систему надстрочных знаков и лишь въ последнее время стали видоизмѣнять ее *).

Въ 1850 г. произошло соглашеніе между Хорватами и Сербамъ относительно выбора одного нарѣчія для литературы и единства въ правописаніи **).

“) Въ словарь Hrvatskoga ili srpskoga jezika, издаваемомъ Югославянской Академіей въ Загребѣ подъ редакціей г. Даничича, находимъ новые знаки для Ъ, Ы, Ъ.

**) Вотъ имена лицъ, подписавшихъ это соглашеніе: Иванъ Кукулевиичъ-Сакцинскій, Димитрій Деметеръ, Иванъ Мажураничъ, Вукъ Караджичъ, Винко Пацель, Францъ Миклошичъ, Стеванъ Пеяковичъ и Юрій Даничичъ. Причина этого договора означена въ началѣ: „Мы нижеподписанные въ убѣжденіи, что одинъ народъ долженъ имѣть одну литературу, и замѣчая съ горестью, какъ наша литература разъединена не только въ азбуку, но и въ правописаніи, собрались на этихъ дняхъ, чтобы условиться, какии бы образомъ мы могли согласиться и достигнуть объединенія въ литературу, насколько это теперь возможно“. Поэтому они 1) признали, что не слѣдуетъ мѣшать нарѣчій, но нужно выбрать одно, потому что а) невозможно писать такъ, чтобы всякій могъ читать на своемъ нарѣчій; б) всякая смѣсь нарѣчій хуже одного чистаго нарѣчія какого бы то ни было; в) примѣръ Нѣмцевъ и Итальянцевъ, выбравшихъ одно нарѣчіе для литературы, можетъ быть образцемъ для Сербовъ и Хорватовъ. 2) Такимъ литературнымъ нарѣчіемъ признается южное: а) потому что имъ говоритъ всего больше народа, б) что оно ближе всѣхъ старо-славянскому языку и всѣмъ остальнымъ славянскимъ языкамъ; в) что почти всѣ народныя пѣсни поются этимъ нарѣчіемъ; г) что вся старая дубровницкая литература употребляла это нарѣчіе; е) что большинство писателей и восточнаго, и западнаго вѣроисповѣданія пишутъ на немъ. Затѣмъ они согласились, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ этомъ нарѣчій ѣ произносятся въ два слога, — писалось ije, а тамъ, гдѣ въ одинъ, писалось je или e или i, какъ гдѣ нужно, напр. bijelo, bjelina, mreža, donio.

3) x (h) слѣдуетъ писать всюду, гдѣ оно имѣетъ мѣсто по этимологій въ виду того, что народъ на югѣ во многихъ мѣстахъ произноситъ этотъ звукъ.

4) h въ концѣ именъ существ. въ род. пад. мн. ч. не слѣдуетъ писать, потому что тамъ нѣтъ для него мѣста ни по этимологій, ни въ

Такимъ образомъ языкъ сербскаго народа, языкъ живой, сталъ общепринятымъ въ сербской литературѣ. Сначала запреты и ограниченія правъ орфографіи Вука Караджича въ Сербіи оказывали нѣкоторую поддержку защитникамъ стараго правописанія и прежняго литературнаго языка, но съ уничтоженіемъ правительственной опеки и прежній литературный языкъ, и старое правописаніе потеряли всякое значеніе.

Переходимъ къ исторіи орфографическихъ измѣненій, произведенныхъ Вукомъ Караджичемъ въ сербской азбукѣ.

Алфавитъ находится въ ближайшемъ соотношеніи со звукомъ слова. Та азбука, которая представляетъ возможность точнѣе обозначить всѣ звуки языка, лучше и цѣлесообразнѣе, и въ этомъ отношеніи кириллица занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между алфавитами. Но кирилловская азбука пережила много перемѣнъ, и въ примѣненіи къ тому или другому изъ славянскихъ языковъ она то лишалась того или другаго изъ своихъ знаковъ, то получала прибавленія

народномъ говорѣ, ни въ старо-славянскомъ языкѣ, ни въ новыхъ славянскихъ языкахъ.

5) Предъ *р* (*г*), гдѣ оно образуетъ слогъ, не слѣдуетъ писать ни *а*, ни *е*, потому что *а*) народъ такъ и произноситъ, *б*) писатели восточнаго вѣроисповѣданія такъ и пишутъ, *с*) чехи такъ пишутъ, *д*) во многихъ славянскихъ книгахъ такъ пишется глаголическою азбукою; *е*) „и въ старославянскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ предъ *р* и *л* не слѣдовало писать *ероѣ*, какъ теперь это доказывается (1850), ибо *р* и *л* были гласными въ подобныхъ случаяхъ, какъ и въ Санскритѣ“.

Это согласшеніе, произшедшее между вышеуказанными лицами въ Вѣнѣ, первоначально появилось въ „*Narodne Novine*“ 1850 г. № 76.

При этомъ была приложена и объяснительная записка Вука Караджича, въ которой онъ подробно останавливается на произношеніи *я* въ сербскихъ нарѣчіяхъ, особенно же въ южномъ.—Соглашеніе перепечатано въ *Književnik* т. I, стр. 179—180.

въ видѣ какогонибудь новаго знака. Такъ а и ж оказались лишними въ примѣненіи кириллицы къ языку русскому, а знакъ ѣ встрѣчается уже и въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ *).

До Вука Караджича сербская орѳографія часто отступала отъ правилъ русской и славянской, сербскіе писатели вводили въ нея различныя измѣненія, и степень ихъ отступленія отъ русскаго правописанія обыкновенно могла опредѣлиться степенью ихъ знакомства съ русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ. Караджичъ имѣлъ много предшественниковъ въ орѳографическомъ новаторствѣ, но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ такъ строго и систематично провести новыя начала правописанія. Но это новаторство Вука Караджича, или, правильнѣе, система въ новаторствѣ и возбудила бурю противъ Вука Караджича въ сербской литературѣ. Если одни враждебно отнеслись къ Вуковой реформѣ вслѣдствіе опасеній обособить сербскую литературу и естественной подозрительности, воспитанной австрійской политикою у православныхъ сербовъ постоянными ея стараніями совратить ихъ въ католичество, то другіе просто по зависти къ успѣхамъ Караджича. Хаджичъ, который пользовался большою славою ученаго у своихъ современниковъ, не обладалъ ни знаніемъ сербскаго языка, ни основными филологическими свѣдѣніями, ни яснымъ взглядомъ на потребности литературы и жизни, какимъ отъ природы былъ богато одаренъ Вукъ Караджичъ. Выше была изложена исторія этого спора между Хаджичемъ и Караджичемъ,

*) Въ грамотѣ боснійскаго бана Кулина 1189 года ѣ встрѣчается въ словахъ: граѣмъ и евангѣліе. Миллошичъ: Monumenta Serbica, стр. 1 и 2.

завершившагося сильнымъ внимательствомъ Юрія Даничица.

Вукъ Караджичъ исключилъ изъ русской кириллицы, примѣняя ее къ сербскому языку і, ѣ, ѣ, щ, ы, э, я, ю, ѳ, ѳ, оставилъ з лишь въ такихъ случаяхъ, когда было нужно обозначить слогъ, образуемый гласнымъ р, напр. умрѳо, нашелъ замѣну для ѳ, принявъ въ свою азбуку ј и придумавъ начертанія ѣ и ѣ, ввелъ знакъ ѣ и окончательно укрѣпилъ употребленіе ѣ и ц.

Уже въ XVIII столѣтіи нѣкоторые сербскіе писатели стали отказываться отъ употребленія ѳ. Первый изъ нихъ былъ Досіеѳъ Обрадовичъ, который, хотя и употреблялъ его, но не дѣлалъ никакого различія между з и ѳ. Въ концѣ словъ онъ писалъ, какъ придется то ѳ, то з: напр. самъ на даръ получію (изд. 1783 г. стр. 422), самъ на даръ получію (изд. Возаровича 1833, т. II, стр. 121), самъ на нашъ чистъ изговоръ сматрао (изд. 1783 г. стр. 423), самъ на нашъ чистъ изговоръ сматрао (изд. Возар. II, 121), отаць мои звао се ѣураѣъ Обрадовиѣъ родомъ сръбѣнъ (изд. 1783 г. стр. 17) и т. д. Свое сочиненіе Досіеѳъ озаглавилъ; „жѳвотъ и приключенія Димѳтріа Обрадовича, нареченога у калуѣерству Досіеѳа: нимъ истимъ списать и издать“ (въ Лейпцигѣ, 1783 г.). Такимъ образомъ Досіеѳъ воскресилъ преданія старо-сербской орѳографіи, одинъ изъ отличительнѣйшихъ признаковъ которой — отсутствіе з и замѣна его ѳ**).

Второй сербскій писатель конца прошлаго столѣтія, высказавшійся противъ употребленія з въ сербской

**) „Слово поучительно Господина Цоликоѳера“ Досіеѳъ издалъ въ 1784 году, употребляя въ немъ лишь ѳ.

азбукѣ былъ Эммануилъ Янковичъ, который въ послѣсловіи своей переводной комедіи: Злой отецъ и негодный сынъ (1789) замѣчаетъ, что *з* и *ъ* слѣдуетъ замѣнить надстрочнымъ знакомъ (') въ тѣхъ случаяхъ, когда эти знаки приходятся въ срединѣ словъ: такъ Янковичъ писалъ *кад'су* вм. обычнаго *кадъ су*, *с'еднимъ* вм. съ однимъ, соединяя эти выраженія въ одно; вмѣсто *з* и *ъ*, употреблявшихся послѣ *л* и *н* для ихъ смягченія въ срединѣ словъ, Янковичъ сталъ пользоваться апострофомъ: *н'зимъ*, *нймъ* (имъ) онъ писалъ *н'имъ*. Далѣе онъ замѣчаетъ: „такимъ образомъ вся разница между *з* и *ъ* обращается въ ничто, при такомъ способѣ обозначенія (т. е. при употребленіи апострофа) они не нужны, и я бы даже и въ концѣ словъ не писалъ *з*, еслибы не боялся необычности“. Но Янковичъ идетъ еще далѣе: онъ замѣчаетъ, что *я* тоже можетъ быть легко исключено изъ сербской азбуки, какъ ненужное, и замѣнено *а* съ апострофированьемъ предшествующей согласной, напр. *клястъ* онъ предлагаетъ писать *кл'астъ*. Тоже самое онъ предлагаетъ для *ъ* и *ю* съ замѣной ихъ *е* и *у* *).

Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей славено-сербовъ, Аванасій Стойковичъ, который въ предисловіи къ изданной имъ „Фусікѣ“ выражается о задачѣ этой школы „соединити силу Раичева и сладость Обрадовичева языка“ **), въ своемъ Сербскомъ Секретарѣ говорить о *з* слѣдующимъ образомъ: „я удивляюсь, какъ отецъ нашихъ писъменъ дошелъ до дебелаго ера. Оно пятое колесо въ повозкѣ, потому что для смягченія звука мы имѣемъ тонкое ерь. Большое или дебелое *з*

*) Зао отацъ и неваляо сынъ. в'Віеннѣ. 1789, стр. 112.

**) Фусіка, 1801 т., стр. 9.

не производить никакого дѣйствія, стоитъ оно или нѣтъ въ словѣ“ *). Но не смотря на такое рѣзкое сужденіе о совершенной ненадобности ѣ, Стойковичъ не осмѣлился исключить его изъ сербской азбуки. Первою сербскою книгою, напечатанною безъ ѣ, былъ переводъ „Римляни у Шпаніи“ въ 1805 г. **) Саввы Текели, въ послѣдствіи того крайняго противника вуковицы, который и въ своемъ завѣщаніи Матицѣ Сербской, какъ мы видѣли, поставилъ условіемъ держаться славянскаго языка. Онъ, впрочемъ, всегда держался того мнѣнія, что ѣ не нужно въ сербской азбукѣ и въ своемъ письмѣ къ Платону Атанацковичу въ 1842 г. говорить: „въ примотренію писма ѣ аз до нынѣ того мнѣнія есмь не употреблять ѣ дотолѣ, дондеже извѣщенъ не буду о нуждѣ его. Зачемъ наполняти листъ с'непотребнимъ“ ***).

Въ тоже время и Соларичъ началъ печатать свои сочиненія безъ ѣ. Въ „Новомъ Землеописаніи“, вышедшемъ въ 1804 году, онъ еще не рѣшился исключить ѣ изъ азбуки, хотя и далъ совершенно особое значеніе знаку ѣ, но уже въ книгѣ: „Улог ума чловѣческаго“, изданной въ 1808 г., онъ совершенно устранилъ ѣ. Съ этихъ поръ всѣ его сочиненія, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ, были изданы безъ ѣ, но въ тѣхъ,

*) Сербскій Секретарь или Руководство како сочинявати различнѣша писма, Квите, Облігаціе, Контракте, Тестаменте, Реверсе, Конте и пр. сочинень отъ Аванасія Стойковича. Въ Будимѣ. Печатано писменъ Кралев. Університета. 1802, стр. 19.

**) Римляни у Шпаніи по Списанію Ватсона Англичанина. Преведено на сербскій языкъ чрезъ Савву отъ Тьюкели, с примѣчаніями, и краткимъ додаткомъ правила, и упражненія военнаго, Управленія Сраженія, и укрѣпленія мѣстахъ. Въ Будимѣ Градѣ, печатано писменъ Славено-Сербскія печати Кралевскаго Всеучилища Пештанскаго. 1805.

***) Писма Вука Кар. стр. 12.

которые издавались церковно-славянскою азбукою, этотъ знакъ имъ сохранялся.

Хотя это нововведеніе большинству тогдашнихъ сербскихъ читателей казалось не только безосновательнымъ, но опаснымъ и подозрительнымъ, однако оно быстро распространилось. Послѣдователи Соларича и Досиеея все больше и больше развивали этотъ вопросъ о перемѣнахъ въ сербской азбукѣ и сербской орѳографіи. Между писателями, которые въ это время уже не употребляли ѣ, упомянемъ Дошеновича, издаваемаго въ 1809 году въ Будимѣ нѣсколько переводныхъ анакреонтическихъ одъ подѣ заглавіемъ: Лирическа пѣнія.

Въ 1810 году въ Будимѣ Савва Меркайлъ, или какъ его называлъ Караджичъ „Мркаль“, *) напечаталъ брошюру о сербскомъ правописаніи и сербской азбукѣ подѣ юмористическимъ заглавіемъ: „Сало дебелого ера либо Азбукопретрес“, въ которой разсматриваетъ русско-церковно-славянскій алфавитъ и предлагаетъ сдѣлать въ немъ соотвѣтствующія измѣненія для приспособленія ея къ сербскому языку **). Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что хотя и есть такіе сербскіе писатели, которые „размышляютъ“ о сербской азбукѣ, но мало такихъ, которые бы „не боялись не что либо другое, но лишь дебелое еръ исключить“ изъ нея. Дѣйствительно, выходъ этой брошюры произвелъ такое впечатлѣніе, что даже Пештская цензура не сочла возможнымъ допустить къ напечатанію безъ ѣ „Опит

*) Додатакъ къ Серб. Нов. № 49 за 1821 г., стр. 2.

**) Кошитаръ въ письмѣ къ Добровскому отъ 24 Апрѣля 1811 г. такъ отзывается объ этой книгѣ: es ist mir so logische Abhandlung, dass ich darüber erstaunt bin. (Сборникъ писемъ Кошитаръ къ Добровскому въ Чешскомъ Музеѣ. Письмо № 32). Ср. отзывъ Кошитаръ объ этой книгѣ: Kleinere Schriften, стр. 142—144.

Сличнорелности“, когда Лука Миловановъ представилъ свою книгу весною 1811 года для новаго разсмотрѣнія, хотя уже однажды, до выхода Азбуконпретреса, она была одобрена для напечатанія. И въ послѣдствіи Давидовичъ встрѣтилъ также большія затрудненія, когда хотѣлъ издать одинъ изъ своихъ Забавниковъ (за 1819 г.) безъ з, со стороны цензуры въ Будимѣ. Эта заботливость будимской цензуры о сохраненіи з въ сербской азбукѣ объясняется общимъ настроеніемъ, особенно духовенства, которому казалось подобное нововведеніе даже опаснымъ въ отношеніи религіозномъ.

Савва Меркайлъ въ своей брошюрѣ, исходя изъ положенія, что цѣль языка литературы есть ясность и полная „разумительность“, прежде всего указываетъ, что всякій писатель долженъ держаться народнаго языка или даже той части народа, для которой онъ пишетъ. Для азбуки какого нибудь языка нужно лишь столько знаковь, сколько языкъ имѣетъ простыхъ звуковь, — поэтому тѣ азбуки, въ которыхъ или больше знаковь, чѣмъ звуковь, или не достаесть знаковь для выраженія всѣхъ звуковь, имѣющихся въ языкѣ, не совершенны. Эту мысль Меркайлъ поясняетъ примѣромъ нѣмецкаго алфавита, имѣющаго для ш—сочетаніе трехъ знаковь (*sch*), а звуки з и с обозначающаго однимъ знакомъ s. Для азбуки нужны лишь знаки, выражающіе одинъ звукъ, слѣдовательно всѣ тѣ буквы, которыя въ разныхъ случаяхъ выговариваются различнымъ образомъ или означаютъ сложеніе звуковь, какъ напр. нѣмецкое x, излишни или подлежатъ перемѣнѣ. Переходя къ разсмотрѣнію сербской азбуки, Савва Меркайлъ задаетъ вопросъ: сколько письменъ требуютъ сербы для своего алфавита. Для этого онъ разсматриваетъ славянскія письмена, раздѣливъ ихъ на рубрики: едино-

звучныхъ, многозвучныхъ, звукопеременныхъ (звуко-премѣнлива писмена, какъ е, произносимое то какъ э, то какъ је), замѣняющихся (какъ е, є и ѣ) и сложныхъ. На примѣръ ѡ, которое одни сербскіе писатели совершенно смѣшиваютъ съ и, а другіе произвольно употребляютъ, давая ему свое толкованіе, какъ напр. Соларичъ, который даетъ ему значеніе ѡ + и, (напр. ныва, по теперешней сербской орфографіи ѣива), Меркайль объясняетъ, почему нѣкоторые знаки славянской азбуки негодны для сербской. „Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто бы мы не умѣемъ читать славянскихъ или церковныхъ книгъ“, восклицаетъ Меркайль, указывая на странное значеніе, которое Соларичемъ дается знаку ѡ. — Говоря о писменахъ сложныхъ Меркайль такъ разсуждаетъ: „почти всѣ наши писмена могутъ смягчаться и соединяться съ мягкимъ звукомъ; это ничто иное, какъ новыя, сложные писмена. Такое свойство нашего языка побудило святаго Кирилла придумать *дебелый* ѡ. Видя, что писмена, которыя онъ уже придумалъ для насъ, подлежатъ такимъ большимъ измѣненіямъ, онъ прибавилъ одинъ знакъ ѡ, который бы намъ напоминалъ, что тамъ, гдѣ онъ находится, не можетъ быть никакого смягченія. Излишняя предусмотрительность, восклицаетъ Меркайль, лучше бы сдѣлалъ святой Кирилль, если бы, вмѣсто многихъ другихъ ненужныхъ писменъ, онъ придумалъ знаки для звуковъ, происходящихъ чрезъ смягченіе. Тогда бы ему нечего было ломать головы и изъ-за тонкаго ера“ *). Затѣмъ онъ отмѣчаетъ самыя важныя въ сербскомъ языкѣ „сложенія“, именно дѣ, лѣ, нѣ, и тѣ, для которыхъ онъ

*) Сало дебелого ера стр. 11.

предлагаетъ придумать особые знаки, по подобію существующаго уже *h* для сочетанія *тъ*. Тогда не оказалось бы потребности въ *ъ*, которое можно было бы исключить изъ сербской азбуки, а *з* Меркайлъ исключаетъ изъ нея, замѣчая при этомъ, что этотъ знакъ былъ болѣе вреденъ, нежели полезенъ. По Меркайлѣ сербская азбука состояла изъ 26 знаковъ: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, ѣ; остальные буквы славянскаго алфавита (*ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, Ѳ, Ѵ*) онъ исключалъ, какъ излишнія. Что касается произношенія оставляемыхъ имъ письменъ, Меркайлъ замѣчаетъ, что *е*, должно произноситься, какъ нѣмецкое *e*, а *і*, замѣняющее *й*, получаетъ значеніе *j*, *ѣ* должно остаться, по мнѣнію Меркайля, лишь для иностранныхъ словъ, а *х*, котораго „не знаютъ сербскіе поселяне“, занимаетъ мѣсто въ сербской азбукѣ потому, что „болѣе образованные сербы почти всегда его произносятъ“. Самъ Меркайлъ не пользуется еще въ своей брошюрѣ знакомъ *h*, такъ какъ оно „лишь недавно стало употребляться“. Предлагая такія измѣненія въ сербской азбукѣ, Меркайлъ предвидѣлъ одно возраженіе, что при сокращеніи числа буквъ нельзя будетъ дѣлать различія между словами однозвучными при ихъ написаніи (напр. бити и быти). На это онъ справедливо замѣчаетъ, что различать однозвучныя слова не составляетъ задачи азбуки.—Пользу отъ предлагаемой имъ реформы сербской орфографіи Меркайлъ находитъ прежде всего въ отношеніи педагогическомъ: дѣти скорѣе могутъ выучить азбуку и не будетъ нужно „выучить, какъ теперь, всю письменницу прежде, чѣмъ научиться правильно писать“. „Отнынѣ, восклицаетъ онъ, наше правописаніе подходитъ

подъ правило: *пиши, какъ говоришь*^а. Меркайль обѣщалъ въ будущемъ выпускъ своего „Лезикопретреса“ заняться вопросомъ о сербской грамматикѣ.

Въ этой замѣчательной брошюрѣ бѣднаго учителя въ Пештѣ мы находимъ все, что впоследствии было приложено, осуществлено и улучшено Вукомъ Караджичемъ въ сербской орфографіи.

Впоследствии однако Меркайль, потерпѣвшій много гоненій отъ „дебелоеровцевъ“ за смѣлые планы, развившіеся въ „Салѣ дебелого ера“, нѣсколько видоизмѣнилъ свой взглядъ на з^{*}). Въ 1817 году онъ напечаталъ въ Сербскихъ Новинахъ статью подъ заглавіемъ: „Палинодія либо обрана дебелого зъ,“^{**}) въ которой доказывалъ, что з необходимо для означенія гласнаго изглашенія *р*, въ срединѣ словъ, напр. на врѣу — на верху, умрѣо—умеръ, что предлоги *въ*, *къ*, *съ*, должны имѣть и гласный элементъ, что въ словахъ *благъ*, *снѣгъ*, *живъ* два гласныхъ звука, изъ которыхъ одинъ ясный, другой неясный. Но тогда онъ встрѣтилъ противника въ лицѣ Вука Караджича, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ статья, помѣщенная въ послѣдующихъ затѣмъ номерахъ этой газеты; въ ней Караджичъ доказываетъ, что словъ, въ которыхъ можетъ быть нужно о з, наберется въ сербскомъ языкѣ не болѣе 10, и что въ остальныхъ случаяхъ з совершенно ненуженъ.

Такимъ образомъ предшественники Вука Караджича указали всѣ тѣ измѣненія въ кирилловской азбукѣ, которыя нужны при ея примѣненіи къ сербскому языку, но никто изъ нихъ не умѣлъ и не могъ провести

^а) Біографическія свѣдѣнія о Саввѣ Меркайлѣ см. въ приложеніи.

^{**}) Новине Сербске за 1817 г. № 41, додатокъ, стр. 326—328.

ихъ систематично на практикѣ. Въ этомъ отношеніи вся заслуга, какъ и вся отвѣтственность принадлежитъ Вукъ Караджичу.

Издавая въ 1814 г. первый томъ пѣснарицы, Вукъ Караджичъ не осмѣливался принять ореографіи, указанной Меркайлемъ. Онъ, правда, уже не употребляетъ ѣ, замѣнивъ его всюду є, но оставилъ ю. Въмѣсто послѣдняго онъ иногда употреблялъ ѣу, напр. напѣюсе, польубесе (стр. 45). Въ письменицѣ, вышедшей въ томъ же году, онъ уже придерживается Меркайлевой системы, и даже употребляетъ знакъ ѣ: здѣсь є замѣнено ѣе, а і имѣетъ значеніе ј, при чемъ даже включено въ число согласныхъ. Вукъ Караджичъ тутъ предлагаетъ даже знаки въ замѣнъ дъ, љ, њ — Д, љ, њ, хотя самъ еще не осмѣливается употреблять ихъ. Въ слѣдующемъ году, издавая вторую часть пѣснарицы, онъ вновь возвращается къ старому правописанію и вводитъ ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ю, тѣ. Такимъ образомъ можно думать, что самъ Вукъ Караджичъ колебался въ это время, принять или нѣтъ новую ореографію. Вѣроятно же всего то, что, издавая второй выпускъ пѣснарицы, онъ сдѣлалъ уступку тому многочисленному хору противниковъ перемѣнъ въ сербской ореографіи, который не могъ простить Меркайлю его мнѣній о „салѣ дебелого ера“. Въ грамматикѣ, приложенной къ словарию (1818) Вукъ Караджичъ ясно уже опредѣляетъ всѣ свои ореографическія нововведенія и впредь не отступалъ отъ нихъ въ существенномъ. Онъ вводитъ новые знаки ѣ, љ, њ, ј, употребляетъ ѣ и ѣ и исключаетъ ѣ, ѣ и всѣ тѣ письмена, которыя Меркайлъ считалъ уже лишними въ своей брошюрѣ. Знакъ ѣ онъ оставилъ лишь для обозначенія слога при р. Впрочемъ, онъ предлагаетъ и въ этомъ случаѣ замѣнить ѣ какимъ нибудь знакомъ

въ родѣ апострофа. Въ этихъ случаяхъ Караджичъ употреблялъ з почти всегда *).

Какъ прежде противъ Меркайля, такъ теперь противъ Вука Караджича возбудило очень многихъ это исключеніе з изъ сербской азбуки. Это явленіе, характерное для эпохи, обнаруживало и слабость противниковъ Вука Караджича. Въ Сербскихъ Новинахъ **) появилось стихотвореніе подъ весьма оригинальнымъ заглавіемъ: „Критика и остра протестація писмена Дебелого ера (ъ) и Танкога ера (ъ) противъ Курта-Херо-Шіячке Грамматике Г. Вука Стефановича; што онъ Дебело еръ са согласнымъ писменемъ Рцы (р) и съ прочими самогласными писмени слаже, крпи и натеже: А опетъ танко еръ съ писмены Люди еръ (љ) и Нашъ еръ (њ) калами, веже и злопати. Обаче при томъ и велика Радость речени писмена Дебелого и Танкога ера, што ихъ е Г. Вукъ изъ нѣгове горусказанне Грамматике по сви другіи места изключіо и избаціо“. Эта „Критика и остра протестація“ принадлежала перу Іоакима Вуича, одного изъ извѣстнѣйшихъ въ это время и плодовитѣйшихъ сербскихъ переводчиковъ комедій и различныхъ другихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ. Въ ней Вуичъ нападаетъ на всѣ нововведенія, сдѣланныя Караджичемъ въ сербской азбукѣ. Изгнанные Вукомъ еры обнимаются и изъявляютъ свое удовольствіе, что они не попали въ сербскую азбуку, составленную Вукомъ. Между прочимъ Вуичъ нападаетъ на Караджича за то, что онъ считаетъ р

*) Такъ напр. *умрѣо*. Правит. Сов. 1860 г., стр. 77. Теперешніе писатели иногда употребляютъ з, напр. Миличевичъ Годишњица Чупич. II, 189 стр. *умрѣо*.

**) Додатакъ къ № 8 за 1821 г.

гласнымъ, и Вукъ въ своемъ отвѣтѣ на эту *критику* объявляетъ ложнымъ это обвиненіе. Тонъ этого стихотворенія таковъ, что Караджичъ имѣлъ основаніе считать себя оскорбленнымъ: Вуичъ называетъ Вука парнемъ и пастухомъ, который дерзко вмѣшался въ вопросы литературные, и дѣлаетъ намеки на Копитара, который завязалъ пріятельскія связи „съ по-мрачителемъ сербскаго языка“. Понятно, что подобная критика не могла доказать неосновательность ореографическихъ нововведеній Вука,—она лишь раздражала общественное мнѣніе, и безъ того неблагоприятное къ Вуку Караджичу. Вуичъ противопоставляетъ тогдашніе ученые авторитеты: Мразовича, Ивана Берича, Милована Видаковича, неученому Вуку Караджичу, но этимъ лишь поднялъ значеніе послѣдняго, хорошо знавшаго языкъ сербскаго народа, чего нельзя было сказать о его ученыхъ противникахъ.

Вукъ Караджичъ отвѣчалъ на эту „Критику и острую протестацію“*) въ тѣхъ же Сербскихъ Новинахъ, при чемъ раскрываетъ анонимъ своего противника и довольно презрительно относится къ его выходкамъ и нападкамъ.

Съ этихъ поръ до шестидесятихъ годовъ ореографическіе вопросы, а также вопросы о выборѣ литературнаго языка, объ его очищеніи отъ чужихъ элементовъ и его правильности сдѣлались любимыми въ сербской журналистикѣ и даже литературѣ. Почти нѣтъ ни одной газеты, ни одного номера литературныхъ прибавленій, гдѣ бы не нашлось статьи, имѣющей отношеніе къ этимъ вопросамъ. Въ 1845 г. особенно

*) Серб. Нов. за 1821 г. Додатакъ къ № 49 Несколько ријечу мојимъ овогодишњимъ рецензентама, и т. д.

выдавались статьи В. Лазича въ Сербскомъ Народномъ листѣ, направленные противъ Вука Караджича *). Вопросы о *з* и *ј* сдѣлались существенными, живыми, интересовавшими общество. Стеичъ удачно смѣется надъ этою общею склонностью выѣшиваться въ грамматическіе и орфографическіе вопросы. Онъ въ 1839 г. въ одномъ изъ томовъ своего изданія „за душевну забаву“ юмористически изображаетъ въ лицѣ купца „Мудрослава Жикина“ *любителя книжества*. Такой любитель литературы принимаетъ участіе въ предварительной подпискѣ на изданіе или книгу, но лишь для того, чтобы фигурировало его имя въ списокѣ подписчиковъ, который, по обычаю того времени, прилагался къ изданію. Но въ тоже время, говоря словами Стеича, „никто живой не могъ отъ него слышать, чтобы ему что нибудь понравилось въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, кромѣ одного дебелаго *з*, и ничего онъ такъ сильно ни ненавидѣлъ, какъ несчастное и злополучное *ј*. Буква *з* ему казалась столпомъ нашего благополучія и кровомъ нашей народности; а *ј* серпомъ нечестиваго, которымъ злые люди задумали уничтожить все, что намъ, по примѣру нашихъ предковъ, было до сихъ поръ мило и дорого“. Въ другомъ мѣстѣ Стеичъ такъ характеризуетъ *славяно-сербскій* языкъ: онъ безъ всякаго правила, порядка и духа составленъ изъ стараго славянскаго и изъ сербскаго, какъ кто хочетъ и знаетъ; Поэтому это языкъ, какого нигдѣ нѣтъ на свѣтѣ и какой нигдѣ невозможенъ,

*) Сербскій Народный листъ, литературное еженедѣльное изданіе подъ редакціей Огдора Павловича, въ Будапештѣ, выходитъ въ 1835 г. и съ 1837 по 1847 г. Упомянутыя статьи Лазича въ Серб. Нар. Листѣ за 1845 г. стр. 203—204, 209—211, 228—229, 241—243, 249—251, 293—295.

пока въ народахъ царствуетъ здравый смыслъ *). Но и самъ Стеичъ въслѣдствіи выступилъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ требованій Вука очистить сербскій языкъ отъ славянизмовъ и оторвать его отъ почвы новѣйшихъ преданій.

Наконецъ въ 1846 году стали выходить Сербскія Народныя Новины и Сербскій Народный Листъ безъ *з, ѣ и ѣ*.

Это былъ, какъ казалось современникамъ, значительный шагъ впередъ. Но именно въ это же время выступаетъ защитникомъ *з и ѣ* Светичъ въ своемъ Утукѣ III, направленномъ противъ Караджича и его книги „Писма“, хотя въ своей „Голубицѣ“ въ 1839 г. онъ помѣстилъ насмѣшку Стеича надъ *з и* придаваемой ему цѣною. Исходя изъ того положенія, что въ письмѣ должны быть различаемы слова однозвучныя, и утверждая, что въ сербскомъ произношеніи сохранилась разница между *и* и *ѣ*, Светичъ доказываетъ, что *з и ѣ* имѣютъ свое *raison d'être* въ сербской орфографіи. Светичъ думаетъ, что *з* означалъ глухой, а *ѣ* болѣе ясный звуки. Въслѣдствіи, по мнѣнію Светича, изъ *з* образовалось *и*, изъ *ѣ*—*ѣ*, которое онъ называетъ „тонкимъ, открытымъ или слитнымъ еромъ“ **). Систему свою онъ основываетъ на смягчительномъ знакѣ *і* которое въ соединеніи съ *ѣ* образуетъ *ѣ*, съ *к*—*ћ*, съ *д*—*ђ*, обращаясь въ верхнюю черту этихъ знаковъ. Здѣсь Светичъ вполне смѣшиваетъ звукъ и знакъ. Какъ доказательство, что *з и ѣ* знаки необходимы, Светичъ хочетъ дать имъ значеніе, неподходящее къ

*) Новый прилогъ за душевну забаву отъ Дра Јована Стеича. книга V. У Новомъ Саду стр. 146 и 155. Также Голубица, т. I, стр. 21 и 23.

**) Утукъ III Езикословный стр. 39.

ихъ природѣ: онъ полагаетъ, что ими можно различать однозвучныя слова, различныя по значенію, напр. црвен (-нь) краснота и црвень—красный, сад-теперь и садѣ—садъ. Точно такимъ же способомъ онъ предполагаетъ при помощи з и ѣ различать сходныя формы существительныхъ и прилагательныхъ, какъ напр. твор. ед. и дат. мн. добрымъ и добрымъ, моимъ и моимъ и т. д *). Даничичъ, разбирая мнѣнія въ „Ратѣ за српски језик“ обнаружилъ всю несостоятельность разсуждений Светича и его познаній въ языкѣ и грамматикѣ **).

Если з не имѣетъ мѣста въ сербской азбукѣ, то ѣ, которое потеряло свой отличительный выговоръ и не различается въ устахъ серба отъ и, тоже не могло остаться у Вука Караджича. Какъ мы видѣли, уже Досиеей Обрадовичъ признавалъ его ненужнымъ, а Орфелинъ и Соларичъ даютъ ѣ значеніе з+и и особенное примѣненіе, напр. нымъ-нымъ-нымъ, ныховъ-ныхов и т. д. Но не смотря и на авторитетъ Досиеея, этотъ знакъ находилъ много защитниковъ. Субботичъ, который явился примирителемъ обоихъ орфографическихъ лагерей, въ 1842 выступилъ въ Лѣтописи со статьею, въ которой доказывалъ ненужность этого знака ***).

Исключивъ изъ сербской азбуки ѣ, Караджичъ напелъ ему замѣну въ ј, љ и њ. Уже въ Лѣтописи въ 1827 году были статьи, доказывавшія необходимость принять љ и њ въ сербскую азбуку †), но еще долго

*) *ibidem*, стр. 41,

**) Рат за Српски језик стр. 8 и слѣд. о полугласныхъ.

***) Лѣтоп. Мат. Серб. за 1842, кн. 56. „О писмену ѣ“.

†) Лѣтоп. Мат. Серб. за 1827; вып. 9, стр. 117, въ статьѣ Эмануила Коларовича: Несколько предложенія свѣрх азбуке сербског језика.

и впоследствии раздавались голоса противъ нихъ. Еще въ 1863 въ одномъ изъ сочиненій, направленномъ противъ Вука, утверждалось, что съ введеніемъ въ сербскую азбуку j, љ, њ „гибнетъ и красота сербскаго языка“ *).

Какъ выше было сказано, всего болѣе опасеній у сербскихъ писателей и патриотовъ возбуждало введеніе j **). Мушицкій для ихъ успокоенія въ одной изъ своихъ эпиграммъ указываетъ, что этотъ знакъ и его названіе еврейскіе, не латинскіе, равно какъ и принятое въ кириллицу ц. ***). Что касается формы j, то нѣкоторые предлагали принять i въ значеніи j †). Принятіе j въ сербскую азбуку было самымъ важнымъ орфографическимъ нововведеніемъ Вука Караджича. Выше мы видѣли, что Савва Меркайлъ предлагалъ ввести знакъ i въ значеніи j, и такимъ образомъ онъ былъ ближе къ мысли сохранить кирилловскій характеръ сербскихъ буквенныхъ знаковъ, чѣмъ Вукъ Караджичъ. Потребность въ j давно ощущалась сербскими писателями, которые прибѣгали къ разнымъ спо-

*) Обрана езика србскогъ одъ изопачаваня и т. д. Евстатиѣ Михайловича, стр. 33.

**) Уже Крижаничъ предлагалъ ввести j въ славянскую азбуку и писалъ јесутъ, јелея, чјууж, свѣтаја. (Чтенія въ Обществѣ ист. и древ. за 1859, т. IV. 12 отдѣлъ сочиненія Крижанича: Граматично исказанје об рѣском језику, стр. 91X).

***). Собр. сочин. Мушицкаго т. IV, стр. 13.

†) Дѣт. Мат. Серб. за 1838 № 44, стр. 79 въ статьѣ Нерито о неким нашимъ писменима.—Проф. Гаттала въ Сав. Сеск. Муз. за 1864, стр. 201 говорятъ: Vuk St. Karadžić, nezabaviv cyrillice glavni vady její právě vyloženy ani jinýmъ obdobnýmъ způsobem, nežъ přijetímъ do ní latinského j, snevážil ovšemъ prvotnýrázъ její poněkud, а на стр. 199 замѣчаетъ, что Караджичъ могъ-бы принять i вмѣсто j въ свою азбуку. Въ защиту j см. статью А. Д. Ориска писменост. Писме „j“ потребно српскоме писму. Дѣт. Мат. Серб. за 1832 г. № 31, стр. 19—35.

собамъ, чтобы отличить мягко изглашаемое *е* отъ обычнаго твердаго его изглашенія. Соларичъ для мягкаго *е* употреблялъ знакъ *ѳ*, а позднѣйшіе писатели *е*, съ введеніемъ *ј* устранялась потребность въ *я*, *ю* и *ѣ*, которые были замѣнены *ја*, *ју*, *ј*. Для сочетанія *јо* нѣкоторые писатели считали нужнымъ изобрѣсти особый знакъ: Мушицкій предлагалъ соединить *і* и *о* *), а Орфелинъ, Соларичъ, Лазаревичъ употребляли *іо* съ циркумфлексомъ **). Принятіемъ *ј* — устранялась потребность въ особыхъ знакахъ для подобныхъ сочетаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вукъ Караджичъ вычеркнулъ изъ сербской азбуки знакъ *ѣ*, который онъ называетъ слогомъ ***). Какъ мы видѣли, свое раздѣленіе сербскихъ нарѣчій Вукъ Караджичъ основываетъ на произношеніи *ѣ* въ различныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ сербами. Въ орографіи сербскихъ писателей XVIII и первой половины XIX вѣка царствовалъ полнѣйшій хаосъ относительно употребленія *ѣ*: уже у Орфелина находимъ нѣгово (вм. ѣгово, Магаз, стр. 17), увеселеніе (стр. 39) и увеселѣніемъ (стр. 69) и т. д. Впослѣдствіи эта неопредѣленность употребленія *ѣ* — еще усилилась. Светичъ писалъ *ѣ* послѣ *и* и *л*, вмѣсто того, чтобы смягчать эти звуки: напр. преображаванѣ, внутренѣмъ (Утукъ III, стр. 33) и т. д. Часто одинъ и тотъ же писатель писалъ разнообразнымъ способомъ одно и то же слово. Караджичъ указываетъ, что Светичъ написалъ въ одной и той же статьѣ одно и тоже слово двумя различными способами, въ одномъ случаѣ

*) Голубица т. IV, стр. 306.

**) Орфелинъ: славено-сербскій магазинъ (1768), напр. 46 стр., іощъ, Соларичъ: Сверхъ воспитанія и челоѣколюбію, напр. 50 стр. іощ, Лазаревичъ: Содружество боговъ 1810, напр. 72 стр., іощтеръ.

***) Первое изданіе словаря 1818 г. стр. XXXV.

употребивъ ѣ, въ другомъ замѣнивъ его е (старонѣмачко и немачкій, векъ и дѣло *).

Въ правилахъ сербскаго правописанія, составленныхъ Стеичемъ въ 1852 году, даются слѣдующія предписанія для употребленія ѣ: 1) ѣ должно писаться всюду, гдѣ л и н предъ е выговариваются мягко, слѣд. вмѣсто ле и не, напр. зелѣ (зеле), ягнѣ (јагње) шилѣмъ (шилѣм) и т. д.; 2) въ корнѣхъ и во флексіи словъ, „гдѣ слышится звукъ слитый изъ и и е“: напр. утѣха (утѣха), оружѣ (оружје), перѣ (перје) и т. д. **).

Караджичъ, основавъ свое раздѣленіе нарѣчій сербскаго языка на произношеніи ѣ, нашелъ для него замѣну въ е, и, је и ије, при чемъ онъ далъ этимъ возможность выразить и герцеговинское произношеніе ѣ въ два слога. Впрочемъ, Караджичъ допускалъ возможность сохранить ѣ въ сербской орфографіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно употреблялось лишь тамъ, гдѣ оно имѣетъ мѣсто въ языкѣ славянскомъ ***).

Но исключеніе ѣ изъ сербской азбуки могло повести къ произволу въ употребленіи его замѣнѣ. Если сербъ изъ Далмаціи былъ совершенно вправѣ написать *лито*, то сербъ изъ Срема могъ и не понять этого слова, которое онъ пишетъ *лѣто*. Стеичъ, сначала замѣнявшій ѣ посредствомъ е, въ послѣдствіи возвратился въ употребленію ѣ. Причины у него для этого слѣдующія: 1) посредствомъ ѣ можно сохранить старо-славянскую основу въ правописаніи, 2) о буквѣ ѣ можно сказать, по словамъ Стеича, „читай его, какъ ты научился говорить отъ своей матери: одинъ,

*) Отговор на ситнице језикословне. стр. 16.

**) Гласник IV, стр. 7.

***) Писма, стр. 6.

какъ *е*, другой, какъ *и*, третій, какъ *н*, и четвертый, *іе* или *ије*, ибо въ немъ каждый изъ этихъ звуковъ^{*)}). Но при этомъ Стеичъ самъ употребляетъ ѣ лишь въ тѣхъ словахъ, которые онъ называетъ славянскими и не пишетъ его въ *словахъ сербскихъ*, хотя одного и того же корня съ первыми, напр. *бѣло*, но *бео*, *лѣто*, но *пролѣће*, *цео*, и т. д. Подъ славянскимъ языкомъ Стеичъ здѣсь разумѣлъ ново-церковно-славянскій и его орографію или—правильнѣе—русскую орографію. Нѣкоторые изъ противниковъ нововведеній Караджича отрицали даже возможность установить единство въ литературномъ языкѣ сербовъ при исключеніи ѣ изъ числа знаковъ сербской азбуки^{**)}).

Дѣйствительно, отсутствіе ѣ въ азбукѣ повело къ произвольному употребленію его замѣнъ, согласно съ различными говорами сербскаго языка. Въ виду этого нѣкоторые сербскіе писатели, какъ напр. Іованъ Субботичъ, сохраняютъ употребленіе ѣ въ корняхъ словъ^{***)}).

Знакъ *ћ*, употребленіе котораго со времени реформы Вука Караджича сдѣлалось всеобщимъ у Сербовъ, принадлежитъ къ старымъ знакамъ сербской азбуки, какъ было уже указано. Въ памятникахъ XII и XIII вв. этотъ знакъ встрѣчается исключительно на мѣстѣ мягкаго *д*, и самый ранній примѣръ обозначенія имъ мягкаго *т* встрѣчается въ грамотѣ князя Андрея 1249 года.^{†)} Самое его начертаніе въ его древнѣйшей формѣ, по

*) Гласник, II, стр. 39.

**) Михайловичъ. Обрана и т. д. стр. 78.

***) Калуђер. Истина и поезија од Д-ра Іована Субботића. У Новоме Саду 1881 г. Субботичъ пишетъ *тѣло*, *врѣме*, *примѣти*, *вѣнцем*, и т. д. а также: *дотвривао*, *онесвѣшћен* *освѣћање* и т. д.

†) Въ имени: Блгрьнь Мръћикъ (Monumenta Serbica Миклошича, стр. 34.) Ср. Майковъ: Исторія Сербскаго языка, стр. 508.

мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, составлено по образцу начертанія *д.* *). Въ боснійской кириллицѣ онъ получилъ значеніе еще болѣе широкое. Матія Дивковичъ въ своей книгѣ „наукъ карстиански“, въ первый разъ изданной въ Венеціи въ 1565 году **) и напечатанной боснійскою кириллицею, пользуется знакомъ *ћ* не только вмѣсто *дѣ* и *тѣ*, но и для обозначенія мягкости *л* и *н* и даже въ значеніи *ј*, слѣдовательно въ значеніи глаголическаго *деря*, напр. анѣо, догаѣмъ Дивковић, ѣлубав, свагдашѣни, кѣнига, говорѣніе, моѣмъ.

Сербскіе писатели XVIII вѣка стали употреблять знакъ *ћ* со времени Орфелина. Въ *Букварь* Орфелинъ замѣчаетъ, что *ћ* замѣняетъ *дѣ*, а *ѣ* произносится какъ *тѣ*, такъ онъ и употреблялъ эти знаки въ своемъ *Магазинѣ*: будущи (стр. 65), освобоѣены (стр. 66), доѣи (68), разваѣяо (68) и т. д. Въ „Сербскихъ Новинахъ“, выходившихъ въ Вѣнѣ въ 1791 и 1792 гг., а также въ „Славенно-Сербскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣнившихъ „Новины“ въ 1793 и 1794 гг., употреблялся знакъ *ћ* въ двойномъ значеніи, но не всегда: напуниѣсе (№ 58 отъ 30 Сент. 1791) веѣя = веѣа (№ 32 отъ 15 Апрѣля 1793 г.), *ћ* нареѣенно (= нареѣено, *ibidem*), третѣи (= нынѣшнее треѣи, *ibidem*) и т. д. Досиѣей Обрадовичъ употреблялъ этотъ знакъ также въ значеніи *ћ* и *ѣ*, но Соларичъ лишь въ первомъ его значеніи. Изобрѣтеніе знака *ћ* Вукомъ Караджичемъ, при ближайшемъ содѣй-

*) Майковъ, *ibidem*, стр. 507. Шафарикъ производить древнѣйшее начертаніе *ћ* отъ глаголическаго *деря*, отъ котораго взята лишь первая половина (Památky hlaholského Písemnictví стр. 13.).

**) Стоячковићъ. Исторія восточно-славянскаго богослуженія и куріальскаго книжества кодъ Славена западне церкви стр. 113.

ствіи Лукіана Мушицкаго, устранило двойственное значеніе ѣ.

Знакъ џ, заимствованный изъ румынской азбуки для обозначенія сочетанія *дж*, въ старой сербской письменности встрѣчается въ первый разъ въ надписи отъ 1667 г. на рипидѣ, находящейся въ Крушедольскомъ монастырѣ *). До Караджича онъ уже употреблялся Сербскими писателями **).

Вмѣсто *ш*, Вукъ Караджичъ усвоилъ сербскому правописанію *шт*, основываясь на самомъ происхоженіи этого знака и на его сербскомъ произношеніи. Въ этомъ разложеніи *ш* по его составу, Вукъ Караджичъ поступилъ обратно тому, чѣмъ руководствовался, принимая въ сербскую азбуку знакъ џ.

Какъ уже было сказано выше, Караджичъ сначала исключилъ изъ сербской азбуки букву *х*, такъ какъ не находилъ въ языкѣ соответствующаго ему звука, и потому указывалъ замѣны *х* ***). Но посѣтивъ Черногорію и Далмацію, Вукъ Караджичъ перемѣнилъ мнѣніе, убѣдившись, что и въ сербскомъ языкѣ существуетъ звукъ *х*; въ цетинскомъ изданіи *пословице* уже находимъ *х* во многихъ мѣстахъ, и съ этихъ поръ онъ вновь принялъ *х* въ число знаковъ сербской аз-

*) Schaffarik. Serbische Lesekörner, стр. 63. Вотъ эта надпись: сие рипиде скова хаџи иларнонь митрополитъ белиградски и приложи ѣ монастырь Крушедоль о семъ трудѣ се хаџи Спиридонъ ва лето 1664. (Лѣт. Мат. Серб. кн. 114, стр. 136) Миллошичъ считаетъ этотъ знакъ џ совершенно излишнимъ (Vergl. gramm. d. slav. Spr. T. I, второе изданіе, стр. 412). Гаттала въ своемъ возраженіи на это мнѣніе Миллошича (Rad IV, 124). исходитъ изъ ученія о простыхъ и сложныхъ звукахъ.

**) Такъ напр. въ 1808 г. въ Будимѣ вышла книга: умная наставленія преведена Микаломъ Бояціѣмъ.

***) Рјечникъ 1818, стр. XXXIV; Даница за 1826 г., стр. 56—59.

буки, употребляя его тамъ, гдѣ того требовала этимологія *).

При гласномъ *р* Вукъ Караджичъ, слѣдуя Досиеею Обрадовичу, не употреблялъ ни *а*, ни *е* для обозначенія его гласности.

Систематически прилагая правило: *пиши, какъ говоришь* къ сербской ореографіи, Вукъ Караджичъ исключилъ всякое удвоеніе согласныхъ и допустилъ выражать на письмѣ всѣ фазисы ихъ уподобленія: переходы среднихъ въ тонкіе передъ тонкими и наоборотъ нашли свое полное примѣненіе въ сербской ореографіи. Эта свобода въ правописаніи логически вытекала изъ сущности фонетической системы ореографіи.

И такъ, Вукъ Караджичъ является лишь систематизаторомъ всѣхъ тѣхъ измѣненій въ русской азбукѣ, которыя были уже указаны его многочисленными предшественниками, говорившими о томъ, что русская и церковно-славянская ореографіи оказываются недостаточными для выраженія звуковъ сербскаго языка. Фонетическую систему правописанія онъ довелъ до крайности, и тамъ, гдѣ онъ является самостоятельнымъ реформаторомъ, какъ въ совершенномъ изгнаніи изъ азбуки буквы *ѣ* и въ допущеніи обозначать на письмѣ всѣ уподобленія звуковъ, его ореографическая реформа требуетъ поправокъ и ограниченій.

Предшественники Вука Караджича не владѣли ни достаточнымъ знаніемъ народнаго языка, ни достаточною энергіею, чтобы ввести въ сербскую письменность новый литературный языкъ и намѣченные ими измѣненія въ азбукѣ. Вукъ Караджичъ кромѣ того, что обладалъ въ высшей степени тѣмъ и другимъ, нахо-

*) Пословице 1849 г. стр. XII—XXVI; Речникъ 1852. Предисловіе.

дился въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя помогли ему не только положить начало въ родной письменности *новому* литературному языку, но и создать *систему* сербскаго алфавита и ореографіи. Энергія, обнаруженная имъ въ борьбѣ съ противниками его нововведеній, и настойчивость, съ которою онъ проводилъ все, что проповѣдывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, ставятъ его на ряду съ вождями сербскаго народа во время его политическаго возрожденія. Этой побѣдѣ всѣхъ новшествъ Вука Караджича помогли и его дружескія связи съ лучшимъ славистомъ того времени, Копитаромъ, и такими славянскими и нѣмецкими учеными, какъ Шафарикъ, Срезневскій, Як. Гриммъ и друг. Дѣятельность Вука Караджича вполне заслуживаетъ названія патріотической.

Изданіе сербскихъ народныхъ произведеній естественно должно было показать всю несостоятельность дѣланнаго языка современныхъ Караджичу писателей, и отсюда возникаютъ его заботы сдѣлать языкъ литературы дѣйствительно народнымъ. Во время культурнаго и политическаго возрожденія сербскаго народа, такая реформа литературнаго языка была тѣмъ болѣе естественна, что въ западно-европейской и въ русской литературѣ совершался въ это время поворотъ въ чисто національномъ направленіи. Ложь псевдоклассицизма и ходульность романтизма и сентиментализма уступали мѣсто живой естественности и жизненной правдѣ.

Дѣятельность Вука Караджича, какъ собирателя и издателя народныхъ произведеній, оказала и еще оказываетъ сильное и благотворное вліяніе на развитіе сербской литературы. Многочисленные продолжатели Вука Караджича обогатили литературу

сборниками произведений устной словесности изъ разныхъ мѣстностей, занятыхъ сербскимъ народомъ. Сербская литература сдѣлалась народною и жизненною; сербская повѣсть, до того времени и по содержанію, и по языку чуждая жизни, стала искать матеріала въ бытѣ и жизни народа, а иногда и въ его преданіяхъ и исторіи. Новѣйшіе сербскіе писатели, правда, не создали еще романа, но они создаютъ оригинальную повѣсть, въ которой бытъ народа получаетъ естественное и живое изображеніе. Разнообразіе природы, жизни и положенія областей, занятыхъ сербами такъ велико, что для художника писателя представляется въ этомъ отношеніи широкое поле въ сербской литературѣ. Вліянію Вука Караджича обязана сербская поэзія стихомъ и цѣлымъ рядомъ національныхъ поэтовъ: въ ней теперь уже невозможны ни Лукіанъ Мушицкий съ дидактическою одою и классическимъ метромъ, ни Сима Милутиновичъ со своимъ оригинальнымъ языкомъ.

Но реформа Вука Караджича въ сербскомъ литературномъ языкѣ и орфографіи была не во всѣхъ отношеніяхъ благотворна. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что всякій изъ живыхъ славянскихъ языковъ имѣетъ права на самостоятельную литературу; лишь при развитіи національныхъ литературъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей выразится все духовное богатство цѣлаго племени. Но реформа Вука Караджича въ отношеніи сербскаго литературнаго языка была слишкомъ поспѣшна: ею слишкомъ рѣзко порваны всѣ связи сербской литературы съ русской и ея языкомъ, связи столь крѣпкія, что начинающая сербская литература могла надѣяться на широкое развитіе совмѣстно съ русскою; ею предоставлена своимъ

силамъ литература малаго сербскаго народа, которая вслѣдствіе своей слабости легко можетъ стать лишь отголоскомъ направленій совершенно чуждыхъ сербскому народу.

Вмѣсто того, чтобы постепеннымъ внесеніемъ элементовъ живаго языка очистить и улучшить языкъ сербской писменности и такимъ образомъ выработать новый литературный языкъ, Вукъ Караджичъ возвелъ живой языкъ народа, правда мягкій и звучный, но далеко небогатый, на степень языка науки и литературы. Его крайняя боязнь словяно русскаго вліянія побуждала его даже предпочитать русскимъ словамъ турецкія, звучація такимъ диссонансомъ среди славянскихъ звуковъ сербскаго языка. Самое единство сербскаго литературнаго языка подвергается опасности при послѣдовательномъ примѣненіи правила: *пиши какъ говоришь*, ибо и въ самомъ сербскомъ княжествѣ существуетъ нѣсколько болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга говоровъ, не говоря уже о томъ, что весьма замѣтна разница между языкомъ серба Княжества и Далмации или серба Босніи и Старой Сербіи, подвергшейся сильнѣйшему вліянію болгарскаго племени. Сербскіе и хорватскіе ученые и писатели новѣйшаго времени обратили вниманіе на тѣ крайности, къ которымъ можетъ привести орфографическое правило, провозглашенное Вукомъ Караджичемъ, и стараются установить для него предѣлы *). Въ этомъ отношеніи труды извѣстнаго филолога Юрія Даничича неосцѣнимы въ сербской литературѣ; они направлены къ тому, чтобы установить одинъ типъ литературнаго сербскаго языка и правописанія, раскрыть все богатство сербскаго слова и освѣтить его прошедшее.

*) Književnik, т. I, стр. 176.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Списокъ трудовъ и изданій Вука Караджича.

1814. Мала прстонародна Славено-сербска песнарица издана Вуком Стефановићем. у Виенни. У печатњи г. Јоанна Шнирера.

1814. Писменица Сербскога Језика по говору простаго народа написана Вуком Стефановићем Сербшианцем. У Виенни. У печатњи г. Јоанна Шнирера.

1815. Народна србска пѣснарица, издана Вукомъ Стефановићемъ. У Виенни, у печ. Јована Шнирера, часть втора.

1817. Новине Србске. № 42 стр. 336. № 43, стр. 342—343, № 44 стр. 350. одговоръ на палинодію, статью, помѣщенную Меркайлемъ въ № 41 подъ заглавіемъ: Палинодія либо обрана дебелого ера. (Вѣроятно Вука Караджича).

1817. о Милошу Обилићу Срб. Нов. № 97. стр. 773—775. 1. Декабря (подписано В).

1817. Продуженіе рецензіе прве части Любомира у Елізіуму № 59. стр. 469—472, № 60 стр. 477—480, № 61., 485—488., № 62, 493—496, № 63, 501—504., № 64, 509—512, № 65, 517—520, № 66, —525—528, № 67, 533—536, № 68, 541—544. Новине Србске.

Тутъ же рецензія и второй части этого романа.

1817. Новине Србске № 80. стр. 637—640 Малий одвраћаѣъ на малий одговоръ г. Видаковића. (за подписью: Рецензентъ).

1817. Новине Србске № 83. Писмо къ рецензенту Любомира у Елізіуму Мих. Фил. Грујовића и отвѣтъ Рецензента (т. е. Вука) стр. 661—664.

1818. Новине Србске № 21. Второ объявленіе о Србскомъ словару. (Первое объявленіе было въ 1816 г.).

1818. Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским рјечма скупно га и на свијет издао Вук Стефановић. Wolf Ste-

phansohn's Serbisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch. Lupi Stephani F. Lexicon Serbico-Germanico – Latinum У Бечу (Wien, Viennae), gedruckt bei den P. P. Armeniern.

1818. Новине Србске № 28—6 и 7 Апр. Стр. 221—222. Додатак к миѣнију о писмени *или* у нашимъ причастіямъ (подп. В).

1818. Срб. Нов. № 50. 22 Іюня стр. 389—392, № 51, стр. 397—400. Отвѣтъ на замѣчанія — *Ц* — на его статью, помещенную въ №№ 45 и 46 той же газеты. (Подписано В). «Одговор господиу *ц* — на његово миѣніе о Србской Граматци». (Вѣроятно Вука Караджича)

1819. Срб. Нов. № 68, стр. 517—520, № 69—стр. 525—528. Руска Библија. Перепечатано предисловіе къ изданію русской библии (въ Петербургѣ) и нѣсколько отрывковъ изъ евангелія на славянскомъ, «русійскомъ и србскомъ». (Вѣроятно Вука Караджича).

1819. Новаковић Ненад. Особитый додатакъ къ Новинама, у Бечу (стр. 637). Неколико ријечи о другомъ објављенију на третью часть Любомира у Елісіуму. (Вѣроятно Вука Караджича. Сравни Библиогр. Новаковича, стр. 117).

1820. Забавникъ Давидовича. Статія Вука Караджича: Народна пісма о кнезу Ивану Кнежевићу (из преко Дрине из села Попова, имен. Попови) и Добрићкомъ робљу. Отдѣленіе «Србство» въ Забавникѣ стр 165—167. (Подписано Вук Стефановић).

1820. Србске Новине. № 21. (подписано Новковић Ненад.) Примјечанија на преводе г. Томе Љубибратића и на примјечаније на њих г. Станимира Живковића. (перепечатано въ *Писма Вукомъ* стр. 59).

1821. Србске Новине № 66, стр. 388—390. Одговор на Добрићеве погледе «на начинъ србска пісана», додатак к ч. 53 Нов. Срб. метнуте. — Подписо. В. С. у Бечу 17 Авг.

1821. Неколико ријечи мојимъ овогодишњимъ рецензентама а особито Благоју Штипкаловићу и старцу Куцкалу. Додатакъ къ числу 49 Срб. Нов.

1821. Одговор Іовану Ранитовићу адвокату Штипкаловићеву. Додатакъ къ числу 63—64. Срб. Нов.

1821. Писмо Димитрију Фрушићу, Доктору Медицине. У Бечу 19 Нојембра. У Віени. Додатакъ къ числу 68. Новина Србски.

1821. Одговор Штипкаловићу или Ранитовићу на његов од-

говор у додатку къ 75 ч. Нов. Срб. у Виѣни. Додатакъ к числу 79 Новина Србскихъ. У Бечу 27 Сент. В. С.

1821. Народне Српске Приповѣтке написао В. С. У Бечу. Додатакъ къ №№ Новинъ Сербскихъ 89, 90, 91, 95, 98, 100 стр. 1—31. съ 33—48 народныхъ загадки.

1822. Додатак к Санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчицима свију языка и нарѣчија с особитимъ огледима Бугарскога языка. Написао Вукъ Стевановић. Санктпетербургскога општества љубитеља Руске словесности и Краковскога ученога друштва член-корреспондент. У Бечу.

• 1823. Народне српске пјесме. Скупио и на свијет издао Вукъ Стеф. Карацић. (Јадранинъ изъ Трипића, а одстарише Дробњакъ изъ Петнице), философије доктор, Санктпетербургскога вољнога општества љубитеља Руске словесности, и Краковскога ученога друштва член-корреспондент. Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Липици у штампарији Брејткопфа и Ертла.

• 1823. Народне српске пјесме скупио и на свијет издао Вукъ Стеф. Карацић и т. д. Књига трећа, у којој су пјесме јуначке позније. У Липици, у штампарији Брејткопфа и Ертла.

• 1824. Народне српске пјесме. Скупио и на свијет издао Вукъ Стеф. Карацић и т. д. — Књига прва, у којој су различне пјесме. У Липици, тамъ же.

1824. Вука Стеф. Карацића, философије доктора и т. д. Огледнъ Светога писма на Српскомъ језику. У Липици у штампарији Брејткопфа и Ертла, — и другое заглавје:

Огледнъ Светога писма на српскомъ језику. *Versionis Novi Testamenti serbiae Specimena auctore Wuk Stephanide Karadschitsch Philosoph. Doctore. Praefatus est Ioannes Severinus Vater Theol. Dr. et Prof Halensis. Vindobonae. 1824. prost. ap. Antonium Straus (in commissis).*

1824. Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik verdeutsch und mit einer Vorrede von Jakob Grimm. Nebst Bemerkungen über die neueste Auffassung langer Heldenlieder aus dem Munde des serbischen Volks und der Uebersicht des merkwürdigsten jener Lieder von Iohann Severin Vater. Leipzig und Berlin bei G. Reimer 1824.

1825. Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича верховнаго вождя и предводителя народа Сербскаго. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча.

1826. Даница. Забавник за годину 1826. Издао Вук Стеф. Караџић, философије доктор и учени друштва: Санктпетербургскога вољнога Љубитеља Руске Словесности, Браковскога, Тирингско-Саксонскога за истраживање отач. старине и Краљевско-Геттингскога член кореспондент. Прва година. У Бечу, у штампарији Јерменскога наместира.

1827. Даница. Забавник за годину 1827. Издао Вук Стеф. Караџић, философије доктор и т. д. Друга година, у Бечу.

1827. Житије Ђорђија Асернијевића Емануела, Росијско-Императорскога Генерал-Лейтенанта и Ордена Росијски: Светога Ђорђија III реда, светог равноапостољнога кнеза Владимира великога крста II реда, златне шнаге с надписом «за храброст», Прајско-Краљевскога ордена црвеног орла I реда и Краљевско-Шведскога мача II реда Кавалера, имајућег Росијску колајну, начињену за спомен незаборављене 1812 године, и Аустријску златну с надписом «Für die Tapferkeit». Издао Вук Стеф. Караџић. У Будиму. Словима Краљ. Университ. Пештанског.

1827. В. Стеф. Караџића. Први српски буквар. У Бечу у штампарији јерменскога наместира (Оттисак из Данице за 1827 г.).

1828. Милош Обреновић кнез Србим; или грађа за Српску Историју нашега времена, написао Вук Стеф. Караџић, философије доктор и т. д. У Будиму, у штампарији краљ. универс. Пештанскога. (Посвящено Јовану Обреновичу и Јефрему Обреновичу).

1828. Даница. Забавник за годину 1828, издао Вук Стеф. Караџић, философије доктор и т. д. Трећа година.

1829. Даница. Забавник за годину 1829, издао Вук Стеф. Караџић, философије доктор и т. д. Четврта година.

1832. Письмо Вука Караџића князю Милошу, напечатано въ газетѣ *Србскій Улакъ* въ 1843 г, № 6, 7, 8, 9.

1833. Луке Милованова опит настављења к србској сличности и слогомјерју или просодии. По новом правописања начину сматрајући на повод къ новој веома нуждној Србској Писменици или Језиконауку списан 1810. А издао га Вук Стеф. Караџић. У Бечу. У штампарији Јерменскога манастира.

♦ 1833. Народне српске пјесме скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић, (Јадранин изъ Тршића, а од старине Дробњак из Петнице), философије доктор и т. д. Књига четврта, у којој

су различне јуначке пјесме. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира..

1834. Даница. Забавник за годину 1834, издао Вук Стеф. Караџић, философије доктор, учени друштва: санктпетербургскога вољнога љубитеља Руске Словесности, Краковскога, Тирингско-Саксонскога за истраживање отач. старине краљевско-Геттингскога и Московскога историје и старине Русије член-кореспондент и бивши президент славнога магистрата нације и вароши Београдске. Пета година. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира.

• 1836. Народне Српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи, издао Вук Стеф. Караџић, философије доктор и различних учених друштва член. на Цетињу. У народној штампарији

1837. Одговор на ситнице језикословне Ј. Хаџића — М. Светића. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

— 1837. Montenegro und die Montenegriner. Ein Beitrag zur Kenntniss der europäischen Türkei und des serbischen Volks Stuttg. u. Tübingen. (Въ изд. Котта въ Reisen u. Länderbeschreibung). Ранише должна быти една статья о Черногори въ Ausland (Братская помощь стр. 352).

~ 1841. Српске народне пјесме, скупно их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1842. Одговор на «Задатакъ Србскомъ филологу» № 32. Пештанско-Будимскій Скоротеца за 1842. (перепечатанъ Вукомъ въ «Писма» стр. 54—59.

1842. Прави узрокъ и почетакъ скупљања нашихъ народнихъ пјесама. Пештанско-Будимскій Скоротеца за 1842. № 20 и 21.

1842. Србскій народный листъ за 1842 г. № 25, стр. 197—199. Изъ писма едномъ члену Матице Србске писаногъ у Бечу 19 Јануара 1842 г. Вук Стеф. Караџић. Это отрывокъ писма Вука въ епископу Платону Атанацковичу, впоследствии напечатаннаго въ Писма и т. д. самимъ Вукомъ Караџичемъ.

1842. Поп Павле Карано-Тврткивић и Србскіи споменицы од Караџића. № 24 и 25 Пештанско-Будимскій Скоротеца.

1843. Опет г. поп Карано-Тврткивић и «Србскіи Споменицы» — Србскій Народный листъ № 27, стр. 211—212, № 28, стр. 217—218. Подписано В. С. К. въ отвѣтъ на статью, помещенную въ томъ же журналѣ, Карано-Тврткивича, отвѣчав-

шаго на статью Караджича въ №№ 24 и 25 Пештско-Будимскаго Скоротечи.

1843. Вуков одговор на Утук Г. М. Светића. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1844. Вуков одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку. У Бечу, у штампарији Јерменскога манастира.

1845. Вука Стеф. Караџића и Саве Телелије писма високо-преосвештеноме господину Платону Атанацковићу, православноме Владици Будимскоме о Српскоме правопису са особитијем додацима о Српском језику. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

— 1845. Српске народне пјесме скупно их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

~1846. Српске Народне пјесме скупно их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига трећа, у којој су пјесме јуначке средњијех времена. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1846. Критика у језику. Одговор Г. Евг. Јоановићу на *примљчанија на књигу* Писма Вука Стеф. Караџића и Савве Телелије. Србскій Народный Листъ 1846 г. № 19 отъ 16 Маја, стр. 145—148, № 20 отъ 23 Маја, стр. 153—156.

1846. Kolo Stanika Vraza, IV, 1847 г. стр. 72—79. Odgovor Vuka Stef. Karadžića—Babukiću. Ему предшествује писмо Вѣкослава Бабукича къ Караджичу (стр. 70—72), за нимъ идеть: Dodatak uredništva.

1847. Нови завјет господа нашега Исуса Христа. Превео Вук Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1847. «Утукъ III езикословный одъ М. Светића», отвѣтъ В. С. Караджича на эту брошюру противъ него Хаджича. Србскій Народный листъ отъ 23 февраля 1847 г. № 8, стр. 57—60.

1848. Господину са два крста. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира. Брошюра, 8 стр. 20 Марта 1848 г. Писмо это было напечатано въ Подунавкѣ за 1848 г. № 12 отъ 19 Марта, стр. 45—47. Тутъ же и одговоръ господина са два крста.

—1849. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

— 1849. В. С. К. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. I. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1850. Narodne Novine (Загребскија) за 1850 г, (9 Травња), број 76, стр. 215. Главна правила за јужно највеће (како објашнење к њ договору о азбуци и литературном језику међу Србима и Хрватима).

1851. *Кмет* написао Вук Стеф. Караџић. Slavische Bibliothek Miklosich'a, I т. стр. 85—89.

1851. Вук Стеф. Караџић. Посланица Антону Кузманџићу у Задар у Slavische Bibliothek Miklosich'a, I т. стр. 90—110.

— 1852. Lexicon Serbico-Germanico-Latinum edidit Vuk Steph. Karadschitsch. Vindobanae. Typis congregationis Mechitaristicae. Српски рјечник иступачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић.

— 1853. Српске народне приповјетке. Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1857. Примјери српско-Славенскога језика, саставио их Вук Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1858. Вук Стеф. Караџић писмо Јовану Стерији Поповићу о српској просодији. Slavische Bibliothek Миклошича. Т. II, стр. 232—236.

1860. *Правителствујућий Совѣтъ Сербскій* за времена Караџорђејева или отимање ондашњијех великаша око власти. Написао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1861. Одбрана од ружења и куђења. В. С. К. Оттиски из газете *Видовдана* за 1861 г. № 34, 35, 36.

— 1862. Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук. Стеф. Караџић. Књига четврта, у којој су пјесме јуначке новијех времена о војевању за слободу. У Бечу, у штампарији јерменскога манастира.

1864. Приправа за Историју свега свијета ради дјете. Пре-вео с њемачког по А. Л. Шлецеру покојни Димитрије Владисављевић бивши учитељ при српској школи у Трсту, а прегледао и на свијет издао Вук. Стеф. Караџић. Књижница прва. Увод у историју свега свијета. У Бечу, у наклади Ане удове В. С. Караџића.

— 1865. Српске народне пјесме, скупио их Вук Стеф. Ка-

рацић. Књига пета, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању Црногораца. Трошком народнијех прилога. У Бечу. У наклади Ане удовице. В. С. Караџића.

~ 1866. Српске народне пјесме из Херцеговине (женске). За штампу их приредио Вук Стеф. Караџић. Трошком народнијех прилога. У Бечу, у наклади Ане удовице Вука Стеф. Караџића.

✓ 1867. Живот и обичаји Народа Српскога, описао их и за штампу приуговорио Вук. Стеф. Караџић. Трошком народнијех прилога. У Бечу. У наклади Ане удове В. С. Караџића.

1870. Српске народне приповјетке скупио их и на свијет издао Вук. Стеф. Караџић. Потпором народнијех прилога. Друго умножено издање. У Бечу. У наклади удовице В. С. Караџића.

1872. Deutsch-Serbisches Wörterbuch.

Примљчаніе. Такъ какъ миѣ не удалось видѣть полныхъ годовъ Сербскихъ Новинъ за 1814, 1815 и 1816 г., то не могу считать этотъ списокъ трудовъ Караджича полнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что вѣроятно нѣкоторыя статьи безъ подписи или помѣченныя буквою *В.* въ *додаткахъ* къ газетѣ также принадлежатъ перу Караджича,—напр. Сербске Новине № 10, за 1818 г. стр. 78—80. Примѣчаніе о дѣтелномъ и творителномъ падежу сръбскомъ мушки и средњи имени—подп. *В.* Рецензія на романъ Видаковича *Усамљени юноша* (въ Серб. Нов. за 1815 годъ № 305, стр. 819—820, № 206, стр. 823—824, № 208, 831—832), вѣроятно принадлежитъ также Караджичу. Начала рецензій романа «Любоміръ у Елісіуму», я не видѣлъ въ тѣхъ экземплярахъ Сербскихъ Новинъ за 1815, 1816 и 1817 гг., которыми я могъ воспользоваться.

Біографическія свѣдѣнія о Саввѣ Меркайлѣ.

Савва Меркаль или Меркайлъ, какъ онъ подписался подъ статьею въ Серб. Нов. за 1817 г., стр. 326—328, родился въ 1783 г. въ Горней Краинѣ, въ селѣ Сѣничкаѣ. Въ 1799 году онъ окончилъ въ Карловцѣ духовное училище и сдѣлался учителемъ въ *славено-сербской* школѣ въ Госпитѣ. Здѣсь онъ не могъ ужиться съ офицерами и торговцами и потому вскорѣ, оставивъ должность, поступилъ сначала въ загребскую «академію», а послѣ перешелъ въ Пештскій университетъ, гдѣ слушалъ философію и математику. Онъ хорошо зналъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки и изучалъ греческій и еврейскій. Въ 1810 году въ Будимѣ онъ издалъ свою единственную книгу: «сало дебелого ера либо азбукопретресъ», которая обратила на себя вниманіе Копитара, справлявшагося у Мушицкаго объ ея авторѣ. Въ Пештѣ Меркайлъ пріятельски сошелся съ Лукою Миловановичемъ Георгіевичемъ, сочиненіе котораго «Опытъ сличноречности» издалъ въ 1833 году Вукъ Караджичъ. Въ 1811 году Савва Меркайлъ постригся въ монахи и получилъ чинъ діакона и имя Юліана въ монастырѣ «Гомиріа», гдѣ тогда былъ архимандритомъ знаменитый впоследствии патріархъ Іосифъ Раячичъ. Въ монастырѣ Меркайлъ не ужился съ братьями и вскорѣ былъ принужденъ оставить его. Не смотря на то, что епископъ Міковичъ приказалъ принять его въ монастырь, Меркайлъ не могъ долго оставаться въ монастырѣ и вскорѣ сталъ просить, чтобы сняли съ него монашескій чинъ и отпустили изъ Гомиріи. Въ 1813 году онъ ушелъ изъ монастыря и съ тѣхъ поръ велъ скитальческую жизнь. Между прочимъ всѣ защитники з, дебелоевровцы, преслѣдовали его за его книгу, и когда онъ, утомленный скитаніемъ, обратился къ митрополиту Стратимировичу съ просьбою принять его въ одинъ изъ монастырей фрушкогорскихъ, ему было въ этомъ отказано.

Разсчитывая на Лукіана Мушицкаго, который и самъ содѣйствовалъ новизнамъ сербской азбуки и съ 1822 г. управлялъ Верхне-карловацкой епархіею, Меркайль обратился къ нему съ просьбою о помощи, но добиться ничего не могъ. Въ 1827 г. онъ сошелъ съ ума и умеръ сумашедшимъ въ Вѣнѣ въ 1835 году.

Кромѣ его книги «Сало дебелого ера» извѣстна статья «Палинодія либо обрана дебелого ера» (Серб. Нов. 1817 г. № 41), написанная, вѣроятно, подъ тяжестію преслѣдованій за гоненіе зъ изъ сербской азбуки, и стихотворенія: «Гди е радость» и «Старацъ», напечатанныя въ Сербскомъ народномъ Листѣ за 1837 г. (стр. 415), а затѣмъ въ сборникѣ Хаджича: Голубица (т. III стр. 159—160). Въ Голубицѣ же (стр. 160—173) напечатана его передѣлка дидактической оды Лукіана Мушицкаго «Гласъ народолубца». Отъ него ожидали сочиненія «Језикопретресъ», имъ обѣщаннаго въ «Салѣ дебелого ера», но онъ его не напечаталъ. Приписывается Меркайлю двѣ пѣсни и письмо за подписью С. М. изъ Далмаціи въ Серб. Нов. за 1821 г. № 32. (Лѣт. Мат. Серб. т. 120, стр. 215).

Свѣдѣнія о Меркайлѣ заимствованы изъ статьи о немъ Георгія Райковича—въ Јаворѣ за 1877 г., №№ 29, 30, 31 и 32.

Биографическія свѣдѣнія о Лукѣ Миловановѣ.

Лука Миловановъ Георгіевичъ былъ родомъ изъ Босніи изъ Осата нахіи Сребрничкой. Отецъ его, плотникъ по ремеслу, переселился, предъ началомъ послѣдней Австро-Турецкой войны, въ концѣ прошлаго столѣтія въ Сремъ. Въ то время Лукѣ всего было два года. Сначала его отецъ поселился вблизи Вараждина въ селѣ Черевичѣ, но послѣ перешелъ въ Винковцы, побывавъ два раза въ качествѣ добровольца въ австрійскихъ войскахъ, воевавшихъ съ турками. Онъ умеръ въ 1820 г. Лука сначала учился въ Винковцахъ, а послѣ слушалъ въ Сегединѣ философію и въ пештскомъ университетѣ юридическія науки. Затѣмъ онъ сдѣлался сербскимъ учителемъ въ Пештѣ. Между прочимъ онъ преподавалъ математику пѣвчимъ русской капеллы при церкви Палатины Венгерской Александры Павловны въ Ирѣмѣ вблизи Пешта. Однажды онъ, отправившись туда пѣшкомъ въ большой морозъ, простудился

и послѣ болѣзни лишился слуха. Это несчастіе такъ поразило его, что онъ сталъ пьяницей. Затѣмъ онъ занимался перепискою въ Будимѣ у адвоката Григорія Димича, а послѣ служилъ въ качествѣ переводчика съ иностранныхъ языковъ у Будимскаго владыки Діонисія Поповича. Тутъ онъ перевелъ на сербскій языкъ нѣсколько латинскихъ сочиненій, которыя епископъ издалъ, предварительно исправивъ языкъ на свой образецъ. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ остались ненапечатанными и хранятся въ епископской библіотекѣ въ Будимѣ (Гласникъ т. 20, стр. 100). Послѣ смерти этого епископа Лука Миловановъ очутился въ крайней бѣдности и вскорѣ умеръ (28 ноября 1828 г.). Кстати замѣтимъ, что для изданія его «Просодін» предлагали средства двое изъ числа русскихъ пѣвчихъ въ Ирѣмѣ Clemens и Feodor еще въ 1811 году, но тогда цензура не пропустила книгу къ печатанію, вслѣдствіе особенностей ея орфографіи. (Опыт наставленія къ сербској сличноречности стр. IV).

Біографическія свѣдѣнія о Павлѣ Кенгелъцѣ.

Павелъ Кенгелацъ родился въ Кикиндѣ около 1770 года. Его отецъ (Христофоръ) былъ первымъ поселенцемъ въ этой мѣстности. Рассказываютъ, что пока не было православной церкви въ Кикиндѣ, у него собирались поселенцы, и онъ имъ читалъ молитвы. Послѣ того онъ былъ сдѣланъ *оберкнезомъ* (старшиной) въ этомъ новомъ поселеніи Сербовъ и впоследствии сталъ *сенаторомъ* въ кикиндскомъ магистратѣ. У него было 12 сыновей, Павелъ былъ одиннадцатымъ.

Павелъ Кенгелацъ, окончивъ курсъ уѣзднаго училища, сначала служилъ въ одномъ изъ торговыхъ заведеній въ Сегединѣ, но вскорѣ оставилъ это занятіе и отправился учиться въ Шопронь, откуда перебрался въ Кежмаркъ, гдѣ и окончилъ гимназію. Въ 1790 г. онъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ поступилъ въ семинарію при Александро-Невской Лаврѣ. Въ Россіи его называли *Кенгелаичъ*. По словамъ его біографа г. Райковича (Лѣтоп. Мат. Серб. кн. 124), онъ послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ ученія въ Петербургѣ, получилъ степенъ доктора богословія, и такимъ образомъ сталъ первымъ докторомъ бого-

словія изъ Сербовъ. Изъ Россіи онъ въ качествѣ гувернера дѣтей Яковича-Мирьевскаго ѣздилъ въ Германію и учился въ Галльскомъ университетѣ. Рассказываютъ, что при посѣщеніи университета прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, онъ такъ ему понравился своими отвѣтами, что король отвязалъ свою шпагу и далъ ее Кенгельцу, сказавъ при этомъ: *Da haben sie, Herr Collega, meinen Degen zum Andenken*. Въ это время Кенгелацъ посѣтилъ Лондонъ и, вѣроятно, Парижъ. Въ 1797 году онъ вернулся въ родной городъ съ дипломомъ доктора философіи. Жители Бикинды со знаменами и крестами вышли встрѣчать своего ученаго согражданина,

Когда начались притѣсненія сербовъ со стороны мадыарской администраціи, которая хотѣла ограничить привиллегіи сербскихъ поселенцевъ, молодой и ученый Кенгелацъ собралъ депутацію изъ своихъ согражданъ и во главѣ ея отправился къ императору Францу II въ Вѣну съ жалобами на притѣсненія областныхъ властей въ Темешварѣ. Это ходатайство имѣло успѣхъ, но возстановило противъ Кенгельца Торонтальскаго поджупана Марфія, и Кенгелацъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, по совѣту епископа Петровича, принялъ монашество, а его помощникъ въ депутаціи Нико Пайдакъ (не Байдакъ ли?) бѣжалъ въ Россію и впоследствии сталъ русскимъ генераломъ. Въ 1798 г. Кенгелацъ былъ уже архимандритомъ. Но митрополитъ Стратимировичъ, помимо котораго Кенгелацъ былъ посвященъ въ этотъ санъ, былъ этимъ недоволенъ и вскорѣ лишилъ Кенгельца управления монастыремъ Святого Георгія, въ которомъ онъ былъ архимандритомъ и настоятелемъ. Въ 1801 и 1802 гг. Кенгелацъ былъ преподавателемъ въ Темешварскомъ духовномъ училищѣ. Послѣ онъ вновь былъ назначенъ настоятелемъ Свято-Георгіевского монастыря, гдѣ и умеръ 7 марта 1834 года.

Въ сербской литературѣ онъ извѣстенъ двумя имъ изданными книгами: Естествословіе (въ Будиный Градъ) 1811 года и Всемирнаго Сбытіясловія, часть первая (въ Будиномъ градѣ) 1821 года. Кенгелацъ замышлялъ издать цѣлый рядъ книгъ по естественной и политической исторіи. Изъ его сочиненій, оставшихся въ рукописи, извѣстна «Церковная исторія»; III, IV, V и VI части этого сочиненія находятся въ рукахъ его родственника протодьякона Емилиана Радича въ Карловцахъ. Кромѣ того г. Райковичъ напечаталъ въ журналѣ «Седмица» за 1854 г.

«Проповѣдь о покореніи и повиновеніи къ власти изъ оеми посланія Святаго Апостола Павла къ евреямъ главы 13-ія стиха 7-го Павломъ Кенгелцемъ Архімандритомъ Свято-Георгіевскимъ за Сербію составлена 1830 лѣта». Кроме того, по свѣдѣніямъ Е. Чакры (Даница за 1868, стр. 159. Ср. Библия Новаков. стр. 37), Кенгелацъ писалъ «Славенно-Сербскія вѣдомости», выходившія въ Вѣнѣ въ 1793—1794 г., и побудилъ Стефана Новаковича издавать эту первую сербскую газету.

Кенгелацъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени: онъ зналъ еврейскій, греческій, латинскій, русскій, мадьярскій, французскій, румынскій, нѣмецкій и англійскій языки, но писалъ лишь на церковно-славянскомъ и нѣмецкомъ. По мнѣнію сербскихъ критиковъ, его церковно-славянскій языкъ можетъ быть названъ образцовымъ (Огледало Хаджи-ча 1864, стр. 119, въ статьѣ Г. С. Поповича о Павлѣ Кенгелцѣ). Онъ умѣлъ приспособить сербо-церковно-славянскій языкъ къ выраженіямъ чисто свѣтскихъ наукъ. Самъ Кенгелацъ такъ отзывался о языкѣ своихъ сочиненій: Печался, елико славянски самъ разумѣваю, чисто славянски писати. Большимъ отъ мене славяномъ возмнится твореніе или стугъ мой простъ: мнѣ равнымъ угоденъ, явоже и мнѣ: полуученымъ и школьскимъ лисовомъ высокъ и теменъ. Они да напишутъ болше, и азъ покло-нюся имъ; они да примутъ съ онаковымъ усердіемъ, съ нако-нымъ азъ писахъ сіе: сіи да будутъ подражатели мнѣ, и бол-шымъ отъ мене славяномъ. (Предисловіе къ Естествословію, стр. 11 и 12.)

Въ Естествословіи Кенгелацъ рассуждаетъ о происхожденіи земли, о горахъ, о рѣкахъ и источникахъ, вѣтрахъ, землетрясеніи, вулканахъ, лѣтосчисленіи и временахъ года, при чемъ сообщаются свѣдѣнія и астрономическія. Последняя глава занята разсужденіемъ о *человѣкѣ*: въ ней между прочимъ Кенгелацъ отводитъ значительное мѣсто вопросу о зарожденіи чело-вѣка, строеніи чело-вѣческаго тѣла и говоритъ о душѣ. Онъ при-водитъ мнѣнія важнѣйшихъ ученыхъ по естествознанію отъ Аристотеля до Бюффона и даетъ свои мнѣнія о вопросахъ, о которыхъ рассуждаетъ. *Естествословіе* не мало поводъ зависти-никамъ ученой славы Кенгелца, къ новыѣмъ нападкамъ на автора книги: стали утверждать, что онъ перевелъ эту книгу съ рус-скаго, хотя это опровергалось фактами, вошедшими въ книгу и

извѣстными лишь однимъ сербамъ въ то время, какъ напимѣръ извѣстіями о голубачкой мухѣ. Кенгелацъ обратился къ предсѣдателю Академіи Наукъ въ Петербургѣ А. С. Шишкову съ просьбой разъяснить дѣло, — и въ своемъ отвѣтѣ Шишковъ называетъ «совершеннѣйшею неправдою», будто Кенгелацъ перевелъ съ русскаго свои сочиненія. «Сія сочиненія Ваши, какъ по содержанію своему, такъ по добротѣ мыслей и слогу, весьма достопочтенныя, Вамъ собственно принадлежать и дѣлаютъ Вамъ честь. Академія съ удовольствіемъ это свидѣтельствуетъ.»

Самъ Кенгелацъ въ своемъ предисловіи къ «Сбытіясловію» такъ отзывается о людяхъ, обвинявшихъ его въ плагіатѣ: Нѣцыи о моемъ естествословіи мудрствующе, или наче рещи, безумствующе, обуродѣша, и до такового скудоумія пришедше, сумняхуса, яко мое есть твореніе. Инии еще горше заблудиша, обезславити и омерзити мя у народа хотяще, рѣша: яко оное изъ Россіи украдъ, подъ моимъ именемъ печатати далъ есмь. О! да бы си и ты, доброненавистный бѣсе, въ Россіи былъ, не бы тако о честнѣмъ человѣцѣ злоумствовалъ. Аще иное что не бы ты тамо вразумило, поне Россійскій кнутъ привелъ бы ты въ разумъ, да не блядословиши на божнаго отъ тебе; хульному языку молчаніе требъ есть наложить». (Предисл. къ Сбытіясловію, 1821 г., стр. 3). На свое авторство, Кенгелацъ смотрѣлъ какъ на долгъ, возложенный на него самимъ монашескимъ его званіемъ. «Должность званія моего исполняю, якоже и прочіи, древніи монашескаго чина преподобніи отцы, ниже нѣсмь достоинъ нарециса преемникомъ, со всякимъ тщаніемъ и огненною любовію исполниша, (ibid. стр. 5). Въ этой первой части Сбытіясловія разсказана исторія Іудеевъ, при чемъ въ послѣдней главѣ описаны судьбы іудейскаго народа «отъ Рождества Христова до нашихъ временъ, лѣта Христова 1-го до 1821-го».

Какъ «Естествословіе», такъ и «Сбытіясловіе» — вышло только по одной книгѣ, хотя перваго предполагалъ Кенгелацъ написать 4 части: о царствѣ животныхъ, о царствѣ растений и о царствѣ камней. Оба эти его произведенія напечатаны славянскимъ шрифтомъ съ наблюденіемъ всѣхъ надстрочныхъ знаковъ и особенно-стей церковно-славянскаго алфавита.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.		СТРОКИ	НАПЕЧАТАНО	НАДОБНО
9	сверху	18	небольшою	небольшою
21	—	6	правословной	православной
22	—	15	Романомъ	Леонимъ
35	—	17	общественное	общественное
38	—	14	шутлибыя	шутливыя
48	—	6	Взлградъ	Взлградъ
61	снизу	6	ѣ	Ѣ
65	сверху	2	переписать	записать
67	—	13	Конитаръ	Копитаръ
68	—	13	ријечима	ријечма
84	—	4	удноенія	удвоенія
93	—	19	соленою	соляною
101	—	3	сербамъ	сербамъ
110	—	11	писателой	писателей
116	снизу	1	совѣтъ	Совѣтъ
127	—	3	Senhriftthums	Schriftthums
128	—	4	Писаничани	Писаничани
133	—	3	так е	такое
135	сверху	9	руско-славянскаго	руско-славянскаго,
146	—	3	изданія	изданія,
147	—	19	но	не
155	—	10	25	26
159	—	9	Евстаѳій	Евстафій
162	—	12	мѣше	мѣше
163	—	14	Карджичъ	Караджичъ
167	—	7	сербъ,	сербъ

СТРАН.		ОТРОКИ	НАПЕЧАТАНО	НАДОБНО
181	—	15	народныхъ	народныхъ
182	—	16	пушутъ	пишутъ
183	снизу	8	сербскій,	сербскій
187	—	8	издалъ	напечаталъ
192	сверху	12	подраженія	подражанія
—	снизу	5	своемъ	своемъ
199	сверху	1	отъ	онъ
205	снизу	8	Србска	Сербска
206	—	8	измѣненія	измѣненія
208	—	6	цѣлесообразнѣе	цѣлесообразнѣе
214	сверху	1	сличноречности	сличноречности
220	снизу	2	ријечи	ријечи
221	—	14	злаполучное	злаполучное
226	—	8	въ	къ
227	сверху	2	іа	какъ іа
228	—	9	догаѣемъ	догаѣемъ
230	снизу	9	письмы	письмъ

